Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Стебаев Александр Александрович

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛИЦЕНЗИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ПРАВОМ НА ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Рузакова Ольга Александровна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ ЛИЦЕНЗИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ПРАВОМ НА ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ 21
§ 1.1. Становление лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ 21
§ 1.2. Понятие и элементы лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ 32
§ 1.3. Место лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ в системе обязательств 67
ГЛАВА 2. ВИДЫ ЛИЦЕНЗИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ПРАВОМ НА ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ 83
§ 2.1. «Классические» лицензионные отношения по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ и отношения, построенные по модели удаленного доступа 83
§ 2.2. «Дистрибьюторские» и «пользовательские» лицензионные отношения по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ 97
§ 2.3. Лицензионные отношения по распоряжению исключительным правом на «свободные» программы для ЭВМ 107
ГЛАВА 3. ДОГОВОР КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛИЦЕНЗИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ПРАВОМ НА ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ 123
§ 3.1. Заключение договоров в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ 123
§ 3.2. Условия договоров в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ 128

§ 3.3. Изменение и расторжение договоров в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ 147

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 169

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ..... 176

Приложение №1. Проект федерального закона о внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации 195

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Программы для ЭВМ представляют собой весьма специфический объект интеллектуальных прав. Являясь результатом интеллектуальной деятельности, охраняемым в режиме авторского права, программа для ЭВМ имеет ряд особенностей, которые отличают ее как от всех остальных результатов интеллектуальной деятельности в целом, так и от иных объектов авторского права в частности. Безусловно, первостепенной задачей при исследовании вопросов в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ является учёт особенностей данного объекта, то есть специфики программ для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности. Игнорирование специфики программы для ЭВМ не только создает определенные проблемы в правоприменительной практике и при реализации законотворческой деятельности, но и не позволяет в полной мере обеспечить охрану прав и законных интересов участников гражданского оборота, вступающих в гражданско-правовые отношения по поводу использования программ для ЭВМ. В связи с этим специфика программ для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности, учёт которой является обязательным как для учёных-юристов, так и для компетентных в соответствующей сфере государственных органов, выступает в качестве первого аспекта актуальности темы настоящего исследования.

Второй аспект актуальности темы настоящего исследования тесно связан с развитием информационных технологий, которое выступает в качестве ключевого фактора переустройства современного рынка программных продуктов, обуславливающего потребность в уяснении кардинально новых механизмов оформления лицензионных отношений. Развитие информационных технологий оказывает существенное, а точнее — первостепенное влияние на совершенствование законодательства в сфере лицензионных отношений, является движущей силой для правового урегулирования новых вариантов

распространения программных продуктов и обновления юридической терминологии в соответствующей сфере.

Наконец, третий аспект актуальности темы настоящего исследования диктуется текущей геополитической обстановкой. Так, в 2022 году многие крупные иностранные правообладатели программного обеспечения[1], такие как Cisco, VMware и Citrix, в одностороннем порядке приостановили исполнение договоров, заключенных с российскими компаниями, что повлекло за собой не только лишение российских пользователей технической возможности использовать программные продукты, но и определенные правовые коллизии при решении соответствующих споров в судебном порядке. Данное обстоятельство стало очередным толчком к более детальному урегулированию законодателем лицензионных отношений, особенно тех, участниками которых является само государство в лице соответствующих органов и организаций. Регуляторная политика государства в обозначенной сфере выразилась в установлении не только ограничительных (сокращение доли продуктов иностранных компаний на государственных предприятиях), но и стимулирующих (установление налоговых льгот для программных продуктов, включенных в Реестр отечественных программ для ЭВМ) мер.

С учетом совокупности вышеизложенных аспектов абсолютно справедливо и небезосновательно можно говорить о многогранности и весомой значимости темы настоящего диссертационного исследования. Актуальность обозначенной автором темы диссертационного исследования обусловлена, с одной стороны, спецификой программы для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности, а с другой стороны — динамикой развития лицензионных отношений по поводу соответствующего объекта. Динамика развития соответствующих отношений предопределяется как позитивными (развитие информационных технологий), так и негативными (участившиеся в последнее время случаи нарушения договорных

[1] В деловой практике иностранных правообладателей программного обеспечения, которые зарегистрированы за пределами территории Российской Федерации и осуществляют свою коммерческую деятельность в соответствии с законодательством той страны, на территории которой они зарегистрированы, принято называть «вендор» («vendor» в переводе с английского языка – продавец или поставщик).

обязательств по поводу программного обеспечения со стороны иностранных правообладателей) факторами, подлежащими обязательному учёту при совершенствовании законодательства в сфере лицензионных отношений.

Степень научной разработанности темы исследования. Исследуемым в рамках настоящей работы вопросам в той или иной степени было посвящено несколько диссертационных исследований отечественных и зарубежных учёных:

— вопросы в области правовой охраны программы для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности прорабатывались в диссертациях Н.Ю. Мочёнова «Правовая охрана программ для ЭВМ» (Москва, 2007), В.А. Корнеева «Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав» (Москва, 2010), С.Н. Быкова «Система гражданско-правовых средств охраны компьютерных программ» (Москва, 2013);

— вопросы в области распоряжения исключительным правом на результаты интеллектуальной деятельности прорабатывались в диссертациях О.А. Рузаковой «Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами» (Москва, 2007), В.А. Шуваева «Гражданско-правовое регулирование лицензионного договора на использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации» (Москва, 2009), Е.П. Калиничевой «Лицензионный договор как основание возникновения обязательства» (Ростов-на-Дону, 2011), В.В. Совы «Классификация и содержание договоров в сфере интеллектуальной собственности» (Москва, 2012);

— вопросы в области «открытых» лицензий на результаты интеллектуальной деятельности в целом прорабатывалась в диссертациях В.Б. Нагродской «Открытая лицензия как способ распоряжения исключительным правом на произведение науки, литературы и искусства» (Москва, 2018) и Л.А. Текеевой «Открытые лицензии в праве интеллектуальной собственности» (Москва, 2018). Однако данные диссертационные исследования представляют собой результаты общего исследования применительно ко всем результатам интеллектуальной деятельности, для которых действующим российским

законодательством предусмотрена возможность предоставления открытой лицензии. Соответственно, указанные диссертационные исследования невозможно признать учитывающими в достаточной степени особенности программы для ЭВМ как специфического результата интеллектуальной деятельности. Единственным диссертационным исследованием, учитывающим соответствующие особенности должным образом, является диссертация Е.Ю. Смирновой «Открытая лицензия как форма распоряжения исключительным правом на программу для ЭВМ с открытым исходным текстом» (Москва, 2015), однако открытая лицензия представляет собой всего лишь один из существующих видов лицензий применительно к программам для ЭВМ;

— вопросы в области договорных отношений по поводу программ для ЭВМ как результатов интеллектуальной деятельности также в той или иной степени прорабатывались в нескольких диссертационных исследованиях. Весьма трудным представляется переоценить значение для юридической науки диссертационных исследований В.В. Черячукина «Право интеллектуальной собственности на программы для ЭВМ и базы данных в Российской Федерации и зарубежных государствах» (Волгоград, 2003) и Д.А. Янковенко «Способы передачи исключительного права на программы для ЭВМ по праву Германии и России» (Москва, 2013). Обозначенные работы, безусловно, представляют собой результат существенного вклада в юридическую науку как минимум на том основании, что в их рамках был проведен глубокий сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного законодательства по поводу программ для ЭВМ и лицензионных отношений, объектом которых является соответствующий результат интеллектуальной деятельности. Наиболее же близкой к теме настоящего исследования является диссертация Б.Е. Семенюты «Гражданско-правовые договоры о предоставлении права использования программы для ЭВМ» (Москва, 2013), в которой автор уделяет детальное внимание особенностям программ для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности, а также договорам, предусматривающим в качестве предмета передачу права использования программы для ЭВМ. Однако данное

диссертационное исследование в связи с его давностью естественным образом не учитывает актуальную правоприменительную практику в сфере лицензионных отношений и современные тенденции их развития, которые, несомненно, имеют весомое значение для цели исследования соответствующих вопросов.

Находящимся в периметре темы настоящего исследования вопросам также были посвящены отдельные монографии, научные статьи и иные виды работ отечественных и зарубежных учёных и юристов. Среди них следует особо выделить научные работы А.И. Савельева, в том числе его монографию «Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения» (Москва, 2024). Вместе с тем в науке до сих пор остается множество дискуссионных вопросов по исследуемой теме, в том числе о правовой природе отношений, построенных по модели удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ без передачи пользователю самого экземпляра программы, а также иные вопросы, связанные с возникновением, изменением и прекращением лицензионных отношений. Решение соответствующих вопросов не представляется возможным без проведения комплексного исследования лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ, учитывающего современные тенденции в сфере их правового регулирования и релевантную правоприменительную практику. Данные обстоятельства обусловили поставленную автором цель настоящего диссертационного исследования.

Целью настоящего диссертационного исследования является решение научной проблемы, заключающейся в формировании комплексного научного представления о лицензионных отношениях по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ и разработка на его основе новых теоретических и практических положений о правовом регулировании лицензионных отношений по поводу программ для ЭВМ.

Для достижения сформулированной автором цели были поставлены следующие **задачи диссертационного исследования:**

1) выявить и охарактеризовать ключевые этапы становления лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ и современные тенденции в соответствующей сфере;

2) определить элементы (объект, субъекты, содержание) лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ и сформулировать понятие лицензионных отношений;

3) провести соотношение лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ с иными обязательствами (купля-продажа экземпляра программы для ЭВМ, оказание услуг по технической поддержке программы для ЭВМ и выполнение работ по разработке (доработке) программы для ЭВМ) и определить место лицензионных отношений в системе соответствующих обязательств;

4) систематизировать современные виды лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ и выявить их особенности;

5) выявить проблемы, связанные с заключением, исполнением, изменением и прекращением договоров в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ и предложить пути их решения.

Объектом настоящего диссертационного исследования являются общественные отношения по поводу использования программ для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности, складывающиеся в связи с распоряжением исключительным правом на программу для ЭВМ в формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Предметом настоящего диссертационного исследования являются нормы российского законодательства, регулирующие общественные отношения по поводу использования программ для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности, правоприменительная практика судов Российской Федерации и зарубежных стран, отечественная и зарубежная правовая доктрина.

Методология и методы научного исследования. В рамках проведенного автором диссертационного исследования были применены общенаучные и

частнонаучные методы исследования. Автор применяет историко-правовой метод исследования посредством изложения в работе истории становления лицензионных отношений в российском и зарубежном законодательстве, определения основных этапов и их значения для дальнейшего развития законодательства в соответствующей сфере. В целях всестороннего рассмотрения объекта исследования автор использует формально-логические (в том числе анализ, синтез, индукция) и системно-структурный методы исследования, что нашло отражение в последовательном рассмотрении элементов лицензионных отношений, их места в системе обязательств и особенностей отдельных видов лицензионных отношений. Далее автор применяет формально-юридический метод исследования посредством рассмотрения действующих правовых норм в исследуемой сфере и практики их применения. Наконец автором используется метод правового моделирования для цели формулирования предложений по совершенствованию законодательства, направленных на решение выявленных автором проблем и противоречий в исследуемой сфере.

Теоретическую основу настоящего диссертационного исследования образуют работы отечественных и зарубежных учёных в области общей теории права, гражданского права, в том числе права интеллектуальной собственности, в частности, М.М. Агаркова, С.С. Алексеева, В.А. Белова, И.А. Близнеца, М.И. Брагинского, Е.В. Вавилина, В.С. Витко, В.В. Витрянского, Е.А. Войниканис, Э.П. Гаврилова, Е.С. Гринь, В.А. Дозорцева, О.С. Иоффе, В.Б. Исакова, В.О. Калятина, В.А. Канашевского, В.А. Корнеева, О.А. Красавчикова, А.В. Малько, Н.И. Матузова, Б.Л. Назарова, Л.А. Новоселовой, К.П. Победоносцева, М.А. Рожковой, О.А. Рузаковой, К.И. Рябова, А.И. Савельева, Б.Е. Семенюты, А.П. Сергеева, С.А. Синицина, Р.И. Ситдиковой, В.А. Тархова, Е.Е. Фроловой, Р.О. Халфиной, Г.В. Цепова, А.Ю. Чурилова, М.Д. Шарогродского, Г.Ф. Шершеневича, О.Ю. Шилохвоста, Н.В. Щербак, Д.А. Янковенко, R. Clark, J. Gallegos, G. Kratochwill, M.J. Madison, E. Maggio, F. Marotta-Wurgler, G. Spindler, R. Zmurchyk и др.

Нормативную основу настоящего исследования образуют, прежде всего, положения Гражданского кодекса Российской Федерации, иных федеральных законов Российской Федерации и подзаконных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих непосредственно вопросы возникновения, изменения и прекращения лицензионных отношений по поводу программ для ЭВМ. Дополнительно автором были приняты во внимание и проанализированы положения нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих тесно связанные с темой настоящего диссертационного исследования вопросы, в частности — положения законодательства Российской Федерации о защите прав потребителей.

Эмпирическую основу настоящего диссертационного исследования образуют судебные акты Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации, а также иных судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации и зарубежных стран по вопросам возникновения, изменения и прекращения лицензионных отношений по поводу программ для ЭВМ.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в построении соискателем целостной теоретической концепции лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ, базирующейся на таких категориях, как «лицензионные отношения» и «право использования», которые были определены соискателем применительно к лицензионным отношениям, складывающимся по поводу программы для ЭВМ. Сформулированная соискателем концепция учитывает особые свойства программы для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности и сложившиеся в деловой практике варианты оформления лицензионных отношений по поводу соответствующего объекта во всем их многообразии. В частности, соискателем сформулирована конструкция и существенные условия договора, в связи с заключением которого складываются лицензионные

отношения особого рода, построенные по модели удаленного доступа (не предполагающие передачу лицензиату экземпляра программы для ЭВМ).

Научные положения, выносимые на защиту:

1. В работе сформулировано определение «лицензионных отношений», под которыми предлагается понимать длящиеся гражданско-правовые отношения по поводу использования программы для ЭВМ в предусмотренных законом и (или) договором пределах (способы, объемы (количество пользователей, устройств и т. д.), срок и территория использования). Обозначенные отношения возникают в связи с наступлением юридических фактов, направленных на распоряжение исключительным правом: создание программы для ЭВМ; заключение лицензионного договора; заключение договора о предоставлении пользователю ЭВМ удаленного доступа к функционалу программы. В последнем случае речь идет о лицензионных отношениях особого рода, квалифицирующим признаком которых является наличие у правообладателя или управомоченного им лица технической возможности прекратить доступ пользователя ЭВМ к функционалу программы в одностороннем порядке.

2. Обосновано, что в силу своей обусловленности техническими и качественными характеристиками программа для ЭВМ, как объект лицензионных отношений, обладает свойствами, существенным образом отличающими ее от иных объектов авторского права. Ключевым свойством программы для ЭВМ является определенное ее алгоритмами функциональное назначение (способность к выполнению тех или иных команд на ЭВМ при использовании программы), в силу чего достижение лицензиатом (пользователем) возможности реализовывать функционал программы при пользовании ее материальным носителем (экземпляром) выступает в качестве конечной цели лицензионных отношений. Следствием указанного является тесная связь программы для ЭВМ (результат интеллектуальной деятельности) с ее экземпляром (вещь), которая находит свое отражение в том, что с переходом права собственности на экземпляр программы для ЭВМ непосредственно связано и предоставление права использования программы для ЭВМ (результат интеллектуальной деятельности).

3. Под использованием программы для ЭВМ, помимо ее воспроизведения, распространения и переработки (прямо предусмотренные законом способы), автор предлагает также понимать действия, направленные на предоставление пользователю ЭВМ возможности реализовывать функционал программы на ЭВМ пользователя посредством удаленного доступа пользователя ЭВМ к экземпляру программы, размещенному на сервере лица, организующего соответствующий доступ. Рассматриваемое действие в силу своего существа может осуществляться лишь с согласия правообладателя программы для ЭВМ или управомоченного им лица в предусмотренных договором пределах.

4. Установлено значение лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ в качестве фактора, обуславливающего возникновение иных гражданско-правовых отношений (оказание услуг по технической поддержке программы для ЭВМ, выполнение работ по разработке (доработке) программы для ЭВМ). Соответствующее назначение лицензионных отношений находит свое отражение в обусловленности возникновения перечисленных гражданско-правовых отношений наличием у их субъектов необходимых прав по использованию программы для ЭВМ, возникающих в связи с наступлением юридических фактов, направленных на возникновение лицензионных отношений.

5. Обосновано, что подлежащие применению к конкретным видам лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ нормы подлежат определению исходя из содержания отношений («классические» лицензионные отношения, предполагающие передачу лицензиату экземпляра программы для ЭВМ; отношения, построенные по модели удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ); цели субъектов отношений («дистрибьюторские» лицензионные отношения, направленные на извлечение прибыли от распространения программ для ЭВМ; «пользовательские» лицензионные отношения, направленные на собственно использование программы для ЭВМ по ее функциональному назначению) и степени установленных правообладателем ограничений по использованию программы

(лицензионные отношения по поводу «свободных» программ; лицензионные отношения по поводу «проприетарных» программ).

6. В работе сформулирована конструкция договора о предоставлении пользователю ЭВМ удаленного доступа к функционалу программы. В рамках соответствующего договора одна сторона (правообладатель программы для ЭВМ или управомоченное им лицо) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (пользователю) возможность реализовывать функционал программы на ЭВМ пользователя посредством удаленного доступа пользователя ЭВМ к экземпляру программы, размещенному на сервере правообладателя программы для ЭВМ или управомоченного им лица. Существенными условиями договора о предоставлении пользователю ЭВМ удаленного доступа к функционалу программы являются: предмет договора посредством указания на программу для ЭВМ, право использования которой предоставляется по договору, и место размещения такой программы для ЭВМ (адрес сайта в сети Интернет, через который осуществляется подключение пользователя к программе для ЭВМ); размер или порядок определения размера вознаграждения за предоставление удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ; срок, на который предоставляется право использования программы для ЭВМ (срок доступа). Необходимость признания срока доступа в качестве существенного условия соответствующего договора обусловлена технической возможностью прекратить доступ в одностороннем порядке при том, что в случае неправомерного прекращения доступа расчет части вознаграждения, подлежащего возврату (пропорционально сроку доступа), будет затруднителен.

7. Обозначено, что невозможность выполнения программой обусловленной договором функциональности в течение предусмотренного договором срока действия лицензии (срока доступа) делает непригодной программу для ее использования в тех целях, ради которых был заключен соответствующий договор, что свидетельствует о том, что цель, которой руководствовались субъекты лицензионных отношений, не была достигнута. На данном основании сделан вывод о том, что несоответствие программы для ЭВМ обусловленному

договором функционалу в течение предусмотренного договором срока действия лицензии (срока доступа) представляет собой существенное нарушение договора при условии, что соответствующая невозможность не связана с действиями третьих лиц, не являющихся субъектами соответствующих лицензионных отношений или действиями самого лицензиата. К последнему следует отнести, в частности, использование программы на ЭВМ, не соответствующей техническим требованиям, о которых лицензиат был уведомлен лицензиаром, а также случаи осуществления лицензиатом самостоятельно или с привлечением третьих лиц действий по модификации, то есть внесению изменений в программу для ЭВМ, влекущих за собой изменения функциональности программы для ЭВМ.

8. Установлены критерии, которым должны соответствовать условия, ограничивающие имущественную ответственность лицензиара перед лицензиатом (пользователем) в рамках заключенного между ними договора. Лицензиат не может быть лишен возможности использовать программу для ЭВМ по ее обычному назначению (в тех целях, для которых обычно используются программы для ЭВМ подобного рода, если иное не предусмотрено договором) на согласованных сторонами условиях (в том числе предусмотренными договором способами и в течение установленного договором срока действия лицензии). Недопустимы также условия, ограничивающие ответственность лицензиара перед лицензиатом в случаях возникновения у лицензиата прямо не предусмотренных договором обязательств перед третьими лицами, а равно причинения лицензиату имущественного ущерба, выраженного в претензиях и (или) исках третьих лиц и (или) назначенных к взысканию с лицензиата сумм штрафов за нарушение интеллектуальных прав третьих лиц.

9. Обосновано, что условие о предоставлении лицензиату программы для ЭВМ в том функционале и состоянии, которые существовали на момент ее предоставления («as is», или «как есть»), представляет собой прямо предусмотренную законом форму ограничения ответственности (пункт 3 статьи 401 ГК РФ), а не обычай (пункт 1 статьи 5 ГК РФ). Несмотря на широкое применение «как есть» в договорной практике, безусловное признание такого

условия в качестве обычая не представляется возможным ввиду отсутствия на сегодняшний день строго определенных качественных границ условия «как есть», в силу чего невозможно считать «как есть» сложившимся правилом поведения.

В случае признания «как есть» в качестве обычая (или закрепления соответствующего правила в правовом акте) предлагается альтернативная формулировка данного условия, позволяющая обеспечить баланс прав и законных интересов субъектов лицензионных отношений:

- Лицензиар предоставляет программное обеспечение на условиях «как есть», что предполагает соответствие программного обеспечения установленным договором требованиям и возможность выполнения программой для ЭВМ обусловленного договором функционала в течение срока действия лицензии при использовании лицензиатом программы в том виде, в котором она существовала на момент ее предоставления. В случае внесения лицензиатом или третьими лицами каких-либо изменений в код программы, а также использования предоставленной по договору программы для ЭВМ в интеграции со сторонней программой для ЭВМ лицензиар не гарантирует лицензиату надлежащее функционирование программы для ЭВМ и не несет перед лицензиатом какую-либо ответственность, если иное не предусмотрено договором.

На основании проведенного в работе исследования предложено внести изменения в четвертую часть Гражданского кодекса РФ, в том числе:

1) дополнить ГК РФ статьей 1235.1 «Договор о предоставлении удаленного доступа к программе для ЭВМ»:

«1. По договору о предоставлении удаленного доступа к программе для ЭВМ одна сторона – обладатель исключительного права на программу для ЭВМ или управомоченное правообладателем лицо предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (пользователю) возможность реализовывать в предусмотренных договором пределах функционал программы на ЭВМ пользователя посредством удаленного доступа пользователя ЭВМ к экземпляру

программы, размещенному на сервере правообладателя программы для ЭВМ или управомоченного им лица.

Пользователь не становится обладателем прав, предусмотренных статьей 1280 настоящего Кодекса.

2. Договор о предоставлении удаленного доступа к программе для ЭВМ заключается в письменной форме или в упрощенном порядке.

Договор о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ, заключаемый в упрощенном порядке, является договором присоединения, условия которого, в частности, могут быть изложены в электронном виде (пункт 2 статьи 434). Начало использования программы для ЭВМ пользователем, как оно определяется указанными условиями, означает его согласие на заключение договора. В этом случае письменная форма договора считается соблюденной.

Договор о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ, заключаемый в упрощенном порядке, является безвозмездным, если договором не предусмотрено иное.

3. Договор о предоставлении удаленного доступа к программе для ЭВМ должен предусматривать:

1) предмет договора путем указания на программу для ЭВМ, право использования которой предоставляется по договору, и место размещения такой программы для ЭВМ (адрес сайта в сети Интернет, через который осуществляется подключение пользователя к программе для ЭВМ);

2) срок, на который предоставляется право использования программы для ЭВМ посредством предоставления пользователю удаленного доступа к программе для ЭВМ для цели использования ее функциональных возможностей.

4. Правила настоящего Кодекса о лицензионном договоре применимы к отношениям, возникающим в связи с заключением договора о предоставлении удаленного доступа к программе для ЭВМ, если иное не предусмотрено правилами настоящего Кодекса или не вытекает из существа таких отношений»;

2) дополнить ГК РФ статьей 1286.2 «Лицензионный договор о предоставлении права использования программы для ЭВМ в целях реализации функциональных возможностей»:

«1. К лицензионным договорам о предоставлении лицензиату права использования программы для ЭВМ посредством ее инсталляции и запуска на ЭВМ лицензиата исключительно в целях реализации функциональных возможностей программы для ЭВМ применяются положения, предусмотренные настоящей статьей.

2. В случае если лицензионным договором не предусмотрено описание функциональных возможностей программы для ЭВМ, право использования которой предоставлено по лицензионному договору, такая программа для ЭВМ должна быть пригодна для достижения такого результата, который обычно достигается при использовании программ для ЭВМ подобного рода.

Условия, ограничивающие использование программы для достижения такого результата, который обычно достигается при использовании программами для ЭВМ подобного рода, ничтожны.

3. Лицензиат вправе использовать программу для ЭВМ на территории всего мира, если иное не предусмотрено законом.

Условия, ограничивающие территорию, на которой допускается использование программы для ЭВМ в целях реализации функциональных возможностей, ничтожны, за исключением случаев, когда такие ограничения обусловлены техническими свойствами программы для ЭВМ, которые не позволяют использовать ее на территории всего мира.

4. Лицензиат вправе использовать программу для ЭВМ в объеме (количество пользователей и (или) ЭВМ, на которых одновременно может быть запущена программа), предусмотренном лицензионным договором.

Лицензиат не ограничен в объемах использования программы для ЭВМ (количество пользователей и (или) ЭВМ, на которых одновременно может быть запущена программа), если договором не предусмотрено иное».

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что сформулированные автором в рамках концепции лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ теоретические и практические положения об их правовом регулировании будут способствовать развитию доктрины в области права интеллектуальной собственности, уточнению научных категорий («лицензионные отношения», «право использования» и т. д.). Выводы автора могут быть использованы в дальнейших исследованиях, посвященных особенностям отдельных видов лицензионных отношений по поводу программ для ЭВМ.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что сформулированные автором выводы могут быть использованы в правоприменительной практике, а предложения по изменению законодательства могут быть использованы законодателем для соответствующих целей. Кроме того, научные выводы автора настоящего диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке учебных и методических материалов для таких дисциплин, как «Гражданское право», «Право интеллектуальной собственности», «Авторское право», «Договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами», «Правовая охрана программ для ЭВМ и баз данных».

Степень достоверности результатов исследования достигается за счет последовательного исследования лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ посредством обращения к российскому и зарубежному законодательству, отечественной и зарубежной доктрине, а также правоприменительной практике. Выводы автора основаны на результатах исследования, в том числе более чем 100 доктринальных источников (монографии, кандидатские и докторские диссертации, научные статьи) и 50 судебных актов (обзоры, постановления и решения по конкретным делам в сфере лицензионных отношений).

Апробация результатов исследования заключается в том, что сделанные по результатам диссертационного исследования выводы были положены в основу

написанных и опубликованных автором научных статей в научно-практических журналах, а также в сборниках тезисов докладов участников-докладчиков научно-практических конференций и иных изданиях. Основные положения диссертации были изложены в рамках выступлений с докладами на научно-практических конференциях: XXIV Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) и XXIV Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в рамках XIII Московской юридической недели, 22 ноября 2023 г., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва; Научная конференц-сессия «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего», 20-24 мая 2024 г., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), г. Москва; XIII Международный IP Форум, 14-15 февраля 2025 г., Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва; Межвузовская научно-образовательная конференция «Новые вызовы и возможности частного права», 10 апреля 2025 г., Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации (МГИМО), г. Москва.

Общее количество научных работ автора составляет 6 (шесть) публикаций, из которых 4 (четыре) были опубликованы в научно-практических журналах, рецензируемых Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, и 2 (две) в иных изданиях.

Структура диссертационного исследования обусловлена поставленной автором целью и сформулированными для достижения такой цели задачами. Настоящая диссертация состоит из введения, трех глав и девяти параграфов, последовательно раскрывающих тему исследования, заключения, списка использованных автором при подготовке настоящего диссертационного исследования источников, а также разработанного автором проекта федерального закона о внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации.

ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ ЛИЦЕНЗИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ПРАВОМ НА ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ

§ 1.1. Становление лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ

На сегодняшний день как Российская Федерация, так и абсолютное большинство зарубежных стран в отношении программ для ЭВМ применяют режим авторско-правовой охраны со всеми его составляющими[2], базирующимися на положениях Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1896 года[3] и Всемирной конвенции об авторском праве 1952 года[4]. В свою очередь, вопрос о целесообразности применения к программам для ЭВМ именно режима авторско-правовой охраны, а не режима патентно-правовой или какой-либо иной правовой охраны неоднократно становился предметом рассмотрения в научных исследованиях российских учёных и юристов[5].

Не затрагивая обозначенный выше вопрос о целесообразности режима авторско-правовой охраны применительно к программам для ЭВМ, следует признать, что именно появление и дальнейшее развитие в мире авторского права сыграло крайне важную роль для дальнейшего становления законодательства в сфере лицензионных отношений. На данном основании можно говорить об истории становления авторского права как института в целом и истории становления лицензионных отношений в частности.

---

[2] Охрана объекта авторского права в силу самого факта его создания и независимо от соблюдения каких-либо формальностей (государственная регистрация и т.п.), признание в отношении объекта, помимо имущественных прав, ряда личных неимущественных прав автора, исчисление срока правовой охраны объекта исходя из срока жизни автора объекта авторского права и т.п.

[3] Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (Заключена в г. Берне 09.09.1886) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2025).

[4] Всемирная конвенция об авторском праве (Заключена в г. Женеве 06.09.1952) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2025).

[5] См., например, Бородина Ж.Н. Программа для ЭВМ как объект правовой охраны // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. 2022. № 8. С. 22-28; Иваненко М.А. Механизмы правовой охраны компьютерных программ // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2024. № 2. С. 5-19; Рыбянцев А.А. Историко-правовой аспект поиска эффективных механизмов правовой охраны компьютерных программ // Актуальные проблемы права: теория и практика. 2015. № 31. С. 220-227. и др.

История договоров по поводу результатов интеллектуальной деятельности берет свои корни с момента начала формирования законодательства в сфере авторского права, а точнее — с появления первых законодательных актов в России и зарубежных странах. В России соответствующим законодательным актом было Положение о правах сочинителей 1828 года[6], в Великобритании — Статут королевы Анны 1710 года, во Франции — Постановление о принципах 1777 года[7], в Германии Закон о литературной собственности 1837 года, а в США — Закон «Об авторском праве» 1790 года. В перечне же охраняемых результатов интеллектуальной деятельности программы для ЭВМ впервые упоминаются в 1990 году в России, в 1984 году в Великобритании и Франции, в 1985 году в Германии и в 1980 году в США, то есть спустя двести лет с момента начала формирования законодательства в сфере авторского права.

Безусловно, законодательство в сфере авторского права с момента его зарождения (XVIII-XIX вв.) и до прямого указания программ для ЭВМ в перечне охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (вторая половина XX века) постепенно развивалось. Труды учёных в области формирования специальных договорных конструкций применительно к результатам интеллектуальной деятельности (начиная с определения первых в истории авторских договоров так называемой «уступки» права на издание или «издательского договора»[8]) были положены в основу дальнейшего совершенствования законодательства по соответствующему направлению. Так, в России соответствующие идеи получили свое дальнейшее развитие в следующих законодательных актах:

---

[6] Принятие 22 апреля 1828 новой главы Цензурного Устава и Положения о правах сочинителей, можно сказать, ознаменовало первый шаг в законодательной регламентации института авторского права в России, о чем писал российский цивилист Г.Ф. Шершеневич (Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань: типография Императорского университета. 1891. С. 123-125).

[7] В 1777 году во Франции в «Постановлении о принципах» было сформулировано понятие авторского права: «Привилегия есть милость, основанная на справедливости, и служит она и вознаграждением за работу, если предоставляется автору, а если книготорговцу, то обеспечивает возмещение его расходов» (Карелина М.М. История формирования института авторского права // Правосудие. 2020. Т. 2. № 4. С. 161).

[8] См. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч.1: Вотчинные права. СПб: Синодальная типография. 1896. С. 663; Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Ч. 2. Казань: типография Императорского университета. 1892. С. 251.

— Положение об авторском праве 1911 года[9], помимо договора об уступке права на издание, предусматривало также договор об отчуждении авторского права и договор о предоставлении права перевода, публичного исполнения произведения или какого-либо иного из принадлежащих автору прав другому лицу;

— Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года[10] предусматривали два вида авторского договора: договор, по которому автор должен передать для использования уже готовое произведение, и договор, по которому автор должен был создать и передать для использования произведение;

— Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» 1993 года[11] закреплял виды лицензий (исключительная и неисключительная) и существенные условия договора (способы использования произведения (конкретные права), размер вознаграждения и (или) порядок определения размера вознаграждения за каждый способ использования произведения, порядок и сроки его выплаты);

— Гражданский кодекс РСФСР 1964 года[12] договор о предоставлении права использования результата интеллектуальной деятельности впервые называет «лицензионным» договором.

Указанными выше законодательными актами были заложены правовые основы регулирования лицензионных отношений по поводу результатов интеллектуальной деятельности в целом. К моменту указания программ для ЭВМ в перечне охраняемых результатов интеллектуальной деятельности такая договорная конструкция как «лицензионный договор» уже была закреплена и широко использовалась применительно к иным объектам авторского права.

---

[9] Положение об авторском праве: Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственною думою закон. 20 марта 1911 г. // 3 ПСЗ. Т 31. № 34935. Собрание узаконений. 1911. 30 марта. Отд. I. Ст. 560.

[10] Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утв. постановлением Верховного совета СССР N 2211-1 от 31 мая 1991 г.

[11] Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах»: Закон РФ от 09 июля 1993 № 5351-1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2025).

[12] Гражданский кодекс РСФСР: утв. Верховным советом РСФСР 11 июня 1964 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2025).

Признание программ для ЭВМ в качестве объекта авторского права позволило распространить на лицензионные отношения по поводу программ для ЭВМ уже сформировавшийся на тот момент механизм распоряжения автором (иным правообладателем) своим исключительным правом посредством заключения лицензионного договора. Дальнейшее развитие российского законодательства в исследуемой сфере связано с принятием специального регулирования применительно к программам для ЭВМ.

Как отмечает В.И. Еременко, в большинстве стран Европейского союза правовая охрана программ для ЭВМ также развивалась посредством внесения соответствующих изменений в законодательство об авторском праве, в результате чего программы для ЭВМ указывались в перечне объектов авторского права или приравнивались к литературным произведениям[13]. Особенностью развития законодательства государств-членов Европейского союза является гармонизация их законодательства в сфере лицензионных отношений. Так, в 1991 году Советом Европейских обществ была принята директива «О правовой охране программ для ЭВМ»[14], основной смысл которой состоит в установлении для государств-членов Европейского союза критериев правовой охраны программ для ЭВМ и обеспечении баланса прав и интересов «законного приобретателя»[15] и правообладателя программы для ЭВМ.

Директивой устанавливаются содержание исключительного права на программу для ЭВМ, а также изъятия из него, когда технически необходимо разрешение воспроизведения компьютерной программы для ее использования. Соответствующие изъятия состоят в наделении законного приобретателя рядом правомочий, которые не могут быть ограничены условиями контракта с правообладателем. В рамках реализации соответствующих правомочий законный приобретатель может осуществлять действия по загрузке и работе, необходимые

---

[13] Еременко В.И. Авторские права на программы для электронных вычислительных машин // Биржа интеллектуальной собственности. 2010. Т. 9, № 7. С. 7.

[14] Директива N 91/250/ЕЭС Совета Европейских Сообществ «О правовой охране компьютерных программ» (Принята в г. Брюсселе 14.05.1991) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2024).

[15] «lawful user» (в переводе с английского языка – «законный приобретатель») – именно так в Директиве называется лицо, которое правомерно владеет экземпляром программы для ЭВМ в связи с приобретением ее экземпляра (аналог «пользователя программы» из законодательства Российской Федерации).

для использования копии программы, исправлению ошибок, просмотру, изучению и проверке работы программы в целях определения идей и принципов, которые лежат в основе любого элемента программы. Законный приобретатель также вправе осуществлять действия по воспроизведению кода и передаче его формы, которые необходимы для получения информации, требуемой для достижения взаимодействия независимо созданной компьютерной программы с другими программами. При всём указанном преамбулой Директивы было прямо установлено, что соответствующие действия должны осуществляться таким образом, чтобы при этом не нарушались законные интересы носителя прав и не затруднялось нормальное использование программы.

Директива Европейского союза 1991 года утратила свою силу в связи с принятием Европейским парламентом и Советом Европейских обществ в 2009 году новой Директивы «О правовой охране компьютерных программ»[16], которая действует по сегодняшний день. Однако концептуально Директива 2009 года мало отличается от ранее действующей Директивы 1991 года и скорее направлена на приведение терминологии в соответствие с действующей реальностью в области цифровых технологий.

Немаловажную роль в развитии сферы лицензионных отношений сыграли Соединенные Штаты Америки. Формирование и дальнейшая модернизация их законодательства в сфере использования программного обеспечения была обусловлена рядом проходящих в этой стране событий. С 1989 года в США свою деятельность начало Общество разработчиков программ, протестующих против правовой охраны программных продуктов[17]. В 1985 году в США был создан благотворительный фонд «Free Software Foundation» (FSF), способствующий разработке открытого программного обеспечения. FSF была разработана исторически первая типовая открытая лицензия – «General Public License» (GPL) согласно которой пользователь, который приобрел экземпляр

[16] Директива N 2009/24/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О правовой охране компьютерных программ (Принята в г. Страсбурге 23.04.2009)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2025).

[17] Ревинский О.В. Правовая охрана компьютерных алгоритмов и рыночные требования // Интеллектуальная собственность. 1999. № 6. С. 63.

программы под лицензией GPL, получает право на воспроизведение неограниченного числа копий программы, их распространения на любом носителе и модификацию программы по своему усмотрению[18]. Таким образом, США по праву можно считать родиной открытых лицензий, которые в последующем получили активное распространение на территории всего мира.

Возвращаясь к истории становления российского законодательства в сфере лицензионных отношений по поводу программ для ЭВМ, следует отметить принятый в 1992 году Закон о правовой охране программ для ЭВМ[19], который был первым в истории российского законодательства специальным законодательным актом, регулирующим отношения по поводу программ для ЭВМ. Закон о правовой охране программ для ЭВМ впервые закрепил юридическую терминологию в соответствующей сфере[20]; определил перечень действий с программой, входящих в объем исключительного права[21]; установил перечень существенных условий лицензионного договора о предоставлении права использования программы для ЭВМ[22], а также требования к форме[23] соответствующего договора. Наконец в законе впервые определяется объем прав пользователя правомерно приобретенного экземпляра программы для ЭВМ[24].

---

[18] Черячукин В.В. Право интеллектуальной собственности на программы для ЭВМ и базы данных в Российской Федерации и зарубежных государствах: дис … канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 20.

[19] Закон Российской Федерации от 23.09.1992 N 3523-1 «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.02.2025).

[20] Так Закон о правовой охране программ для ЭВМ установил определения ключевых в сфере лицензионных отношений терминов: «программы для ЭВМ», «адаптация», «модификация», «декомпилирование», «воспроизведение», «распространение», «использование» (статья 10 Закона).

[21] Среди соответствующих действий упоминались выпуск программы для ЭВМ в свет; воспроизведение программы для ЭВМ (полное или частичное) в любой форме, любыми способами; распространение программы для ЭВМ; модификация программы для ЭВМ, в том числе перевод программы для ЭВМ с одного языка на другой; иное использование программы для ЭВМ (статья 10 Закона).

[22] К существенным условиям лицензионного договора были отнесены объем и способы использования программы для ЭВМ, порядок выплаты и размер вознаграждения, срок действия договора (абзац второй пункта 1 статьи 11 Закона).

[23] Были закреплены общее и специальное правило заключения договора. Согласно общему правилу договор должен быть заключен в письменной форме (пункт 2 статьи 14 Закона). Согласно специальному правилу при продаже и предоставлении массовым пользователям доступа к программам для ЭВМ допускалось применение особого порядка заключения договоров: например, путем изложения типовых условий договора на передаваемых экземплярах программ для ЭВМ (пункт 3 статьи 14 Закона) (так называемые «оберточные» лицензии).

[24] В соответствующий объем вошли следующие правомочия: осуществлять любые действия связанные с функционированием программы для ЭВМ в соответствии с ее назначением, в том числе запись и хранение в памяти ЭВМ, а также исправление явных ошибок; осуществлять адаптацию программы для ЭВМ; изготавливать или поручать изготовление копии программы для ЭВМ для архивных целей; декомпилировать или поручать декомпилирование программы для ЭВМ (статья 15 Закона).

В совокупности вышеизложенного можно говорить о том, что Закон о правовой охране программ для ЭВМ 1992 года был первым в истории России нормативным правовым актом, достаточно детально регламентирующим лицензионные отношения по поводу программ для ЭВМ. При этом большая часть норм указанного Закона была имплементирована в четвертую часть Гражданского кодекса Российской Федерации практически в неизменном варианте. Сам Закон о правовой охране программ для ЭВМ действовал вплоть до введения в действие четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации.

Можно сказать, что в 90-е годы XX века в обществе сложилось стойкое восприятие программы как особого результата интеллектуальной деятельности, отличающегося своей спецификой, предопределяющей необходимость в установлении по отношению к программам для ЭВМ специального правового регулирования. В обозначенный период также были сформулированы основные правовые нормы, регулирующие лицензионные отношения, и юридическая терминология, которые были в последующем имплементированы в современный Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – «ГК РФ»)[25].

Окончательным этапом формирования современного российского законодательства в сфере лицензионных отношений было введение в действие в 2008 году четвертой части ГК РФ, чем была ознаменована кодификация правовых норм в обозначенной сфере. В дальнейшем нормы ГК РФ приводились в соответствие с тенденциями распространения программ для ЭВМ, которые не могли оставаться без внимания законодателя. Так, в 2014 году в российском законодательстве появляются открытые и так называемые «клик-лицензии», которым посвящены статья 1286.2 и пункт 5 статьи 1286 ГК РФ, введенные в действие Федеральным законом от 12.03.2014 г. N 35-ФЗ.

---

[25] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г., № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 октября 1994 г.: подписан Президентом России 30 ноября 1994 г.; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г., № 14-ФЗ: принят Гос. Думой 22 декабря 1995 г.: подписан Президентом России 26 января 1996 г.; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18 декабря 2006 г., № 230-ФЗ: принят Гос. Думой 24 ноября 2006 г.: подписан Президентом России 18 декабря 2006 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.02.2025).

Современный период развития лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ, который мы можем наблюдать и в настоящее время, может быть охарактеризован рядом тенденций, которые в своих основаниях имеют технические, политические и иные предпосылки. Среди соответствующих тенденций следует выделить те, которые можно охарактеризовать как положительные или нормальные и те, которые являются скорее негативными. Как первые, так и вторые оказывают существенное влияние на сферу исследуемых лицензионных отношений в той или иной степени, а потому учёт соответствующих тенденций является обязательным условием при дальнейшем совершенствовании законодательства.

В основе первой тенденции лежит активное развитие информационных технологий, цифровизация общества, перевод бизнес-процессов в онлайн формат и, как следствие, появление новых моделей оформления лицензионных отношений. В частности, сегодня широкое распространение получили договоры о предоставлении пользователю удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ, особенностью которых является то обстоятельство, что пользователь программы, не имея самого экземпляра программы для ЭВМ (ни физического, ни электронного), получает доступ лишь к функционалу программы посредством подключения к сайту, где такая программа размещена. Соответствующая модель использования программ получила название «Software as a Service» («программное обеспечение как услуга»). Существенные отличия варианта «программное обеспечение как услуга» от классического лицензионного договора породили в науке оправданные дискуссии о правовой природе соответствующих отношений, что нашло отражение в соответствующих научных работах учёных и юристов[26], а законодатель, в свою очередь, начал предпринимать попытки по закреплению терминологии в области соответствующих отношений[27].

---

[26] Основные доктринальные подходы к квалификации отношений, построенных по модели удаленного доступа, подробно изложены в параграфе 2.1 настоящего диссертационного исследования («Классические» лицензионные отношения и отношения, построенные по модели удаленного доступа»).

[27] Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также в статью 15 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (подготовлен Минцифры

Соответствующую тенденцию следует расценивать как положительную, способствующую развитию общественных отношений. Вместе с тем следует сказать, что право никогда не будет поспевать за интенсивным развитием информационных технологий. Важной задачей учёных и юристов в данной области является создание в максимальной степени гибких подходов, которые смогут в достаточной степени охватить все возможные варианты развития общественных отношений, для того чтобы исключать ситуации правовых коллизий в рамках осуществления компетентными органами своей законотворческой и правоприменительной деятельности[28].

В основании второй тенденции находятся участившиеся на практике случаи одностороннего прекращения иностранными правообладателями доступа российских компаний к программным продуктам, их обновлениям и технической поддержке. Подобные действия влекут за собой в большей степени нарушение прав конечных пользователей программ, которые лишаются того, на что они рассчитывали при заключении договора. Кроме того, такие действия могут нарушать и интересы лицензиаров: в частности, в ситуации, когда лицензиаром конечным пользователям даются определенные заверения относительно того, что программа будет доступна пользователю в течение определенного срока, поскольку при нарушении таких заверений сублицензиары согласно статье 431.2 ГК РФ должны компенсировать лицензиатам их убытки, причиненные недостоверностью таких заверений или уплатить предусмотренную договором неустойку. При этом важно отметить фактическое отсутствие у лицензиара инструментов защиты своих интересов, поскольку привлечение иностранных правообладателей к мерам ответственности в ситуации, когда они прекратили

России, ID проекта 02/04/04-24/00147401) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 27.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2025).

[28] В доктрине отмечается, что в условиях стремительного технического развития, цифровизации экономики актуальной задачей правового регулирования является не столько перманентная актуализация и конкретизация законодательства по мере появления новых технических средств и возможностей, сколько обеспечение безопасности и охраны законных интересов граждан и юридических лиц, действующих и (или) вовлекаемых в цифровую среду (см. С.А. Синицын. Гражданское право в современных социально-экономических условиях // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 1. С. 13).

свою деятельность на территории Российской Федерации, более чем проблематично.

Соответствующую тенденцию следует расценивать как негативную и временную. Некоторые варианты решения соответствующих проблем можно встретить как в деловой практике[29], так и среди предлагаемых субъектами законодательной деятельности инициатив[30].

Третья тенденция находит свое отражение в двух направлениях государственной политики в сфере лицензионных отношений. С одной стороны, государство устанавливает приоритет отечественных программных продуктов перед программными продуктами иностранных правообладателей в рамках закупок соответствующих программных продуктов для государственных и муниципальных нужд[31]. С другой стороны, государство устанавливает полный запрет на использование программных продуктов иностранных производителей для отдельных групп субъектов[32]. В совокупности указанные

---

[29] В договорной практике был выработан подход о формулировании возможности частичного исполнения договора и возврата лицензиату части ранее им уплаченного вознаграждения пропорционально сроку фактического использования программного продукта.

[30] Например, законопроект, внесенный депутатом Государственной Думы П.В. Крашенинниковым, который был направлен на «заморозку» подобных обязательств до фактической возможности их исполнения и связанное с такой «заморозкой» освобождение от ответственности, а в случае же окончательной невозможности исполнения обязательства – прекращение обязательства без применения к сторонам каких-либо мер ответственности (см. Проект Федерального закона N 92282-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.02.2025)). Данное правило было бы применимо к обязательствам, исполнение которых ввиду введения ограничительных мер в отношении граждан Российской Федерации и российских юридических лиц объективно становится невозможным при том, что под «объективной» невозможностью исполнения обязательства понимается ситуация, когда у должника, по не зависящим от его воли и действий обстоятельствам, отсутствует возможность исполнить обязательство как лично, так и с привлечением к исполнению третьих лиц (пункт 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 N 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024)).

[31] Постановлением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2015 года № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» установлен запрет на закупки для государственных и муниципальных нужд программного обеспечения (или прав на него) иностранных правообладателей. Исключением являются две ситуации. Во-первых, когда в Реестре отсутствуют сведения о программном обеспечении, соответствующем тому же классу программного обеспечения, что и программное обеспечение, планируемое к закупке. Во-вторых, когда включенное в Реестр программное обеспечение по функциональным, техническим и (или) эксплуатационным характеристикам не соответствует установленным заказчиком требованиям к планируемому к закупке программному обеспечению.

[32] Так, Указом Президента Российской Федерации от 30 марта 2022 года № 166 «О мерах по технологической независимости и безопасности критической информационной структуры Российской Федерации» установлен запрет для заказчиков, закупающих программы в рамках 223-ФЗ, на закупку иностранного программного обеспечения в целях его использования на принадлежащих им значимых объектах критической инфраструктуры РФ. Такие закупки в соответствии с Указом могут осуществляться лишь с согласия федерального органа исполнительной власти, уполномоченного Правительством Российской Федерации. Тем же указом с 1 марта 2025

направления государственной политики направлены на защиту публичных интересов и обеспечение государственной безопасности в рамках гражданско-правовых отношений, участниками которых является государство в лице соответствующих органов и организаций. С учетом указанного соответствующую тенденцию следует расценивать как адекватную реакцию государства на внешние вызовы, которая направлена на обеспечение государственного «цифрового» суверенитета в сфере использования информационных технологий.

С учетом всего вышеизложенного, представляется возможным выделить следующие этапы становления лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ:

— первый этап (вторая четверть XIX – начало XX века) – зарождение в России института авторского права, в целом, появление первых документов, регулирующих указанную сферу;

— второй этап (начало-конец XX века) – становление модели лицензионного договора от его первого прообраза (издательского договора) до аналога современного договора о предоставлении права использования результата интеллектуальной деятельности в пределах и способами, предусмотренных договором;

— третий этап (90-е года XX века – начало XXI века) – законодательное установление (признание) правовой охраны программ для ЭВМ и формирование специальных норм, регулирующих лицензионные отношения по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ;

— четвертый этап (с момента введения в действие четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации) – кодификация правовых норм регламентирующих лицензионные отношения и дальнейшее совершенствование законодательства в обозначенной сфере, выражающееся в регламентации упрощенной формы заключения лицензионного договора (пункт 5 статьи 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации), открытых лицензий на объекты

обозначенный запрет на использование иностранных продуктов в обозначенных объектах становится абсолютным, а также расширяется круг субъектов, на которых он распространяется (к такому кругу помимо заказчиков в рамках 223-ФЗ добавляются органы государственной власти).

авторского права (в т. ч., программы для ЭВМ) (статья 1286.1 Гражданского кодекса Российской Федерации).

§ 1.2. Понятие и элементы лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ

В теории права под правоотношением понимаются общественные отношения, урегулированные нормами права[33] (или юридическая форма общественного отношения[34]). Любые правоотношения имеют определенную структуру или, как ее называет О.С. Иоффе, состав правоотношения[35]. Наиболее распространенным и устоявшимся в юридической науке подходом к структуре правоотношения, поддерживаемым как теоретиками в общей теории права[36], так и цивилистами[37], является выделение в структуре правоотношения следующих элементов: объект, субъекты и юридическое содержание. Отдельно в теории права также выделяют юридические факты как основания возникновения, изменения и прекращения тех или иных правоотношений. В свою очередь, особенности тех или иных видов правоотношений, обусловленные спецификой их элементов, представляют собой теоретическое обоснование для дальнейшего совершенствования законодательства в сфере тех или иных общественных отношений.

С учетом вышеуказанного следует начать рассмотрение исследуемых лицензионных отношений с определения и детального рассмотрения круга их элементов. За основу при определении круга элементов исследуемых лицензионных отношений автор принимает во внимание устоявшуюся

---

[33] См., например, Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит. 1966. С. 10; Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. С. 51.

[34] См., например, Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М.: Юрид. лит., 1976. С. 41, Красавчиков О.А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения // Гражданские правоотношения и их структурные особенности: Сб. уч. тр. Вып. 39 / Изд-во Свердл. юрид. ин-та. Свердловск, 1975. С. 12.

[35] Иоффе О.С. Вопросы теории права. М.: Юрид. лит., 1961. С. 200 – 242.

[36] См., например, Матузов Н.И. Теория государства и права: Курс лекций. 3-е изд., перераб. и доп. М: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 511.

[37] См., например, Вавилин Е.В. Концепция механизма осуществления гражданских прав // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: сборник статей. под ред. Е. А. Суханова, А. В. Асоскова, М. Л. Башкатова [и др.]. М.: Статут, 2018. С. 98.

в юридической науке «триаду» правоотношения (объект, субъекты и юридическое содержание) не упустив при этом и юридические факты в сфере исследуемых лицензионных отношений.

1.2.1. Юридические факты в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ. Под юридическим фактом в теории права понимают конкретные жизненные обстоятельства, вызывающие в соответствии с нормами права наступление тех или иных правовых последствий – возникновение, изменение или прекращение правового отношения[38]. Из указанного определения следует, что формой признания юридической силы того или иного обстоятельства являются правовые нормы. Таким образом, в качестве юридических фактов рассматриваются определенные события и действия, которые законодатель определил в качестве таковых. Иначе говоря, в целях установления правовой определенности, законодатель придал соответствующим событиям и действиям силу, позволяющую им создавать, изменять или прекращать те или иные правоотношения. Кроме того, в случае с договорными отношениями в силу принципа свободы договора (статья 421 ГК РФ), стороны договора, как субъекты гражданских правоотношений, могут определить дополнительные обстоятельства, влекущие те или иные правовые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения договорных правоотношений между соответствующими субъектами[39].

По указанному выше критерию последствий в юридической науке подразделяются правообразующие, правоизменяющие и правопрекращающие юридические факты[40]. Несмотря на достаточную условность обозначенного

---

[38] Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве. М: Юридическая литература, 1984. С. 10.

[39] В частности, лицензионным договором могут быть предусмотрены события, с которыми стороны связывают возникновение у лицензиата более благоприятных условий использования программы для ЭВМ: например, предоставление ему скидки в связи с длительным использованием программы для ЭВМ. В рассмотренном примере определенное договором событие, а именно – наступление конкретной даты, является юридическим фактом, который влечет за собой изменение договора в части размера лицензионного вознаграждения.

[40] Красавчиков О.С. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. С. 87.

подразделения[41], юридические факты в сфере исследуемых лицензионных отношений могут быть рассмотрены в соответствующем контексте.

К юридическим фактам, влекущим возникновение гражданских прав и обязанностей (или гражданских правоотношений) среди прочего законом отнесены заключаемые субъектами гражданского права договоры (например, купля-продажа, выполнение работ, оказание услуг и т. п.), иные сделки, создание произведений науки, литературы, искусства, а также иные действия граждан и юридических лиц. Кроме того, к указанным юридическим фактам также отнесены события, с которыми закон или иной правовой акт связывает наступление гражданско-правовых последствий (пункт 1 статьи 8 ГК РФ). Обозначенные явления могут также выступать и в качестве оснований изменения или прекращения гражданских правоотношений, то есть в качестве правоизменяющих и (или) правопрекращающих юридических фактов.

Лицензионные отношения, как вид гражданско-правовых отношений, возникают в связи с заключением между субъектами договоров особого рода. В первую очередь речь идет о лицензионном договоре, отличающимся своей направленностью на предоставление права использования предусмотренного договором объекта интеллектуальных прав в определенных пределах[42]. Кроме того, есть основания полагать, что обозначенной направленности соответствует и непоименованный в законе договор о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ[43].

---

[41] Условность выражается как минимум в том, что наступление того или иного юридического факта может одновременно влечь возникновение одних и изменение или прекращение других правоотношений. Например, заключение лицензионного договора о предоставлении права использования программы для ЭВМ на условиях исключительной лицензии влечет за собой возникновение лицензионного правоотношения и изменение абсолютного правоотношения посредством установления определенных ограничений на правомочие правообладателя по реализации своего исключительного права на программу для ЭВМ.

[42] Обозначенная направленность, по мнению О.А. Рузаковой, выступает в качестве квалифицирующего признака лицензионного договора (см. Рузакова О.А. Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами: дис. д-ра. юрид. наук. М., 2007. С. 302).

[43] Непоименованный договор, предполагающий предоставление пользователю ЭВМ удаленного доступа к функционалу программы, экземпляр которой размещен на сайте правообладателя (или управомоченного им лица) для цели реализации пользователем функциональных возможностей программы для ЭВМ в предусмотренных договором пределах. Следует отметить, что вопрос о правовой квалификации соответствующего договора является дискуссионным. Подходы к квалификации соответствующего договора и особенности отношений, возникающих в связи с его заключением, подробно изложены в параграфе 2.1 настоящего диссертационного исследования («Классические» лицензионные отношения и отношения, построенные по модели удаленного доступа»).

Помимо договоров, влекущих за собой возникновение лицензионных отношений, конкретное содержание которых определяется непосредственно соответствующим договором, существуют также иные юридические факты, с которыми закон связывает признание за субъектом права использования объекта интеллектуальных прав либо непосредственно возникновение такого права. Отличием первой конструкции (признание за субъектом права использования объекта интеллектуальных прав) от второй (непосредственно возникновение такого права) является то обстоятельство, что для возникновения лицензионных отношений в данном случае необходимо заключение лицензионного договора, то есть наступление дополнительного юридического факта.

Первая конструкция (признание за субъектом права использования) возникает в ситуации, когда исключительное право на служебное произведение принадлежит работнику, а работодатель имеет право использования соответствующего произведения на условиях простой (неисключительной) лицензии с выплатой правообладателю вознаграждения[44]. Пределы использования служебного произведения, размер, условия и порядок выплаты вознаграждения определяются договором между работодателем и автором, а в случае спора – судом[45]. В обозначенной ситуации создание работником произведения корректнее будет определить в качестве предпосылки возникновения лицензионных отношений (или юридического факта, влекущего признание за работодателем права на использование программы для ЭВМ). Непосредственно основанием возникновения лицензионных отношений указанный юридический факт не является, с учетом того что сам закон содержание таких отношений не определяет и, соответственно, конкретное содержание отношений между работником и работодателем может быть определено лишь в заключенном между ними договоре, который и будет являться основанием возникновения между указанными субъектами лицензионных отношений.

---

[44] Пункт 2 статьи 1295 ГК РФ.
[45] Пункт 3 статьи 1295 ГК РФ.

Вторая конструкция (возникновение у субъекта права использования) связана с ситуацией, при которой сторона договора о создании программы ЭВМ, не являющаяся ее правообладателем, вправе использовать программу для ЭВМ для собственных нужд (если это исполнитель) или в целях, для достижения которых был заключен соответствующий договор (если это заказчик) на условиях безвозмездной простой (неисключительной) лицензии и в течение всего срока действия исключительного права[46]. В обозначенной ситуации законом непосредственно определена допустимая цель использования программы для ЭВМ («для собственных нужд», «для достижения цели заключения договора») в течение срока действия исключительного права на условиях простой (неисключительной) лицензии с указанием на ее безвозмездность. Возможность реализации подобного рода «законной» лицензии не предполагает необходимость заключения отдельного договора (помимо уже заключенного договора, предметом которого являлась разработка программы для ЭВМ). В данном случае непосредственно создание программы для ЭВМ выступает в качестве юридического факта, влекущего за собой возникновение у субъекта (исполнителя или заказчика) права использования программы для ЭВМ в предусмотренных законом пределах, то есть влечет за собой возникновение лицензионных отношений, содержание которых регламентировано нормой закона[47].

К правоизменяющим юридическим фактам в сфере исследуемых лицензионных отношений следует отнести действия субъектов лицензионных отношений, направленные на изменение содержания лицензионных правоотношений. Подобного рода действиями будет являться, в частности, заключение соглашения сторон об увеличении размера лицензионного вознаграждения и (или) увеличении объема предоставленных по договору прав (например, посредством предоставления лицензиату возможности использования программы для ЭВМ на большем по сравнению с изначальными условиями договора количестве устройств). Изменение правоотношения возможно и

[46] Статья 1296 ГК РФ.
[47] Аналогичные выводы применимы и к договору, по которому не предполагалось создание программы для ЭВМ (статья 1297 ГК РФ).

вследствие наступления тех или иных событий (например, в ситуации, когда договором предусмотрено, что по истечении срока действия бесплатной (пробной) лицензии у лицензиата возникает обязательство по уплате лицензиару лицензионного вознаграждения).

К правопрекращающим юридическим фактам в сфере исследуемых лицензионных отношений следует отнести действия субъектов, направленные на реализацию предусмотренных законом или договором оснований расторжения договора, а также события, с которыми закон связывает прекращение лицензионных отношений. Соответствующими событиями являются, в частности, истечение срока действия лицензии на использование программы для ЭВМ (если иное не предусмотрено договором), прекращение правоспособности субъекта лицензионных отношений (в связи со смертью физического или ликвидацией юридического лица), истечение срока авторско-правовой охраны программы для ЭВМ и ее переход в общественное достояние и т.д.

1.2.2. Объект лицензионных правоотношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ. В теории правоотношения выделяется два основных исторически сложившихся подхода к пониманию того, что представляет собой объект правоотношения: монистическая и плюралистическая теории.

– Монистическая теория (или теория единого объекта) в наибольшей степени получила свое раскрытие в учениях О.С. Иоффе, который считал: поскольку объект правоотношения должен обладать способностью к реагированию на правовое воздействие, постольку только человеческое поведение, как единственное способное к этому, следует признать единственным объектом прав и обязанностей[48].

– Плюралистическая теория с 60-х годов XX века приходит на смену монистическому подходу и становится преобладающей в отечественной

[48] Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ленинград: Из-во Ленинградского ун-та, 1949. С. 82.

доктрине[49]. Плюралистическая теория предполагала множество объектов гражданского правоотношения. В частности, Г.Ф. Шершеневич[50], исходил из того, что объектом правоотношения являются как действия, так и сами блага. Подобного подхода придерживался и С.Ф. Кечькьян, который также признавал объектом права как действия управомоченных и обязанных лиц, так и вещи и нематериальные блага[51]. М.М. Агарков признавал вещи в качестве объекта первого рода, а поведение субъектов – в качестве объекта второго рода[52].

Наиболее устоявшимся на сегодняшний день в юридической науке является подход к пониманию под объектом непосредственно блага, по поводу которого возникает правоотношение[53]. Под объектом гражданского правоотношения в данном случае понимаются объекты гражданских прав[54]. Иначе говоря, то, что поименовано в статье 128 ГК РФ, то и есть объект гражданского правоотношения.

В доктрине права интеллектуальной собственности сложилось стойкое понимание того, что интеллектуальная собственность так же, как и объекты материального мира, является объектом гражданских прав[55]. В законе интеллектуальная собственность прямо поименована в перечне объектов гражданских прав (статья 128 ГК РФ), а программы для ЭВМ – в перечне охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (статья 1225 ГК РФ).

---

[49] Прокопьев А.Ю. Гражданские правоотношения: понятие, элементы и виды: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 67.

[50] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 1995. С. 57.

[51] Кечькьян С.Ф. Правоотношение в социалистическом обществе. М.: Из-во АН СССР, 1958. С. 138.

[52] Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х томах. Т. 1. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 195-209.

[53] См., например, Кулаков В.В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России: монография. М.: Российская академия правосудия, 2009. С. 68.; Белов В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота: сборник статей. М.: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2007. С. 21.; Тархов В.А. Гражданское право: Общая часть: Курс лекций. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1997. С. 111.

[54] Халфина Р.О. Указ соч. С. 212., Кулаков В.В. Указ. соч. С. 46.

[55] См., например, Новоселова Л.А. Право интеллектуальной собственности: учебник в 4 т. / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. Т. 1. Общие положения. С. 70; Опарина М. В. Объекты права интеллектуальной собственности: проблемы внутреннего права и соотношение с международными нормами // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 54. В.А. Шуваев отметил, что объектом лицензионного договора, как и объектом любого иного правоотношения, является то, на что воздействуют субъективные права и обязанности, выступающие содержанием правоотношения. При этом объектом воздействия является непосредственно результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, поэтому именно он должен рассматриваться как объект гражданских правоотношений (Шуваев В.А. Гражданско-правовое регулирование лицензионного договора на использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации: дис … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 58).

С учетом всего вышеизложенного, в качестве объекта исследуемых лицензионных отношений следует определять программы для ЭВМ как результат интеллектуальной деятельности. Именно программы для ЭВМ являются тем самым «благом», по поводу которого возникает лицензионное правоотношение. Кроме того, именно программы для ЭВМ, а не права на них, согласно действующей редакции статьи 128 ГК РФ, являются объектом гражданских прав[56]. В свою очередь, исключительное право на программу для ЭВМ, являющееся по своей правовой природе имущественным, выступает в качестве объекта гражданского оборота[57].

Понимание под объектом исследуемых лицензионных отношений программ для ЭВМ предопределяет необходимость в выявлении особенностей именно программ для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности. При этом стоит сказать, что соответствующие особенности (или специфика) отличаются своей «двойственностью», которая выражается в отличительных свойствах программы как по отношению к остальным объектам гражданских прав в целом (свойства «первого порядка»), так и по отношению к объектам авторских прав в частности (свойства «второго порядка»).

Вопрос о свойствах «первого порядка», то есть вопрос об особенностях результатов интеллектуальной деятельности в целом, в достаточной степени проработан в юридической литературе. Так, в работах российских учёных указывается на специфику интеллектуальной собственности как объекта гражданских прав, которая заключается в том, что интеллектуальная собственность отличается характеристиками, не присущими другим объектам. Ключевым отличием интеллектуальной собственности учёные выделяют ее нематериальный характер[58], которым опосредованы и другие ее отличия

---

[56] Ранее действующая редакция статьи 128 ГК РФ содержала следующую формулировку: «К объектам гражданских прав относятся…результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них» (см. статья 128 ГК РФ в редакции от 01.12.2007).

[57] Так, В.А. Белов, разделяя понятия «объекты гражданского оборота» и «объекты гражданских правоотношений», отмечает, что «…объектами гражданского оборота оказываются не сами объекты гражданских правоотношений, а субъективные гражданские права, в том числе на нематериальные объекты (исключительные и некоторые личные права)» (См. Белов В. А. Указ. соч. С. 76).

[58] Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. науч. ст. М.: Статут. 2005. С. 6.

от иных объектов гражданских прав (неотчуждаемость, неисчерпаемость при потреблении[59], обособленность от материального носителя и др.). Значение обозначенных свойств «первого порядка» находит отражение в признании за автором результата интеллектуальной деятельности ряда неимущественных прав, исключения самих результатов интеллектуальной деятельности из гражданского оборота и прочих правил, свойственных указанным объектам гражданских прав. В свою очередь, программы для ЭВМ, как специфический результат интеллектуальной деятельности, помимо указанных свойств «первого порядка», имеют дополнительные свойства «второго порядка», существенным образом отличающие программу для ЭВМ от иных объектов авторского права.

Рассмотрение свойств «второго порядка» программы для ЭВМ как объекта исследуемых лицензионных отношений следует начать с понятия программы для ЭВМ, сформулированного в законе. Под программой для ЭВМ понимается представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения. Отдельно в законе уточняется, что под программами понимаются в том числе операционные системы и программные комплексы[60]. Иначе говоря, под программой для ЭВМ понимается, в первую очередь, собственно ее код, то есть совокупность символов в определенной последовательности. Именно данный код и подлежит авторско-правовой охране в той же степени, что и литературные произведения[61].

В научной литературе справедливо указывается на специфику программы для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности, которая вытекает непосредственно из предназначения программ, заключающегося в обеспечении функционирования компьютерных систем, осуществлении определенных

---

[59] Смирнов Г.И. Тесно под одной крышей // Вопросы изобретательства. 1991. № 1. С. 45-48.
[60] Статья 1261 ГК РФ.
[61] Абзац тринадцатый пункта 1 статьи 1259 ГК РФ.

алгоритмов и процессов, достижении результатов, по своей сущности имеющих технический характер[62].

Специфика программ для ЭВМ нашла свое юридическое выражение в форме специальных норм[63] (в том числе оговорок о неприменимости отдельных правил четвертой части ГК РФ[64]). Анализ соответствующих норм позволяет констатировать, что специфика программ для ЭВМ проявляется не только в специальном режиме правовой охраны[65], но и в особенностях, связанных с распоряжением исключительным правом на программу[66].

Специфика программы для ЭВМ как объекта лицензионного отношения может быть раскрыта через совокупность свойств данного результата интеллектуальной деятельности, которые существенным образом выделяют данный объект среди прочих объектов авторского права (свойства «второго порядка», далее сокращенно – свойства). В качестве соответствующих свойств программы для ЭВМ следует выделить следующие: (1) наличие у объекта в качестве ключевого признака функционального назначения; (2) тесная связь объекта с экземпляром как формой его выражения; (3) сохранение правового режима объекта независимо от формы выражения его экземпляра; (4) обусловленность объекта его техническими и качественными характеристиками. Соответствующие свойства программы для ЭВМ находят свое отражение в их содержании, имеющем определенное юридическое значение.

Первое свойство программы для ЭВМ заключается в наличии у данного объекта в качестве ключевого признака «функционального назначения». Функционал программы (или ее функциональное назначение) определяет

---

[62] Близнец И.А. Авторское право и смежные права / под ред. И.А. Близнеца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. С. 150.

[63] Например, статьи 1261, 1262, 1280, пункт 5 статьи 1286 ГК РФ.

[64] Например, согласно подпункту 3 пункта 1 статьи 1273 ГК РФ не допускается воспроизведение программ для ЭВМ в личных целях, что представляет собой случай свободного использования любого иного результата интеллектуальной деятельности. Установление законодателем специального правила применительно к программам для ЭВМ представляется вполне обоснованным, поскольку отсутствие такого исключения повлекло бы за собой активное распространение контрафактных программных продуктов.

[65] Распространение на программы для ЭВМ режима охраны произведений, но не приравнивание их к таковым. В частности, статьей 1262 ГК РФ предусмотрена возможность государственной регистрации программы для ЭВМ, что не характерно для литературных произведений.

[66] Например, предусмотренная пунктом 5 статьи 1286 ГК РФ упрощенная форма заключения лицензионного договора об использовании программы для ЭВМ посредством совершения конклюдентных действий.

возможности программы выполнять те или иные команды. Данный критерий позволяет классифицировать программные продукты на операционные системы, антивирусные программы, удаленные ассистенты и т. д. Каждая из указанных программ имеет определенное назначение: обеспечивать общее управление ЭВМ, обеспечивать защиту ЭВМ от «троянов» и прочих вирусов, обеспечивать возможность удаленного подключения к другой ЭВМ и т. д. Указанные программные продукты не являются взаимозаменяемыми, поскольку каждый из них ограничен лишь тем функционалом, который был заложен в программу при ее разработке.

Поскольку главную ценность программного продукта составляет непосредственно способность программы выполнять те или иные задачи, именно функционал программы выступает в качестве ее ключевого признака, а конечной целью лицензионных отношений является достижение возможности реализации функциональных возможностей программы для ЭВМ. Собственно говоря, без конкретного функционала программа для ЭВМ просто не нужна: без такого функционала лицензионный договор просто не был бы заключен.

С учетом вышеуказанного справедливым будет говорить о том, что несоответствие программы для ЭВМ обусловленному договором функционалу должно означать предоставление лицензиату права на расторжение соответствующего договора в связи с существенным нарушением его лицензиаром (подпункт 1 пункта 2 статьи 450 ГК РФ). Соответствующий вывод подтверждается актуальной судебной практикой. Так, предоставленная по договору программа для ЭВМ может не иметь для лицензиата «потребительской ценности» на том основании, что программа для ЭВМ не выполняет обусловленный лицензионным договором функционал. В таком случае уплаченное по договору лицензионное вознаграждение квалифицируется как неосновательное обогащение лицензиара[67]. Иногда также несоответствие

[67] См., например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.04.2025 N С01-2575/2024 по делу N А56-105288/2023; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.03.2025 N С01-2752/2023 по делу N А40-286010/2022; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.02.2018 года N 09АП-67977/2017-ГК по делу N А40-53878/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2025).

программы для ЭВМ обусловленному договором функционалу квалифицируется как недостоверное заверение об обстоятельствах[68], что является основанием для расторжения договора и, соответственно, также возврата уплаченного лицензиатом в пользу лицензиара вознаграждения.

Второе свойство программы для ЭВМ заключается в наличии тесной связи между данным объектом и экземпляром как формой его выражения. Как уже известно, сами объекты авторского права, представляющие собой объекты нематериального мира, являются необоротоспособными, то есть не могут быть объектом гражданского оборота. Объективизированные формы выражения объектов авторского права, которые в законе называются «экземплярами»[69], представляют собой объекты материального мира (вещи), а потому могут быть предметом гражданского оборота. Данное правило исходит из юридического свойства программы для ЭВМ «первого порядка» (ее нематериального характера).

Переход права собственности на вещь не влечет переход или предоставление интеллектуальных прав на результат интеллектуальной деятельности, выраженные в этой вещи[70], по общему правилу[71]. В указанном общем правиле прослеживается отсутствие какой-либо связи между произведением как объектом авторского права и его экземпляром как объектом вещного права[72].

Несмотря на то, что отчуждение экземпляра программы для ЭВМ хоть и не влечет за собой переход самого исключительного права в отношении

---

[68] См., например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.10.2024 N С01-1852/2024 по делу N А40-161176/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2025).

[69] В частности, в подпункте 1 пункта 2 статьи 1270 ГК РФ среди правомочий, входящих в состав исключительного права на произведение, упоминается «воспроизведение» произведения, то есть изготовление одного и более экземпляра произведения или его части в любой материальной форме. Термин «экземпляр» также упоминается в абзаце втором статьи 1268 ГК РФ в контексте реализации права на опубликование произведения, выпуск в обращение экземпляров произведения, представляющих собой копию произведения в любой материальной форме.

[70] пункт 2 статьи 1227 ГК РФ.

[71] За исключением отчуждения оригинала произведения его собственником, обладающим исключительным правом на произведение, но не являющимся автором произведения. В данном случае исключительное право на произведение переходит к приобретателю оригинала произведения, если договором не предусмотрено иное (абзац второй пункта 1 статьи 1291 ГК РФ).

[72] Так, например приобретателю экземпляра какого-либо литературного произведения одновременно с правом собственности на книгу (вещь) не переходят какие-либо интеллектуальные права на соответствующее произведение (объект авторского права). Соответствующий переход возможен лишь в случае, если продавец (он же правообладатель) отчуждает оригинал соответствующего литературного произведения и при этом договором не было определено иное.

соответствующей программы, тем не менее вместе с переходом права собственности на экземпляр программы (вещь) к новому владельцу переходит и «право на заключение лицензионного договора» в упрощенном порядке («оберточная» лицензия[73]). Так, заключенный в упрощенном порядке лицензионный договор о предоставлении права использования программы действует до продажи или иного отчуждения экземпляра программы, если договором не предусмотрено иное[74]. Это означает, что по общему правилу заключенный в упрощенном порядке лицензионный договор («оберточная» лицензия) действует до тех пор, пока лицензиат является правомерным обладателем экземпляра программы. Исключением же из этого правила являются случаи, когда на самом экземпляре программы определен иной срок лицензии[75].

С учетом вышеизложенного следует говорить о существовании тесной связи между экземпляром программы для ЭВМ (как вещью) и самой программой для ЭВМ (как объектом авторского права). Юридическим выражением тесной связи программы для ЭВМ и ее экземпляра является то обстоятельство, что переход к новому владельцу экземпляра программы для ЭВМ одновременно переход и «права на заключение лицензионного договора» по поводу программы как результата интеллектуальной деятельности и, соответственно, прекращение права использования программы для ЭВМ у первоначального владельца экземпляра[76].

---

[73] Как отмечается в науке, в отличие от традиционных договоров, «оберточные» лицензии (shrink-wrap license) являются разновидностью конклюдентных сделок, при заключении которых лицо выражает свою волю установить правоотношение своим действием, ясно выражающим его намерение (Ситдикова Р. И. Договоры о распоряжении исключительными правами // Право, экономика и управление: актуальные вопросы : сб. материалов Всерос. науч.-практич. конф. с международным участием. – Чебоксары, 2020. С. 260).

[74] Абзац пятый пункта 103 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.02.2025).

[75] В качестве примера можно привести антивирусные программы, которые обычно продаются в форме активационного ключа, предоставляющего возможность после скачивания программы активировать лицензию на устройстве пользователя. Для таких программ ограничение срока лицензии является достаточно типичным.

[76] Кроме того, в случае с «оберточной» лицензией принятие лицензионного соглашения является обязательным условием для предоставления пользователю возможности воспроизвести, т.е. установить на ЭВМ программу для цели ее дальнейшего использования в соответствии с ее функциональным назначением, что также отражает неразрывную связь экземпляра (вещи) и собственно программы для ЭВМ. Отказ лицензиата принять лицензионное соглашение влечет за собой невозможность использовать программу по ее функциональному назначению, в связи с чем сам экземпляр (вещь) утрачивает свое значение.

Третье свойство программы для ЭВМ выражается в сохранении правового статуса и титула на данный объект независимо от формы выражения его экземпляра. Как уже известно, объективизированной формой выражения объекта авторского права является его экземпляр, под которым в законе понимается копия произведения в его материальной форме. В зависимости от вида произведения оно может быть выражено в форме книги (форма выражения литературного произведение), картины (форма выражения произведения изобразительного искусства) или какой-либо иной форме при том, что законом перечень форм выражения экземпляров не ограничен.

В случае с программой для ЭВМ речь идет об экземплярах двух видов: «материальный», представляющий собой диск или иной материальный носитель с записанной на нем программой для ЭВМ, и «электронный», представляющий собой собственно сам файл программы для ЭВМ, загружаемый, например, через Интернет. Независимо от формы экземпляра (материальный или электронный) соответствующий экземпляр остается формой выражения соответствующей конкретной программы как результата интеллектуальной деятельности.

Иные объекты авторского права, помимо программы для ЭВМ, могут быть выражены в различных формах выражения. Так, например, какой-либо персонаж книги, имеющий определенные свойственные ему черты лица и иные физические характеристики, может быть выражен в форме графического изображения соответствующего персонажа (портрет персонажа). Действия по написанию соответствующего портрета будут представлять собой переработку изначального объекта авторского права (персонажа книги) и создание нового объекта (портрет персонажа), представляющего собой производное произведение[77].

Производное произведение становится самостоятельным объектом авторского права, права на которые должны реализовываться при соблюдении прав автора первоначального произведения, а в случае если соответствующие

[77] Понятие «переработки» как процесса создания нового (производного) произведения на основе уже существующего сформулировано Верховным Судом Российской Федерации в абзаце четвертом пункта 87 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.02.2025).

действия по переработке произведения были осуществлены без согласия правообладателя первоначального произведения (персонажа), они могут быть квалифицированы в качестве нарушения исключительного права на произведение. В изложенном примере прослеживается не просто переход произведения из одного вида объекта авторского права (литературное произведение) в другой (произведение изобразительного искусства), а наличие определенных правовых последствий в зависимости от того, при каких обстоятельствах был осуществлен соответствующий «переход», что, например, программам для ЭВМ не свойственно.

Программы для ЭВМ, являясь сами по себе кодом, кроме как в форме материального и электронного экземпляра каким-либо иным способом быть выражены быть не могут. Переход программы для ЭВМ из «материального» экземпляра в «электронный» не меняет правового статуса соответствующего экземпляра. Новый объект в данном случае не создается, интеллектуальные права не возникают. Однако подобные действия представляют собой реализацию иного правомочия – воспроизведение, а потому они все же могут быть квалифицированы в качестве нарушения исключительного права на программу для ЭВМ, если только они не осуществляются владельцем экземпляра в пределах закрепленных за ним прав[78] или лицензиатом в соответствии с условиями лицензионного договора.

Четвертое свойство программы для ЭВМ как объекта лицензионного отношения выражается в обусловленности данного объекта его техническими и качественными характеристиками. Реализация функционала программы (или использование программы по ее функциональному назначению) предполагает выполнение пользователем в процессе использования программы на ЭВМ определенных технических операций. Чтобы соответствующие операции выполнялись надлежащим образом, сама программа для ЭВМ должна быть работоспособной, т. е. пользователю должна быть предоставлена объективная

[78] Владельцу экземпляра предоставлено право на создание копии программы для ЭВМ при условии, что эта копия предназначена только для архивных целей или замены правомерно приобретенного экземпляра (подпункт 2 пункта 1 статьи 1280 ГК РФ).

возможность использования программы для ЭВМ в соответствии с ее функциональным назначением. Таким образом, помимо того, что программа должна быть с определенным функционалом, дополнительной характеристикой программы выступает ее качество.

В Гражданском кодексе Российской Федерации категория «качество» используется применительно к характеристикам товара и работы. В этой связи можно говорить о том, что категория «качество» представляет собой вещно-правовую категорию, то есть характеристику овеществленных объектов. Таким образом, категория «качества» может быть характерна лишь формам выражения объектов авторского права, представляющих собой объекты материального мира (вещи), но не к самим объектам авторского права с учетом их нематериального характера. Тем не менее, программам для ЭВМ в отличие от иных объектов авторского права категория «качество» характерна.

Ирландский профессор Роберт Кларк в одной из своих работ затрагивает вопрос об отнесении экземпляра программы к категории «товар» для цели применимости к случаям предоставления некачественной программы требований, которые может предъявлять покупатель любого иного некачественного товара. Проведенный профессором анализ судебной практики США, Великобритании и Европейского союза показал, что в качестве товара может быть квалифицирован как материальный, так и электронный экземпляр программы[79].

Важно отметить, что сам экземпляр программы представляет собой объект материального мира (вещь), а потому само по себе применение к экземпляру программы (вещи) норм о качестве не вызывает сомнений (например в ситуации, когда экземпляр поврежден физически, что может представлять собой недостаток товара). Акцент необходимо поставить на том, что категория «качество» применительно к программам для ЭВМ не ограничивается лишь самими экземплярами (их физическими характеристиками, т. е. недостатками), данная категория рассматривается применительно к программам для ЭВМ в целом.

---

[79] Clark R. Software agreements, sales law and commercial agents // Computer and Telecommunications Law Review. 2017. № 23 (1). PP. 16-22.

Выше уже были рассмотрены ситуации, когда суды квалифицируют невыполнение программой для ЭВМ обусловленного договором функционала в качестве существенного нарушения договора. Требования к качеству программы для ЭВМ при этом определяются исходя из цели заключения договора, т.е. программа для ЭВМ в течение срока действия лицензии должна быть пригодна для тех целей, для которых лицензиат планирует ее использовать (о чем известно лицензиару) и соответствовать тем характеристикам, которые предусмотрены договором. В случае же отсутствия в договоре подробного описания характеристик программа для ЭВМ должна быть пригодна для тех целей, для которых программы подобного рода обычно используются, т. е. соответствовать минимальным требованиям к качеству программы для ЭВМ. Учитывая, что наличие в программах для ЭВМ каких-либо ошибок является типичным, наличие в программе соответствующих ошибок само по себе не может быть квалифицировано в качестве ненадлежащего исполнения лицензиаром своих обязательств по лицензионному договору при условии, что лицензиат не лишается возможности пользоваться программой для ЭВМ в согласованном договором объеме.

В сфере исследуемых лицензионных отношений стало довольно типичным предоставление права использования программы под условием «as is» (далее по тексту – «как есть»), которое, по сути, представляет собой ограничение ответственности лицензиара за качество программы. Помимо отношений по поводу использования программ для ЭВМ на условиях свободной лицензии, где применение данного условия вполне оправдано, «как есть» получило активное распространение на любое предоставление прав использования программ для ЭВМ, где расширительное толкование указанного условия представляется недопустимым.

Говоря об условии «как есть», Б.Е. Семенюта отметил, что одной из наиболее распространенных формулировок данного условия является правило, в соответствии с которым в отношении программы для ЭВМ лицензиаром

по умолчанию не даются вообще никакие гарантии качества программы, кроме тех гарантий, которые прямо предусмотрены договором[80].

В самом общем виде условие «как есть» заключается в том, что программа для ЭВМ предоставляется в том функционале и состоянии, которые существовали на момент ее предоставления. По этой причине правообладатель не несет перед лицензиатом ответственность за дальнейшее ненадлежащее функционирование данной программы, вызванное, например, несовместимостью с другими программами[81]. В таком виде условие «как есть» справедливо ограничивает пределы ответственности лицензиара, оставляя за этими пределами то, за что он явно не может, да и в принципе не должен отвечать. Однако зачастую условие «как есть» трактуется гораздо шире[82].

Таким образом, с помощью условия «как есть» правообладатели (лицензиары) в значительной степени ограничивают свою ответственность перед лицензиатом за качество предоставленной ему программы для ЭВМ, а иногда и в принципе избегают какой-либо ответственности перед последним. По этой причине лицензиат может приобрести права на неработоспособную или в недостаточной степени работоспособную программу для ЭВМ.

На недопустимость чрезмерного ограничения ответственности правообладателя программы обращалось внимание в отечественной литературе. Так, по мнению В.О. Калятина, условия ограничивающие ответственность производителя программы, не могут освобождать его от обязательства нести ответственность в ситуации, когда на стороне производителя имела место грубая неосторожность, повлекшая причинение вреда пользователю программы, а также в случае прямого умысла на причинения вреда. В частности, одной из подобных ситуаций автор считает представление программы на носителе, зараженном вирусом[83]. Частично указанный момент законодателем на

---

[80] Семенюта Б.Е. Гражданско-правовые договоры о предоставлении права использования программы для ЭВМ: дис … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 120.

[81] См., например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 06.12.2023 N С01-2293/2023 по делу N А40-255727/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.05.2025).

[82] Стебаев А.А. Качество программного обеспечения как условие лицензионного договора // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки», 2024. № 3 (55). С. 85.

[83] Калятин В.О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права). М: НОРМА, ИНФРА-М, 2000. С. 195.

сегодняшний день урегулирован. Так, согласно пункту 4 статьи 401 ГК РФ заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства ничтожно.

По мнению А.И. Савельева, в случае выявления в программе каких-либо недостатков возможно применение аналогии, т.е. лицензиар должен нести точно такую же ответственность, которую исполнитель несет за некачественно оказанную услугу, обосновывая такой подход тем, что для программы очень важен именно ее функционал, ради которого она и приобреталась[84].

Похожего с А.И. Савельевым мнения придерживаются Н.В. Иванов и Г.В. Цепов, которые также считают необходимым, чтобы лицензиар нёс ответственность за недостатки программы. Одновременно авторы отдельно отмечают, что исключение ответственности поставщика программы и оставление пользователя один на один с его убытками в корне несправедливо[85].

Примечательно также замечание К.И. Рябова: «Трудно представить разумного человека, который станет утверждать, что обычно лицензионный договор о предоставлении права использовать программу по функциональному назначению заключается без намерения извлекать полезные свойства программы»[86]. На таком основании автор приходит к выводу, что вопрос о работоспособности программы, то есть фактической возможности извлекать ее полезные свойства (качество программы), является существенным условием (в смысле п. VII.3.8.2 Концепции ОПОП) лицензионного договора о предоставлении права использовать программу по функциональному назначению так же, как качество вещи является существенным для классических договоров (ст. 469, 611, 721 ГК РФ)[87].

Трудно не согласиться с мнениями обозначенных авторов. Действительно, заключая лицензионный договор, пользователь рассчитывает в первую очередь на

---

[84] Савельев А.И. Актуальные вопросы судебной практики в сфере оборота программного обеспечения в России // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ, 2013. N 4. С. 22.
[85] Цепов Г.В. К цивилистической теории смарт-контрактов // Закон, 2022. N 3 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.04.2024).
[86] Рябов К.И. Лицензионный договор о праве использования программы для ЭВМ // Патенты и лицензии, 2011. № 1. С. 56.
[87] Там же.

тот самый функционал программы для ЭВМ, ради которого договор и был заключен. Безусловно, для некоторых пользователей визуальная часть программы также может иметь определенное значение, но все же основной целью заключения лицензионного договора является использование функционала программы, а отсутствие у пользователя доступа к тому функционалу, на который он рассчитывал, совсем не соответствует цели заключения договора. В такой ситуации у лицензиата должна иметься возможность, как расторжения договора, так и признания недействительными отдельных его условий об ограничении ответственности лицензиара.

Сформулированное в договоре условие «как есть» подлежит применению в случае возникновения спора между сторонами договора о качестве программы для ЭВМ. Так, в деле Irwin Seating Company против International Business Machine Апелляционный суд шестого округа Соединенных Штатов Америки отказал в иске о взыскании убытков в связи с несовместимостью поставленной истцу программы с другой программой. Отказ в иске был мотивирован тем, что соглашение между сторонами имело подобную «как есть» оговорку о том, что ответчик, за исключением прямо предусмотренных соглашением гарантий, не дает никаких гарантий относительно использования программного обеспечения, в том числе его совместимости при использовании с программным обеспечением третьих лиц[88].

Интересным представляется вопрос о правовой квалификации условия «как есть», к которому на сегодняшний день так и не сложилось единого подхода ни в отечественной доктрине, ни в правоприменительной практике: является ли данное условие обычаем? Зачастую встречаются ситуации, когда суды применяют «как есть» в случаях, когда сами стороны закрепили данное условие в договоре[89].

---

[88] Irwin Seating Co v. International Business Machines Corp. 306 Fed. Appx. 239 (6th Cir. 2009) // URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca6/07-2126/09a0002n-06-2011-02-25.html (дата обращения: 01.10.2025).

[89] См., например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.05.2018 N С01-241/2018 по делу А40-20130/2017; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.10.2022 N 09АП-61099/2022 по делу N А40-99922/2022; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.12.2023 N 09АП-77525/2023 по делу N А40-100154/2023; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.05.2024 N С01-377/2024 по делу N А40-100154/2023// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.05.2025).

Вопрос же о том, является ли «как есть» само по себе обычаем и может ли оно быть применено независимо от включения его в текст договора, на сегодняшний день представляется нерешенным.

Чтобы понять, действительно ли «как есть» является обычаем, необходимо в-первую очередь обратиться к нормам гражданского права, устанавливающим критерии признания какого-либо правила в таком качестве. Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 ГК РФ обычаем признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе. Кроме того, согласно пункту 2 статьи 5 ГК РФ обычаи, противоречащие обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства или договору, не применяются. Таким образом, действующим законом установлено три критерия обычая, каждый из которых является обязательным для применения какого-либо не предусмотренного законодательством правила поведения к отношениям сторон:

1) правило поведения должно быть сложившимся;

2) правило поведения должно быть широко применимым в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности;

3) правило поведения не должно противоречить обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства и договору.

Не имеет значения, является ли такое правило поведения зафиксированным в каком-либо документе или нет. Вместе с тем если сторона судебного спора ссылается на правило поведения, которое не зафиксировано в каком-либо документе, ссылающаяся сторона должна доказать, что такое правило соответствует критериям обычая, то есть что такое правило поведения является

сложившимся и широко применимым в соответствующей области деятельности правилом поведения[90].

С учетом того, что правило «как есть» в каком-либо документе на сегодняшний день не зафиксировано, вопрос признания его в качестве обычая лежит в плоскости ответа на вопросы о том, является ли такое правило сложившимся и широко применимым в области лицензионных отношений. Кроме того, важно понять, не противоречит ли такое правило поведения обязательным для лицензиара и лицензиата положениям законодательства.

Широкая применимость условия «как есть» в области лицензионных отношений абсолютно не вызывает никаких сомнений. Сейчас редко можно встретить договор, в котором отсутствовало бы условие об ограничении ответственности лицензиара перед лицензиатом за качество программы подобным образом. Однако о том, что такое правило является именно «сложившимися», вряд ли можно говорить с такой же уверенностью. Аналогичные сомнения вызывает и отсутствие противоречий между условием «как есть» и положениями действующего гражданского законодательства, в частности уже указанному выше пункту 4 статьи 401 ГК РФ.

Представляется, что «как есть» на сегодняшний день не является обычаем как минимум потому, что в каждых конкретных отношениях стороны в соответствии с условиями договора самостоятельно определяют, насколько широко трактовать «как есть», устанавливая пределы того, за что лицензиар отвечает, а за что нет. Вместе с тем под обычаем согласно пункту 1 статьи 5 ГК РФ понимается именно «сложившееся правило поведения». Кроме того, в случае чрезмерно широкого определения «как есть» такое условие может противоречить основным началам гражданского законодательства или отдельным положениям

[90] С учетом общего правила доказывания, сформулированного в статье 56 ГПК РФ и части 1 статьи 65 АПК РФ, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Соответственно, сторона, ссылающаяся на незафиксированный обычай должна доказать, что он таким действительно является.

закона, следствием чего является то, что судами такое условие не будет применено[91].

До сих пор в судебных спорах не вставал вопрос о том, является ли все-таки «как есть» обычаем или нет. Обычно суды, руководствуясь тем, что стороны сами согласовали такое условие при подписании договора, констатируют, что основания для привлечения лицензиара к ответственности отсутствуют. Между тем если лицензиат сделает заявление о том, что «как есть» обычаем не является, и сможет доказательно обосновать данное обстоятельство, то встанет другой вопрос: возможно ли в данном случае признать пункт о применении к отношениям сторон принципа «как есть» недействительным? В текущей правовой ситуации – нет, поскольку стороны, исходя из принципа свободы договора, могут самостоятельно определять его условия, в том числе устанавливать основания для освобождения лицензиара от ответственности перед лицензиатом. При этом справедливым будет отметить, что отдельные формулировки «как есть», которые лишают лицензиата возможности использовать программу для ЭВМ по определенному договором функциональному назначению или создают почву для причинения лицензиату какого-либо вреда при таком использовании, могут быть признаны недействительными.

Таким образом, исходя из действующего законодательства, представляется, что «как есть» следует квалифицировать как форму ограничения ответственности лицензиара перед лицензиатом, то есть предусмотренное договором основание для освобождения лицензиара от ответственности (пункт 3 статьи 401 ГК РФ). Вместе с тем «как есть» можно будет квалифицировать как обычай лишь тогда, когда такому принципу будет дано точное толкование о его пределах. На сегодняшний день соответствующие пределы определяются в каждом конкретном случае, что делает невозможным квалификацию «как есть» в качестве устоявшегося правила поведения, несмотря не его широкую распространенность.

---

[91] См. пункт 2 статьи 5 ГК РФ и абзац третий пункта 2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.05.2024).

В качестве допустимого для признания «как есть» в качестве обычая (или закрепления соответствующего правила в правовом акте) представляется следующая формулировка данного условия:

«Лицензиар предоставляет программное обеспечение на условиях «как есть», что предполагает соответствие программного обеспечения установленным договором требованиям и возможность выполнения программой для ЭВМ обусловленного договором функционала в течение срока действия лицензии при использовании лицензиатом программы в том виде, в котором она существовала на момент ее предоставления. В случае внесения лицензиатом или третьими лицами каких-либо изменений в код программы, а также использования предоставленной по договору программы для ЭВМ в интеграции со сторонней программой для ЭВМ, лицензиар не гарантирует лицензиату надлежащее функционирование программы для ЭВМ и не несет перед лицензиатом какую-либо ответственность, если иное не предусмотрено договором».

Представляется, что «как есть» в предложенной выше редакции позволит справедливым образом разграничить ответственность субъектов исследуемых лицензионных отношений, обеспечив при этом баланс прав и законных интересов лицензиара и лицензиата.

1.2.3. Субъекты лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ. Субъектами исследуемых лицензионных отношений (и одновременно сторонами лицензионного (сублицензионного) договора) являются лицо, имеющее правомочие по распоряжению исключительным правом на программу для ЭВМ посредством заключения лицензионного договора (правообладатель или лицензиат, которому соответствующее право предоставлено правообладателем), и лицо, которому право использования программы для ЭВМ предоставляется (лицензиат, сублицензиат). В качестве субъектов лицензионных отношений могут выступать любые субъекты гражданского права, т. е. граждане, юридические лица, публично-правовые образования (Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования в лице соответствующих органов).

В случае с гражданами как субъектами исследуемых лицензионных отношений необходимо учитывать некоторые особенности, связанные с их дееспособностью. Дееспособность предполагает возможность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их, т.е. в том числе возможность гражданина от своего имени заключать договоры и исполнять принятые в рамках соответствующих договоров обязанности. В полном объеме соответствующей способностью наделяется гражданин, достигший возраста 18 лет, а также гражданин, признанный полностью дееспособным до достижения указанного возраста в установленном законом порядке[92]. Законом при этом предусмотрено постепенное приобретение определенного объема дееспособности по достижении 6 (дееспособность малолетних), 14 и 16 лет.

Малолетние граждане вправе заключать сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации[93]. Соответственно, малолетний гражданин может выступать в качестве субъекта лицензионных отношений на стороне лицензиата в случае заключения договора о предоставлении безвозмездной лицензии на использование программы для ЭВМ. Выгодой в данном случае является возможность извлечения полезных свойств посредством реализации функциональных возможностей программы для ЭВМ.

Малолетние также вправе заключать мелкие бытовые сделки[94]. Понятие «мелкой бытовой» сделки законом не предусмотрено. В доктрине при этом отмечается, что речь идет, как правило, о сделках на незначительную сумму, направленных на удовлетворение каждодневных потребностей, исполняемых при их совершении[95]. Приведем пример из судебной практики. Так, Арбитражный суд Свердловской области посчитал, что сделка по заключению договора оказания услуг связи не может быть квалифицирована

[92] Статья 21 ГК РФ.
[93] Подпункт 2 пункта 2 статьи 28 ГК РФ.
[94] Подпункт 1 пункта 2 статьи 28 ГК РФ.
[95] Рясенцев В.А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. Москва: Статут, 2006. С. 56.

в качестве мелкой бытовой сделки. Соответствующий вывод был мотивирован тем, что такая сделка является длящейся и предполагает необходимость ежемесячной оплаты услуг связи[96]. Вряд ли правильно говорить о том, что общение ребенка с близкими людьми не является его каждодневной потребностью. Тем не менее данная судебная практика свидетельствует о том, что на сегодняшний день судам достаточно одного признака, для того чтобы исключить квалификацию сделки в качестве мелкой бытовой, а именно – наличие у нее длящегося характера. Значимость данного признака видится в том, что таким образом защищаются права и законные интересы семьи ребенка с учетом того, что отношения из договора присоединения, которым являлся спорный договор, предполагают возможность установления стороной (в данном случае – оператором связи) в одностороннем порядке условий соответствующего договора, в том числе увеличения тарифных планов. Это значит, что условия отношений, в которые вступил малолетний гражданин, со временем могут существенным образом поменяться, а обязательства малолетнего – увеличиться.

Исследуемые лицензионные отношения, так же как и рассмотренные выше отношения по договору связи, зачастую являются длящимися, возникая при этом из договора присоединения, который в деловой практике именуется пользовательским соглашением. Одновременно при этом нередки ситуации, когда соответствующие отношения возникают по поводу использования различного рода обучающих и (или) информационных программ, которые крайне необходимы сегодня детям, в том числе при выполнении ими домашних заданий. Представляется, что использование подобного рода программ представляет собой каждодневную потребность ребенка. Вместе с тем наличие длящегося характера отношений аналогичного тому, который был рассмотрен выше, лишает возможности квалификации соответствующего договора в качестве мелкой бытовой сделки, что представляется более чем оправданным. На данном основании можно сделать вывод о том, что допустимой является квалификация

[96] Решение Арбитражного суда Свердловской области от 19 января 2021 г. по делу N А60-55171/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.05.2025).

лицензионного договора о предоставлении права использования программы для ЭВМ в качестве мелкой бытовой сделки при соблюдении обозначенных признаков соответствующей сделки.

Малолетние также вправе заключать сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или свободного распоряжения[97], что также допускает заключение возмездного лицензионного договора о предоставлении права использования программы для ЭВМ. Вместе с тем для подтверждения необходимых обстоятельств лицензиару следует проявить должную осмотрительность и удостовериться в соответствующей информации. Одним из возможных способов соответствующего удостоверения может быть указание малолетним при заключении лицензионного договора номера телефона или адреса электронной почты родителя с целью связи лицензиара непосредственно с родителем в целях одобрения соответствующей сделки.

Лица, достигшие возраста 14 лет, но не достигшие возраста 18 лет, могут совершать все вышеописанные сделки. Дополнительно соответствующие лица могут распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами[98] в том числе посредством заключения возмездных лицензионных договоров. Кроме того, такие лица вправе самостоятельно осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства допустимо по достижении возраста 14 лет[99]. Это означает, пишет Э.П. Гаврилов, что «…после достижения четырнадцатилетнего возраста несовершеннолетний сам… заключает любые договоры о распоряжении своим исключительным правом, получает причитающиеся по таким договорам суммы и распоряжается ими»[100].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что гражданин, достигший возраста 14 лет, но не достигший возраста 18 лет, может выступать в качестве субъекта лицензионных отношений на стороне лицензиара в ситуации,

---

[97] Подпункт 3 пункта 2 статьи 28 ГК РФ.
[98] Подпункт 2 пункта 2 статьи 26 ГК РФ.
[99] Подпункт 2 пункта 2 статьи 26 ГК РФ.
[100] Гаврилов Э.П. Интеллектуальные права несовершеннолетних // Хозяйство и право. 2011. № 9(416). С. 57.

когда соответствующий гражданин по лицензионному договору предоставляет право использования программы, исключительное право на которую принадлежит ему. Тем не менее нет оснований для признания самостоятельного права соответствующего гражданина осуществлять деятельность по предоставлению прав на использования программ для ЭВМ, правообладателем которых не является, с учетом того что подобного рода сделки в предусмотренный законом перечень не входят.

Консолидируя вышеизложенное, следует сказать, что действительность договоров о предоставлении лицу, не достигшему возраста 18 лет, на возмездной основе прав использования программ для ЭВМ осложнена множеством факторов (усмотрение суда о квалификации сделки в качестве мелкой бытовой, наличие информации об источнике денежных средств, подлежащих уплате в счет лицензионного вознаграждения и т. д.). Аналогичной сложностью характеризуются и договоры о предоставлении таким лицом прав использования программ для ЭВМ третьим лицам (затруднения в проверке информации о том, действительно ли данный гражданин является автором программы для ЭВМ). С учетом указанного, несмотря на формальное наличие возможности признания подобного рода договоров заключенными, всё же наилучшим вариантом для субъекта, вступающего в лицензионные отношения с лицом, не достигшим возраста 18 лет, остаётся в том, чтобы удостовериться в получении согласия родителей на заключение соответствующего договора.

Как уже было отмечено ранее, обязательным субъектом исследуемых лицензионных отношений является лицо, имеющее правомочие по распоряжению исключительным правом на программу для ЭВМ посредством заключения лицензионного договора (правообладатель или лицензиат, которому соответствующее право предоставлено правообладателем). Следует подчеркнуть, что, помимо наличия у субъектов дееспособности, в качестве обязательного юридического условия для возникновения лицензионного отношения также выступает наличие у субъекта, выступающего на стороне лицензиара правомочия по распоряжению исключительным правом посредством заключения

лицензионного договора. В отсутствие у субъекта соответствующего правомочия лицензионный договор не может быть заключен.

В целях исключения рисков, связанных с нарушением прав третьих лиц на программы для ЭВМ, лицензиату следует проявлять должную осмотрительность в рамках проведения переговоров о заключении лицензионного договора. В первую очередь речь идет о проверке наличия у лицензиара необходимого для заключения договора прав. Наличие у лицензиара необходимых прав для заключения соответствующего договора выступает в качестве обязательного юридического условия возникновения соответствующих отношений и, следовательно, предполагается субъектами лицензионных отношений. Однако в случае нарушения прав третьих лиц лицензиат, нарушивший обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы[101]. Данным обстоятельством обусловлена необходимость принятия лицензиатом всех доступных ему мер по проверке наличия у лицензиара необходимого для заключения лицензионного договора объема прав.

В ситуации, когда программа для ЭВМ зарегистрирована в установленном законом порядке, наиболее достоверные сведения могут быть получены из Государственного реестра Российской Федерации программ для ЭВМ[102] и (или) Единого реестра российских программ для ЭВМ и баз данных[103]. Однако в данных реестрах отражается лишь информация о правообладателе программы для ЭВМ. Подтверждением наличия прав непосредственно у лица, не являющегося правообладателем, может быть заключенный с правообладателем или управомоченным им лицом лицензионный договор, которым предусмотрено право на заключение сублицензионного договора[104].

---

[101] Пункт 3 статьи 401 ГК РФ.

[102] См. Государственный реестр программ для ЭВМ: https://new.fips.ru/registers-web/ .

[103] См. Единый реестр российских программ для ЭВМ: https://reestr.digital.gov.ru/reestr/.

[104] С учетом того что условия соответствующих договоров, как правило, являются в силу их условий конфиденциальными, в деловой практике в качестве подтверждения наличия прав представляется не сам договор, а выписка из него, из которой возможно установить объем прав лица по заключенному договору.

Информация о наличии у лицензиара необходимого для заключения лицензионного договора объема прав также может быть получена по результатам поиска соответствующей информации в сети Интернет. Если по результатам соответствующего поиска удалось найти информацию, которая прямо или косвенно подтверждает наличие у лицензиара исключительного права (например, обнаружен сайт с информацией о программе для ЭВМ, администратором и (или) владельцем которого является непосредственно лицензиар), можно сделать разумное предположение о наличии у лицензиара необходимых прав. В случае же если была обнаружена информация, соотносимая с иным лицом, а не с предполагаемым лицензиаром и при этом между сторонами обсуждается заключение непосредственно лицензионного, а не сублицензионного договора, данное обстоятельство выступает в качестве опровергающего наличие у лицензиара необходимого объема прав, что не может быть оставлено без внимания добросовестным лицензиатом.

В связи с тем, что программы для ЭВМ не подлежат обязательной государственной регистрации, в деловой практике часто возникают также ситуации, когда с абсолютной достоверностью определить правообладателя программы для ЭВМ и наличие у лицензиара правомочий на заключение лицензионного договора не представляется невозможным. Результат поиска в сети Интернет также может быть безрезультативным или в недостаточной степени достоверным. Своеобразной гарантией для лицензиата в таком случае могут являться предусмотренные договором заверения об обстоятельствах[105]. Между тем даже в случае привлечения лицензиата к ответственности за нарушение прав третьих лиц при использовании программы для ЭВМ в отсутствие в договоре соответствующих заверений лицензиат не лишен возможности защитить свои права. В таком случае права могут быть защищены посредством предъявления к недобросовестному лицензиару иска о неосновательном обогащении (уплаченное лицензионное вознаграждение), а

[105] Когда лицензиар заверяет, что имеет все необходимые для заключения лицензионного договора права и что заключение соответствующего договора не повлечет для лицензиата возникновение каких-либо прямо не предусмотренных договором обязательств перед третьими лицами, как и нарушение каких-либо прав последних.

также убытков (взысканная с лицензиата в пользу третьих лиц сумма компенсации или убытков).

Наконец, следует сказать, что варианты оформления между субъектами лицензионных отношений отличаются своим многообразием. Подобного рода многообразие предполагает различные модели структурирования лицензионных отношений между их субъектами, в том числе в ситуациях, когда количество субъектов соответствующих отношений не ограничивается двумя лицами, а также ситуациями, когда заключение договора между лицами является лишь предварительным этапом перед заключением прямого лицензионного договора непосредственно с правообладателем программы для ЭВМ[106].

1.2.4. Содержание лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ. Под «содержанием» правоотношения в юридической науке традиционно понимают субъективные права и юридически закрепленные обязанности[107] (или осуществление субъективного права и исполнение обязанности[108]). Соответственно, содержание исследуемых лицензионных отношений можно определить как совокупность субъективных прав и юридически закрепленных обязанностей лицензиара и лицензиата, осуществляемых и исполняемых субъектами в рамках лицензионных отношений по поводу использования программы для ЭВМ, возникших между соответствующими субъектами в связи с созданием программы для ЭВМ или заключением лицензионного договора.

Ключевое место в объеме содержания лицензионных отношений занимает категория «использование программы для ЭВМ». Под использованием программы для ЭВМ в соответствии с законом понимается осуществление любых действий с программой для ЭВМ, в том числе непосредственно указанных в регламентированном Гражданским кодексом Российской Федерации открытом

---

[106] Сложившиеся в деловой практике модели структурирования исследуемых лицензионных отношений подробно рассмотрены в главе 2 настоящего диссертационного исследования («ВИДЫ ЛИЦЕНЗИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ПРАВОМ НА ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ»).

[107] Красавчиков О.А. Советское гражданское право: учеб. для вузов: в 2 т. М., 1972. Т. 1. С. 60.

[108] Вавилин Е.В. Понятие, структура и содержание правоотношения // Власть Закона. 2013. № 1(13). С. 17.

перечне[109] действий по использованию объектов авторского права, если иное не предусмотрено законом. Использованием программы для ЭВМ является в том числе ее воспроизведение[110], распространение посредством продажи или иного отчуждения оригинала или экземпляров программы для ЭВМ, импорт экземпляров в целях их распространения, прокат оригинала или экземпляра[111], переработка программы[112]. Цель осуществления указанных действий (для собственных нужд или извлечения прибыли) не влияет на их квалификацию[113].

Дискуссионным в науке остаётся вопрос о том, является ли реализация функциональных возможностей программы для ЭВМ использованием программы для ЭВМ как объекта авторского права. Так, М.Н. Комашко отметил, что «Нет никаких оснований считать, что эксплуатация экземпляра программы для ЭВМ является использованием результата интеллектуальной деятельности в смысле ГК РФ»[114]. К.И. Рябов, напротив, считает: «Использование программы

---

[109] Открытость соответствующего перечня неоднократно подвергалась критике со стороны учёных. В.И. Еременко отметил, что «…нельзя согласиться с некоторыми авторами, которые, комментируя ст. 1270 ГК РФ, утверждают, что данная статья дает основания для отличия использования произведения от его потребления (чтение, просмотр, прослушивание и т. д.)» (Еременко В. И. Имущественные права на произведения в соответствии с частью четвертой ГК РФ // Биржа интеллектуальной собственности. 2010. Т. 9, № 10. С. 7). Представляется, что открытый перечень способов использования позволяет обеспечить соответствие действующего законодательства духу современности, делая допущения о потенциальном возникновении новых способов использования программ для ЭВМ в ходе активного развития информационных технологий. Между тем очень разумными представляются допущения Еременко В.И. о необходимости рассмотрения в каждом конкретном случае тех или иных ситуаций, чтобы исключить риск привлечения лица к ответственности (особенно к административной и уголовной) за осуществление тех действий, которые прямо законом не запрещены (Там же).

[110] Под воспроизведением программы для ЭВМ понимается изготовление одного и более экземпляра программы, запись программы в память ЭВМ на электронном носителе, в том числе запись программы в память ЭВМ (подпункт 9 пункта 2 статьи 1270 ГК РФ).

[111] В качестве действий по использованию программы посредством указанного способа квалифицируются лишь ситуации, когда программа для ЭВМ является основным объектом проката (пункт 4 статьи 1270 ГК РФ). Прокат ЭВМ с установленными на ней программами является способом использования применительно к данному объекту. Не является при этом использованием программы для ЭВМ прокат автомобилей, технически сложных товаров бытового назначения и т. п. (абзац третий пункта 91 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10
«О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.05.2025)).

[112] Под переработкой программы для ЭВМ понимаются любые ее изменения, в том числе перевод такой программы с одного языка на другой язык. Не считается переработкой программы ее адаптация, то есть внесения изменений, осуществляемых исключительно в целях функционирования программы для ЭВМ на конкретных технических средствах пользователя или под управлением конкретных программ пользователя (подпункт 9 пункта 2 статьи 1270 ГК РФ).

[113] Пункт 2 статьи 1270 ГК РФ.

[114] Комашко М.Н. Программы для ЭВМ и лицензионные договоры // Патенты и лицензии. 2009. № 2. С. 30.

по функциональному назначению является одним из способов ее использования, входящих в содержание исключительного права»[115].

Как было отмечено выше, предусмотренный законом перечень способов использования не является исчерпывающим, из чего можно было бы сделать допущение о том, что сама реализация функциональных возможностей программы для ЭВМ может быть определена в качестве непоименованного в законе способа использования программы для ЭВМ. В качестве дополнительного обоснования следует отметить, что на сегодняшний день реализация функциональных возможностей программы для ЭВМ не всегда сопряжена с воспроизведением программы в смысле ее загрузки в память ЭВМ. Широко распространены ситуации, когда программа используется посредством удаленного подключения к функционалу программы без ее воспроизведения в память самой ЭВМ. Признание самой реализации функциональных возможностей программы в качестве способа использования позволяет охватить все возможные формы использования программ, исключив при этом возможную квалификацию такого рода использования без согласия правообладателя в качестве правомерного. Однако все же использование программы для ЭВМ представляет собой цель заключения соответствующего договора, а не самостоятельный способ использования программы для ЭВМ, которым продолжает оставаться воспроизведение, удаленное подключение к функционалу программы для ЭВМ и т. д.

Использование программы для ЭВМ может осуществляться ее правообладателем, лицами, которым правообладатель предоставил соответствующие правомочия, а также иными третьими лицами при наличии у них на то правовых оснований[116]. Правомочие по использованию программы для ЭВМ входит в содержание исключительного права правообладателя, т. е. в содержание абсолютного правоотношения по поводу программы для ЭВМ.

---

[115] Рябов К.И. Предмет лицензионного договора о праве использования программы для ЭВМ по функциональному назначению // Интеллектуальная собственность: Авторское право и смежные права. 2010. № 12. С. 22.

[116] Соответствующими лицами являются, в частности, владелец экземпляра правомерно введенного в гражданский оборот экземпляра программы для ЭВМ, который может использовать программу для ЭВМ в пределах, установленных законом.

В содержание абсолютного правоотношения входит также и правомочие правообладателя по распоряжению своим исключительным правом, в частности, посредством предоставления третьим лицам возможности использовать программу для ЭВМ в предусмотренных договором пределах. Предоставление правообладателем третьим лицам возможности использовать программу для ЭВМ влечет за собой возникновение у соответствующих лиц определенного договором объема субъективных прав по использованию программы для ЭВМ, представляющего собой основную часть содержания исследуемых лицензионных отношений.

Объем субъективных прав лицензиата должен быть определен в договоре посредством указания конкретных способов использования, которыми лицензиат может руководствоваться при использовании программы для ЭВМ. В деловой практике также зачастую можно встретить ситуации, когда лицензиат ограничен в использовании не только конкретными способами, но и иными показателями (например, количество устройств, на которых может быть запущена программа для ЭВМ, количество пользователей и т.п.). В этой связи объем субъективных прав лицензиата может быть определен как количественный и качественный показатель правомерного использования программы, выход за который будет считаться нарушением исключительного права на программу для ЭВМ.

Предоставление лицензиату предусмотренного договором объема субъективных прав по использованию программы представляет собой обязанность лицензиара, которая возникает в связи с заключением лицензионного договора[117]. В случае заключения возмездного лицензионного договора исполнение соответствующей обязанности лицензиара может быть обусловлено выплатой в пользу последнего лицензионного вознаграждения. В таком случае обязанность лицензиата по выплате в пользу лицензиара предусмотренного

[117] В судебной практике отмечается, что соответствующая обязанность не ограничивается моментом передачи ключей активации программного продукта в связи с чем невозможность лицензиата использовать программу для ЭВМ в установленный договором период является недостатком предоставления, влечет за собой возникновение на стороне лицензиара неосновательного обогащения (см. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.04.2023 N С01-687/2023 по делу N А40-152311/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.10.2025)). Данное обстоятельство позволяет констатировать длящийся характер лицензионных отношений.

договором лицензионного вознаграждения будет являться встречной по отношению к обязанности лицензиара по предоставлению лицензиату права использования программы для ЭВМ.

Лицензионным договором также может быть предусмотрена обязанность лицензиара предоставлять лицензиату обновления программы для ЭВМ, необходимые для исправления ошибок («минорные» версии) или открытия лицензиату новых функциональных возможностей при использовании программы («мажорные» версии). Лицензионное вознаграждение за предоставление соответствующих обновлений может входить в общий размер лицензионного вознаграждения или быть сформулировано отдельно (например, по модели «подписки», т. е. представлять собой периодическую выплату за получение новых обновлений, от получения которых лицензиат может отказаться в любой момент). Право на обновления (новые версии программы) по своей сути представляет собой право на использование лицензиатом программ для ЭВМ, которые будут созданы в будущем. Предоставление лицензиату права использования обновлений (новых версий программы) осуществляется в момент, определенный в договоре, но не ранее момента возникновения такого права (разработка новой версии программы)[118].

Следует также отметить, что зачастую субъекты исследуемых лицензионных отношений вступают в более сложные договорные отношения. Так, О.Ю. Шилохвост отметил, что «Распоряжение исключительным правом на результаты интеллектуальной деятельности, построенное по той или иной модели (лицензионный договор и договор об отчуждении исключительного права), может составлять часть более общего, смешанного договора»[119]. В частности, широко распространено заключение договора, по которому лицензиар, помимо того, что предоставляет лицензиату право использования программы в предусмотренных договором пределах, также принимает на себя обязательство

---

[118] Первый и второй абзац пункта 47 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 06.10.2025).

[119] Шилохвост О.Ю. Общие положения о договорных способах распоряжения исключительным правом // Хозяйство и право. 2008. № 9. С. 5.

оказывать услуги по техническому сопровождению программы для ЭВМ, которое заключается в устранении ошибок, неполадок программы, или разрабатывать для лицензиата новые функциональные модули, не закладывая их при этом соответствующие обязательства в предоставление обновлений программы. В таком случае в связи с заключением договора возникают дополнительные права и обязанности, а на отношения субъектов помимо положений о лицензионном договоре, распространяются положения о договорах, предметом которых является оказание услуг и выполнение работ[120].

С учетом всего вышеизложенного, можно сформулировать следующее определение лицензионных отношений - это длящиеся гражданско-правовые отношения по поводу использования программы для ЭВМ в предусмотренных законом и (или) договором пределах (способы, объемы (количество пользователей, устройств и т. д.), срок и территория использования). Обозначенные отношения возникают в связи с наступлением юридических фактов, направленных на распоряжение исключительным правом: создание программы для ЭВМ; заключение лицензионного договора; заключение договора о предоставлении пользователю ЭВМ удаленного доступа к функционалу программы. В последнем случае речь идет о лицензионных отношениях особого рода, квалифицирующим признаком которых является наличие у правообладателя или управомоченного им лица технической возможности прекратить доступ пользователя ЭВМ к функционалу программы в одностороннем порядке.

§ 1.3. Место лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ в системе обязательств

Системное исследование лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ не представляется возможным без рассмотрения вопросов, касающихся непосредственно взаимосвязанных

[120] Особенности гражданско-правовых отношений, возникающих в связи с заключением подобного рода договоров, подробно рассмотрены в параграфе 1.3 настоящего диссертационного исследования («Место лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ в системе обязательств»).

с лицензионными отношениями договорных обязательств. К соответствующим обязательствам относятся купля-продажа экземпляров программ для ЭВМ, оказание услуг по технической поддержке программ для ЭВМ и выполнение работ по разработке (доработке) программ для ЭВМ. Заключение обозначенных договоров влечет за собой возникновение самостоятельных договорных отношений по поводу различных объектов гражданских прав (вещи, результата работ, услуги), предшествующих возникновению исследуемых лицензионных отношений или опосредованных с ними. Одновременно отношения, возникающие в связи с заключением обозначенных договоров, находятся в той или иной связи с исследуемыми лицензионными отношениями, чем обусловлено определенное место исследуемых лицензионных отношений в системе обозначенных взаимосвязанных обязательств.

1.3.1. Купля-продажа экземпляров программ для ЭВМ. Ранее было обозначено разграничение категорий «программа для ЭВМ» как результат интеллектуальной деятельности и «экземпляр программы для ЭВМ» как материальная форма выражения объекта авторского права. Указанное разграничение позволяет выделять лицензионный договор[121], предметом которого является предоставление права использования программы для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности и договор купли-продажи[122], предметом которого является передача продавцом покупателю в качестве товара экземпляра программы.

Появление в гражданском обороте экземпляров программ для ЭВМ непосредственно связано с действиями правообладателя, который ввел их в гражданский оборот самостоятельно или через третьих лиц (в рамках заключенных с ними лицензионных договоров, предметом которых является право использование программы для ЭВМ, посредством воспроизведения

[121] Отношения, возникающие в связи с заключением лицензионного договора о предоставлении права использования программы для ЭВМ, регулируются положениями четвертой части ГК РФ о лицензионном договоре.

[122] Отношения, возникающие в связи с заключением договора купли-продажи экземпляра программы для ЭВМ, регулируются положениями второй части ГК РФ о договоре купли-продажи, а в случае если на стороне покупателя выступает гражданин, приобретающий товары для собственных нужд, также законодательством о защите прав потребителей.

и (или) распространения ее экземпляров). Без правомерного, т. е. санкционированного правообладателем введения экземпляров программы для ЭВМ в гражданский оборот, невозможно представить правомерную реализацию экземпляров и использование программ для ЭВМ[123]. В этой связи следует констатировать значение исследуемых лицензионных отношений в качестве фактора, предопределяющего отношения, возникающие в связи с заключением договора купли-продажи экземпляра программы для ЭВМ.

С другой стороны, при загрузке лицензиатом программы в память ЭВМ он, как правило, акцептует (принимает) предлагаемые правообладателем условия использования программы, представляющие собой оферту на заключение лицензионного договора в упрощенном порядке («оберточная» лицензия), вступая тем самым с правообладателем в лицензионные отношения по поводу использования программы для ЭВМ. В таком случае отношения в связи с заключением договора купли-продажи экземпляра программы предшествуют возникновению лицензионных отношений по поводу использования программы для ЭВМ.

Обозначенные выше факторы в совокупности свидетельствуют о том, что взаимосвязь исследуемых лицензионных отношений и отношений, возникающих в связи с заключением договора купли-продажи экземпляра программы для ЭВМ, является двусторонней: с одной стороны лицензионные отношения между правообладателем и управомоченным им лицом, предшествующие возникновению отношений из договора купли-продажи экземпляра программы для ЭВМ («дистрибьюторские» лицензионные отношения); с другой стороны лицензионные отношения между правообладателем и пользователем, следующие за сделкой купли-продажи экземпляра программы для ЭВМ («пользовательские» лицензионные отношения).

---

[123] Поскольку в ситуации, когда экземпляры программы, реализуемые продавцом, были введены в гражданский оборот и распространены без согласия автора, продавец будет считаться нарушителем исключительного права правообладателя, в виду того, что распространение экземпляров программы представляет собой использование программы, как результата интеллектуальной деятельности. Одновременно и покупатель «пиратской», т. е. контрафактной программы (пользователь программы) также будет являться нарушителем исключительного права правообладателя, поскольку скачивание программы для ЭВМ и ее запуск представляют собой воспроизведение, которое также является способом использования программы.

Заключение субъектами договора купли-продажи правомерно введенного в гражданский оборот экземпляра программы для ЭВМ представляет собой юридический факт, с которым связано возникновение у приобретателя экземпляра (покупателя) предусмотренного законом объема правомочий по использованию программы для ЭВМ. Право пользователя определяется посредством указания на конкретные действия, которые могут осуществляться владельцем экземпляра без разрешения правообладателя и без выплаты в его пользу вознаграждения (право пользователя)[124].

Дискуссионным в юридической науке является вопрос о правовой природе права пользователя. Так, по мнению В.С. Витко, при приобретении пользователем в собственность копии программы по договору купли-продажи основанием наделения пользователя программы правом использования программы является не лицензионный договор, а норма закона (ст. 1280 ГК РФ)[125]. Таким образом, В.С. Витко обособляет категорию «использование» с объемом правомочий права пользователя. По мнению В.А. Корнеева: «…правомочия, указанные в статье 1280 ГК РФ, охватываются не исключительным правом (фактически представляя собой изъятие из исключительного права), а правом собственности лица, которому принадлежит экземпляр произведения – правомочием пользования (ст. 209 ГК РФ)»[126]. Вместе с тем, В.А. Корнеев отмечает, что право пользования, по смыслу статьи 1280 ГК РФ пользователь получает в силу закона – в момент, когда оно правомерно становится владельцем соответствующего экземпляра[127].

Представляется, что с точки зрения правовой природы нет особой разницы между объемом правомочий, установленным законом (право пользователя), и объемом правомочий, установленным договором. В обеих ситуациях действия, осуществляемые с программой для ЭВМ, представляют собой ее использование,

---

[124] Статья 1280 ГК РФ.
[125] Витко В.С. Гражданско-правовая природа лицензионного договора. М.: Статут. 2012. С. 250.
[126] Корнеев В.А. Топологии интегральных микросхем и программы для ЭВМ: учебное пособие / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Проспект. 2021. С. 37.
[127] Корнеев В.А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав: дис … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 9.

которое будет являться правомерным лишь при условии, что оно осуществляется в предусмотренных законом или договором пределах. Разница обозначенных категорий состоит лишь в том, чем обусловлено возникновение соответствующих прав (заключение договора купли-продажи экземпляра программы для ЭВМ или лицензионного договора), где установлены ограничения по использованию программы (в законе или договоре) и по каким критериям субъект ограничен в использовании программы для ЭВМ. Так, в случае с лицензионным договором субъект ограничивается в использовании программы не только непосредственно определенными договором пределами его субъективных прав по использованию программы (количественными и качественными характеристиками разрешенного ему использования), но и определенными территориальными границами, что предусмотренному законом праву пользователя несвойственно.

Объем правомочий пользователя определен посредством указания на конкретные правомочия пользователя, регламентированные императивными и диспозитивными нормами закона. Императивными нормами регламентированы правомочия пользователя по изготовлению копии[128], исследованию функционирования[129] и декомпилированию программы [130], а диспозитивными – правомочие пользователя по осуществлению действий, необходимых для функционирования программы[131]. Реализация пользователем обозначенных правомочий не должна противоречить обычному использованию программы для ЭВМ или иным необоснованным образом ущемлять законные интересы автора или иного правообладателя программы для ЭВМ[132].

---

[128] При условии, что копия программы создается для архивных целей или замены правомерно приобретенного экземпляра в случаях, когда такой экземпляр утерян, уничтожен или стал непригоден для использования (подпункт 2 пункта 1 статьи 1280 ГК РФ).

[129] При условии, что соответствующие действия осуществляются в целях определения идей и принципов, лежащих в основе любого элемента программы для ЭВМ (пункт 2 статьи 1280 ГК РФ).

[130] При условии, что они необходимы для достижения способности к взаимодействию независимо разработанной этим лицом программы для ЭВМ с другими программами, которые могут взаимодействовать с декомпилируемой программой (пункт 3 статьи 1280 ГК РФ).

[131] Под соответствующими действиями понимается в том числе запись и хранение в памяти ЭВМ, осуществление действий по адаптации, исправление явных ошибок (подпункт 1 пункта 1 статьи 1280 ГК РФ).

[132] Регламентация категорий «обычное использование» и «законные интересы» направлена на исключение недобросовестных действий со стороны владельца экземпляра программы для ЭВМ, формально являющихся правомерными (в рамках установленных законом объемах и целях), но при этом необоснованным образом ущемляющих законные интересы правообладателя программы для ЭВМ. Абстрактностью обозначенных категорий обусловлена необходимость подробного описания непосредственно правообладателем порядка использования

Диспозитивный характер подпункта 1 пункта 1 статьи 1280 ГК РФ предполагает возможность ограничения предусмотренного указанной нормой правомочия, однако в доктрине также существует иной подход по данному вопросу. По мнению Калятина В.О., в силу указания пункта 4 статьи 1286 ГК РФ лицензионный договор может расширить, но не сузить права пользователя[133]. Тем не менее, из действующей формулировки рассматриваемой нормы все же следует, что предусмотренное законом правомочие по записи и хранению программы в памяти ЭВМ может быть ограничено договором. В этой связи в законе необходимо закрепить правило, согласно которому ничтожными должны признаваться условия, ограничивающие возможность использования программы для ЭВМ по ее функциональному назначению, соответствующему самому роду такой программы[134].

1.3.2. Техническая поддержка программ для ЭВМ. Абсолютно типичным и нормальным явлением считается наличие в программах для ЭВМ различного рода ошибок и уязвимостей. Помимо ранее рассмотренных обязательств по предоставлению обновлений программ для ЭВМ, направленных на решение тех или иных технических проблем («минорные» версии программы) в рамках лицензионных договоров, широко распространена практика заключения отдельных договоров, предметом которых является осуществление действий, понимаемых в деловой практике как «техническая поддержка» (или «сопровождение») программы для ЭВМ[135].

Разъясняя терминологию государственных стандартов, Минцифры России под «сопровождением» программы для ЭВМ предлагает понимать действия (процессы) программного средства на всем его жизненном цикле с целью

программы, позволяющего однозначно квалифицировать те или иные действия в качестве нарушающих законные интересы правообладателя.

[133] Калятин В.О. Проблема ослабления имущественных прав в цифровой среде // Вестник гражданского права. 2018. № 6. С. 36.

[134] Стебаев А.А. Регламентация содержания права пользователя программы для ЭВМ // Юридическая наука, 2024. № 10. С. 200.

[135] Отношения, возникающие в связи с заключением договора об оказании услуг по технической поддержке программы для ЭВМ, регулируются положениями второй части ГК РФ о договоре возмездного оказания услуг, а в случае если на стороне заказчика выступает гражданин, получающий услуги для собственных нужд, также законодательством о защите прав потребителей.

поддержания эффективности его эксплуатации, которые могут включать в себя различные виды работ/услуг. В частности, к соответствующим действиям относятся обеспечение работоспособности и функционирования программ для ЭВМ, исправление ошибок, несоответствий, инцидентов, дефектов, в том числе в рамках существующих или новых версий программ для ЭВМ, консультирование, обучение, тренинги по вопросам использования (работы) программ для ЭВМ по ее функционалу[136].

Общим признаком указанных выше действий является их направленность на поддержание эффективности эксплуатации программы для ЭВМ, а критерием разграничения – необходимость в рамках осуществления тех или иных действий воспроизводить программу для ЭВМ или иным образом использовать ее в авторско-правовом смысле. Во втором случае при заключении договоров, предметом которых является осуществление технической поддержки, необходимо учитывать наличие юридической возможности их исполнения.

Отдельные действия могут осуществляться владельцем правомерно введенного в гражданский оборот экземпляра программы для ЭВМ самостоятельно или с привлечением третьих лиц в пределах, установленного законом объема права пользователя (в первом случае техническая поддержка осуществляется собственными силами, а во втором – силами внешнего подрядчика на основании соответствующего договора). В случае если планируется осуществление действий, не входящих в объем права пользователя и не предусмотренных лицензионным договором, заключение договора об оказании услуг по технической поддержке программы для ЭВМ возможно лишь самим правообладателем программы для ЭВМ или управомоченным им лицом (в деловой практике такие лица именуются как авторизованные представители). Исключением из обозначенного правила являются действия, осуществляемые исполнителем без воспроизведения программы для ЭВМ (иных действия, понимаемых как использование программы в авторско-правовом смысле).

[136] Письмо Минцифры России от 07.09.2021 N П11-2-05-200-38749 «О рассмотрении обращений субъектов предпринимательской деятельности и заинтересованных лиц в сфере информационных технологий» // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.05.2025).

Например, в ситуации, когда действия по консультированию и обучению не сопровождаются воспроизведением программы для ЭВМ, они могут быть предметом договоров об осуществлении технической поддержки без каких-либо дополнительных условий.

Нередко в деловой практике можно встретить ситуации, когда под «сопровождением» понимается в том числе предоставление обновлений программы для ЭВМ. В данном случае следует учитывать момент, связанный с правовой природой обновлений программы для ЭВМ. Каждое последующее обновление программы для ЭВМ с учетом общего применительно ко всем объектам авторского права правила является производным произведением, то есть новой программой для ЭВМ[137]. Сформулированное законодателем правило предполагает, что законное предоставление обновлений программы возможно при условии, что предоставляющее такие обновления лицо имеет необходимые права в отношении предоставляемых обновлений программы[138].

В части, касающейся вышеуказанной практики, верное замечание сделано А.И. Савельевым о том, что «…если техническая поддержка сводится исключительно к возможности получения обновлений в течение определенного срока, то отношения по ее предоставлению могут быть оформлены посредством лицензионного договора. В случае если в ней есть также и консультационная составляющая, то соответствующий договор может быть квалифицирован как смешанный (п. 2 ст. 421 ГК РФ) с элементами лицензионного (в части предоставления прав на обновления) и возмездного оказания услуг (в части предоставления консультаций по использованию программы)»[139]. Разграничение обозначенных элементов позволяет однозначно квалифицировать правовую природу обновлений и отношений по поводу их предоставления.

---

[137] Статья 1260 ГК РФ.

[138] То есть в качестве стороны, предоставляющей по договору обновления программы, может выступать сам правообладатель такого обновления, обладающий исключительным правом или лицо, которое имеет в отношении таких обновлений права их распространения в рамках заключенного с правообладателем договора.

[139] Савельев А.И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М.: Статут, 2024. С. 412.

Вышеизложенные моменты позволяют констатировать, что осуществление сопровождения (технической поддержки) программы для ЭВМ является второстепенным по отношению к предоставлению права использования программы для ЭВМ обязательством. Возможность осуществления тех или иных действий по сопровождению (технической поддержке) программы для ЭВМ, необходимых для поддержания эффективности эксплуатации программы для ЭВМ, непосредственно обусловлена предусмотренными законом и договором пределами допустимого использования программы для ЭВМ или наличием у исполнителя статуса правообладателям или авторизованного представителя программы для ЭВМ. С отсутствием у заказчика необходимых прав по использованию программы для ЭВМ или отсутствием у исполнителя необходимого статуса (титула) связана невозможность заключения договора о сопровождении (технической поддержке) программы для ЭВМ.

В заключение рассмотрения вопросов, связанных с технической поддержкой программ для ЭВМ, следует отметить, что в деловой практике зачастую можно встретить отношения по передаче сертификата технической поддержке, оформляемые по модели договора купли-продажи сертификата технической поддержки. В этой связи следует отметить справедливое замечание В.А. Канашевского о том, что «Высшая судебная инстанция должна указать судьям на недопустимость механистического применения правил о договоре купле-продаже к договорам продажи сертификатов на техническое обслуживание ПО, поскольку целью данных договоров является преимущественно предоставление услуг такой поддержки. В некоторых случаях к соответствующим отношениям сторон должны применяться правила о смешанном договоре, содержащем элементы лицензионного договора, договора подряда, договора авторского заказа и др.»[140]. Действительно, направленность соответствующего договора на осуществление в пользу лицензиата определенных действий (посредством предоставления лицензиату права требования соответствующих

[140] Канашевский В.А. Судебные споры о прекращении технической поддержки программного обеспечения иностранными правообладателями // Журнал российского права. 2024. № 12. С. 87.

услуг, удостоверяемого сертификатом) не дает оснований для квалификации подобного рода отношений в качестве договора купли-продажи.

1.3.3. Разработка (доработка) программ для ЭВМ. Помимо ранее рассмотренных обязательств по предоставлению обновлений программ для ЭВМ, направленных на предоставление новых функциональных возможностей программы для ЭВМ («мажорные» версии программы), доработка программы может осуществляться в рамках самостоятельного договора по доработке программы для ЭВМ. Данные отношения по своей правовой природе схожи с отношениями по поводу изначальной разработки программы для ЭВМ (предшествующими как исследуемым лицензионным отношениям, так и отношениям по сопровождению (технической поддержке) программы для ЭВМ), чем предопределена необходимость начать их рассмотрение с конструкции договора о разработке программы для ЭВМ.

В связи с тем, что программа для ЭВМ среди прочих объектов гражданских прав отнесена к объектам интеллектуальных прав, обязательство по разработке программы для ЭВМ может возникнуть в связи с заключением договора авторского заказа[141] или договора о создании программы для ЭВМ по заказу[142].

Объединяющим признаком обозначенных выше договорных моделей является предмет договора, которым являются действия исполнителя по созданию обусловленной договором программы для ЭВМ, что отличает данные договоры от договора выполнения работ, в ходе исполнения которого также может быть создана программа для ЭВМ, но тем не менее ее создание не является обязательным[143].

Основное отличие договора авторского заказа в том, что в этом договоре исполнителем выступает сам автор программы для ЭВМ, то есть такой договор может быть заключен между заказчиком, в качестве которого может выступать любой субъект гражданского права, и автором, в качестве которого может выступать лишь физическое лицо (гражданин). Вторым отличием договора

[141] Статья 1288 ГК РФ.
[142] Статья 1296 ГК РФ.
[143] Статья 1297 ГК РФ.

авторского заказа от договора о создании программы для ЭВМ по заказу являются диспозитивные (определимые) условия о распределении прав на результат исполнения договора.

Исполнение сторонами договора авторского заказа завершается передачей в собственность заказчика материального носителя, то есть экземпляра программы для ЭВМ, что предполагает возникновение у заказчика права пользователя[144]. Предоставление заказчику права использования программы для ЭВМ в предусмотренных договором пределах происходит лишь в том случае, если такое предоставление прямо предусмотрено договором[145].

Исполнение сторонами договора о создании программы для ЭВМ по заказу завершается возникновением исключительного права на программу для ЭВМ у заказчика (по общему правилу)[146] или у исполнителя. Вторая сторона, как уже отмечалось ранее, становится обладателем права использования программы на условиях безвозмездной (неисключительной) бессрочной лицензии в предусмотренных законом пределах[147].

Изложенное выше позволяет констатировать, что договор авторского заказа и договор о создании программы для ЭВМ имеют своей основной направленностью создание программы для ЭВМ, при этом заказчик может стать как обладателем исключительного права, так и права использования в предусмотренных законом или договором пределах.

Аналогичным образом оформляются отношения сторон по доработке уже существующей программы для ЭВМ, при этом представляется, что доработка программы для ЭВМ может заключаться как в разработке нового функционала программы для ЭВМ, так и в корректировке ранее существующего. Важно при этом отметить, что допустимые пределы доработки программы для ЭВМ прямо предусмотрены действующим законодательством. Доработка программы, по сути, представляет собой ее переработку, которая, в свою очередь, является

---

[144] Абзац второй пункта 1 статьи 1288 ГК РФ.
[145] Пункт 2 статьи 1288 ГК РФ.
[146] Пункт 1 статьи 1296 ГК РФ.
[147] Пункты 2 и 3 статьи 1296 ГК РФ.

прямо предусмотренным законом способом использования программы для ЭВМ[148], в связи с чем доработка программы входит в содержание исключительного права ее разработчика. Это означает, что доработка программы по общему правилу возможна лишь в том случае, если правообладатель в рамках заключенного с лицензиатом договора предоставил ему соответствующее право.

Необходимо сделать акцент на том, что под понятие переработки программы для ЭВМ попадает внесение любых изменений в программу для ЭВМ, за исключением ее адаптации, то есть внесения изменений, осуществляемых исключительно в целях функционирования программы для ЭВМ на конкретных технических средствах пользователя или под управлением конкретных программ пользователя[149].

Вышеизложенные моменты позволяют констатировать, что осуществление действий по доработке программы для ЭВМ (как и осуществление действий по технической поддержке программы для ЭВМ) является второстепенным по отношению к предоставлению права использования программы для ЭВМ обязательством. Возможность осуществления тех или иных действий по доработке программы для ЭВМ предполагает переработку программы для ЭВМ в авторско-правовом смысле, а значит, непосредственно обусловлена предусмотренными законом и договором пределами допустимого использования программы для ЭВМ или наличием у подрядчика статуса правообладателя или авторизованного представителя программы для ЭВМ. С отсутствием у заказчика необходимых прав по использованию программы для ЭВМ или отсутствием у подрядчика необходимого статуса (титула) связана невозможность заключения договора о выполнении работ по доработке программы для ЭВМ.

В заключение настоящей главы отметим основные выводы, к которым удалось прийти по результатам рассмотрения вопросов, связанных с сущностью лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ:

---

[148] Подпункт 9 пункта 2 статьи 1270 ГК РФ.
[149] Подпункт 9 пункта 2 статьи 1270 ГК РФ.

1) В 90-е годы XX века в обществе сложилось стойкое восприятие программы для ЭВМ как особого объекта, отличающегося своей спецификой, предопределяющей необходимость в установлении по отношению к программам для ЭВМ специального правового регулирования. В обозначенный период также были сформулированы основные правовые нормы, регулирующие лицензионные отношения, и юридическая терминология, которые были в последующем имплементированы в современный Гражданский кодекс Российской Федерации.

2) Современный период развития лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ может быть охарактеризован рядом тенденций, которые в своих основаниях имеют технические, политические и иные предпосылки. К соответствующим тенденциям относится в том числе появление новых вариантов оформления лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ: отношения, построенные по модели удаленного доступа пользователя ЭВМ к функционалу программы без предоставления пользователю самого экземпляра программы для ЭВМ.

3) Лицензионные отношения – это длящиеся гражданско-правовые отношения по поводу использования программы для ЭВМ в предусмотренных законом и (или) договором пределах (способы, объемы (количество пользователей, устройств и т. д.), срок и территория использования). Обозначенные отношения возникают в связи с наступлением юридических фактов, направленных на распоряжение исключительным правом: создание программы для ЭВМ; заключение лицензионного договора; заключение договора о предоставлении пользователю ЭВМ удаленного доступа к функционалу программы. В последнем случае речь идет о лицензионных отношениях особого рода, квалифицирующим признаком которых является наличие у правообладателя или управомоченного им лица технической возможности прекратить доступ пользователя ЭВМ к функционалу программы в одностороннем порядке.

4) Программа для ЭВМ представляет собой объект гражданского права, отличающийся двойственной спецификой, которая заключается, с одной стороны,

в отличиях такого объекта от иных результатов интеллектуальной деятельности, а с другой – в отличиях программы от иных объектов, охраняемых в режиме авторского права. Специфика программы как результата интеллектуальной деятельности обусловлена следующими свойствами «второго» порядка: наличие у объекта в качестве ключевого признака функционального назначения; тесная связь объекта с экземпляром как формой его выражения; сохранение правового режима объекта независимо от формы выражения его экземпляра; обусловленность объекта его техническими и качественными характеристиками. Указанными свойствами программы для ЭВМ обусловлено установление законодателем специальных правил применительно к лицензионным отношениям, объектом которых является программа для ЭВМ.

5) Под использованием программы для ЭВМ помимо ее воспроизведения, распространения и переработки (прямо предусмотренные законом способы) следует также понимать действия, направленные на предоставление пользователю ЭВМ возможности реализовывать функционал программы на ЭВМ пользователя посредством удаленного доступа пользователя ЭВМ к экземпляру программы, размещенному на сервере лица, организующего соответствующий доступ. Рассматриваемое действие в силу своего существа может осуществляться лишь с согласия правообладателя программы для ЭВМ или управомоченного им лица в предусмотренных договором пределах.

6) Условие «as is» («как есть») представляет собой установленную законом форму ограничения ответственности лицензиара перед лицензиатом за качество предоставленной программы для ЭВМ (пункт 3 статьи 401 ГК РФ). Поскольку «как есть» на сегодняшний день не является устоявшимся правилом поведения ввиду отсутствия единого толкования, такое правило не может квалифицироваться в качестве обычая.

7) Приобретение лицом правомерно введенного в гражданский оборот экземпляра программы для ЭВМ по договору купли-продажи является юридическим фактом, влекущим за собой возникновение у покупателя объема прав пользователя, предусмотренного законом (статья 1280 ГК РФ). Под

правомерно введенным в гражданский оборот экземпляром программы для ЭВМ понимается такой экземпляр, который был воспроизведен и распространен правообладателем самостоятельно или иными лицами, которым соответствующие правомочия были предоставлены в рамках заключенного с правообладателем программы для ЭВМ лицензионного договора.

8) Нет особой разницы между объемом правомочий, установленным законом («право пользователя»), и объемом правомочий, установленным договором. В обеих ситуациях действия, осуществляемые с программой для ЭВМ, представляют собой ее использование, которое будет являться правомерным лишь при условии, что оно осуществляется в предусмотренных законом или договором пределах. Разница обозначенных категорий состоит лишь в том, чем обусловлено возникновение соответствующих прав (заключение договора купли-продажи экземпляра программы для ЭВМ или лицензионного договора), где установлены ограничения по использованию программы (в законе или договоре) и по каким критериям субъект ограничен в использовании программы для ЭВМ. Так, в случае с лицензионным договором субъект ограничивается в использовании программы не только непосредственно определенными договором пределами его субъективных прав по использованию программы (количественными и качественными характеристиками разрешенного ему использования), но и определенными территориальными границами, что предусмотренному законом праву пользователя несвойственно.

9) Договоры об оказании услуг технической поддержки программы для ЭВМ и о доработке программы для ЭВМ являются договорами, предметом которых является осуществление определенных действий с программой для ЭВМ. Данные договоры должны исполняться при полном соблюдении исключительного права правообладателя программы для ЭВМ, в виду чего их заключение с третьим лицом, не являющимся правообладателем программы для ЭВМ, допускается лишь в тех случаях, когда право на заключение соответствующего договора следует из лицензионного договора. Исключением являются действия, которые могут осуществляться лицензиатом самостоятельно или с привлечением

третьих лиц в силу закона (статья 1280 ГК РФ) или условий лицензионного договора.

ГЛАВА 2. ВИДЫ ЛИЦЕНЗИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ПРАВОМ НА ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ

§ 2.1. «Классические» лицензионные отношения по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ и отношения, построенные по модели удаленного доступа

На сегодняшний день рынок распространения программ для ЭВМ характеризуется многообразием моделей (вариантов) оформления лицензионных отношений, конечной целью которых является использование программы для ЭВМ по ее функциональному назначению. Так, исходя из содержания лицензионных отношений, их можно подразделить на две группы отношений: предполагающие передачу лицензиату самого экземпляра программы для ЭВМ («классические» лицензионные отношения) и отношения, построенные по модели удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ.

«Классические» лицензионные отношения связаны с правомерным владением лицензиатом экземпляром программы для ЭВМ, предшествующим возникновению лицензионных отношений или опосредующим их. В первом случае речь идет о ранее рассмотренных отношениях по поводу купли-продажи экземпляра программы для ЭВМ, предшествующих заключению лицензионного договора в упрощенном порядке («оберточная» лицензия). Во втором случае речь идёт уже о собственно лицензионных отношениях, возникающих в связи с заключением лицензионного договора в общем порядке (в письменной форме), по которому передача экземпляра программы для ЭВМ осуществляется в момент заключения договора или в течение установленного им срока. Передача лицензиату экземпляра программы для ЭВМ может осуществляться, в частности, путем передачи ему материального носителя с записанной на нем программой, направления электронного экземпляра либо предоставления возможности

загрузки экземпляра программы с сайта в сети Интернет посредством направления ему соответствующей ссылки[150].

Отличительной особенностью лицензионного договора, заключаемого в общем порядке, является возможность возникновения при заключении такого договора как простых (прямых), так и сложных (многоструктурных) лицензионных отношений между несколькими лицами. Как уже известно, основанием возникновения лицензионных отношений является лицензионный договор, представляющий собой юридический факт, направленный на возникновение между двумя субъектами лицензионного отношения, которое может быть охарактеризовано как «простое», т. е. правоотношение между двумя субъектами. В ситуации же, когда лицензионный договор предполагает возможность заключения на его основе сублицензионных договоров, следует говорить о возникновении сложного многоструктурного отношения, образуемого из совокупности лицензионных отношений «первого» (из лицензионного договора) и «последующих» (из сублицензионных договоров) порядков.

С учетом обозначенной особенности заключаемого в общем порядке лицензионного договора «классические» лицензионные отношения могут быть подразделены на простые (прямые отношения между двумя субъектами: правообладатель и лицензиат) и сложные (многоструктурные отношения между тремя и более субъектами). Ключевые особенности многоструктурного лицензионного отношения, во-первых, заключаются в том, что лицензионные правоотношения «последующих» порядков непосредственно зависят от «первого»[151], а во-вторых, что субъекты правоотношений разных порядков могут нести ответственность друг перед другом[152].

---

[150] Справедливо замечание Д.А. Янковенко о том, что с юридической точки зрения факт передачи экземпляра программы через Интернет или путем непосредственного предоставления диска с записанной на нем программой не имеет никакого значения (Янковенко Д.А. Способы передачи исключительного права на программы для ЭВМ по праву Германии и России: дис … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 74).

[151] Пределы и срок предоставленных по сублицензионным договорам прав использования не могут выходить за пределы и срок предоставленных по лицензионному договору прав использования (пункт 2 и 3 статьи 1238 ГК РФ).

[152] Ответственность за действия сублицензиата перед лицензиаром несет лицензиат, если иное не предусмотрено лицензионным договором (пункт 4 статьи 1238 ГК РФ). Диспозитивный характер указанной правовой нормы свидетельствует о том, что ответственность за действия сублицензиата перед лицензиаром может быть

Лицензионные отношения, построенные по модели удаленного доступа («Software As a Service», или «программное обеспечение как услуга»), в отличие от «классических» лицензионных отношений, не предполагают передачу лицензиату (пользователю) экземпляра программы для ЭВМ. Соответствующие отношения возникают в связи с заключением договора, предметом которого являются действия «облачного» провайдера по предоставлению пользователю ЭВМ возможности использовать по функциональному назначению программу, экземпляр которой размещен на сервере правообладателя или управомоченного им лица (лицензиара). Использование функционала программы лицензиатом в данном случае осуществляется за счёт подключения лицензиата через сеть Интернет к серверу лицензиара, на котором размещен экземпляр программы для ЭВМ.

Построенные по модели удаленного доступа отношения имеют ряд некоторых особенностей, существенным образом отличающих их от отношений, возникающих в связи с заключением лицензионного договора. Во-первых, в случае заключения договора, на лицензиаре лежит не обязанность передать лицензиату экземпляр программы для ЭВМ, а обязанность предоставить лицензиату доступ к программе для ЭВМ, размещенной на сервере лицензиара. Во-вторых, в силу того что у лицензиата отсутствует экземпляр программы для ЭВМ, у лицензиара имеется техническая возможность в любой момент прекратить доступ лицензиата к программе для ЭВМ. В-третьих, в силу того что у лицензиата отсутствует экземпляр программы для ЭВМ, у него не возникают права владельца экземпляра программы для ЭВМ, правомерно введенного в гражданский оборот (право пользователя). Обозначенные особенности вызывают в доктрине оправданные дискуссии о правовой квалификации отношений, построенных по модели удаленного доступа, в связи с чем данный вопрос заслуживает отдельного внимания.

распределена иным образом: в частности, сублицензиат может нести такую ответственность самостоятельно несмотря на то, что лицензиар и сублицензиат являются субъектами лицензионных отношений разных порядков.

Наиболее распространенными в отечественной доктрине являются подходы о квалификации отношений по модели удаленного доступа в качестве отношений, возникающих из лицензионного договора или договора оказания услуг. Иногда отношения по модели удаленного доступа предлагают рассматривать в качестве аренды, однако такой подход является наименее распространенным, и, как верно отмечают некоторые авторы, применение термина «аренда» к программному обеспечению является некорректным, поскольку последнее является не вещью, а результатом интеллектуальной деятельности. Более того, оплата при использовании программного обеспечения в облачном сервисе производится только за фактическое использование, что не характерно для договора аренды[153]. С учетом указанного остановимся немного подробнее на аргументации авторов, придерживающихся двух наиболее распространенных, приводимой ими в обоснование своей позиции.

По мнению немецкого юриста Джеральда Шпиндлера, в случае с SaaS выполнение программы с технической точки зрения осуществляется за пределами компьютера пользователя, со стороны пользователя не совершается ее использование в авторско-правовом смысле, а потому какого-либо специального разрешения от правообладателя на него не требуется[154]. Похожие мнения встречаются и в отечественной литературе. Так, по мнению И.Д. Огородова, поскольку пользователь, получая доступ к программному обеспечению, не устанавливает его на своем компьютерном устройстве, а отображение фрагментов на мониторе в рамках работы программного обеспечения является лишь частью технологического процесса, что не является воспроизведением, такие отношения не попадают под регулирование лицензионного договора[155].

---

[153] Карпычев В.Ю. Особенности правового регулирования оборота программного обеспечения, реализуемого на основе SaaS-технологий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. №4 (40). С. 143.

[154] Spindler G. Rechtliche Rahmenbedingungen des «Software as a Service»-Konzepts // Software-as-a-Service: Anbieterstrategien, Kundenbedurfnisse und Wertschopfungsstrukturen. 2010. P. 37.

[155] Огородов И.Д. Правовая квалификация договоров на предоставление компьютерных программ посредством облачных сервисов // НАУЧНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ 2023: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Петрозаводск. 2023. С. 17.

Действительно, не считается воспроизведением краткосрочная запись произведения, которая носит временный или случайный характер и составляет неотъемлемую и существенную часть технологического процесса, имеющего единственной целью правомерное использование произведения либо осуществляемую информационным посредником между третьими лицами передачу произведения в информационно-телекоммуникационной сети при условии, что такая запись не имеет самостоятельного экономического значения[156]. Однако тут же следует обратить внимание на установленные законодателем критерии: «правомерное использование» и «отсутствие самостоятельного экономического значения». Представляется, что в случае с отношениями по модели удаленного доступа говорить об отсутствии самостоятельного экономического значения затруднительно, с учетом того, что цель заключения договора по модели удаленного доступа может совпадать с целью заключения лицензионного договора – использование программы для ЭВМ по функциональному назначению.

Кроме того, представляется, что в текущих реалиях на правомочие по воспроизведению программы для ЭВМ, очевидно, стоит смотреть гораздо шире. В частности, В.О. Калятин отмечал необходимость выделения особого правомочия на воспроизведение произведения в цифровой форме, в результате которого произведение занимает некоторое количество ячеек в памяти определенного электронного устройства[157]. Одновременно при этом предусмотренный законом перечень способов использования произведения, не является исчерпывающим, а потому, как верно отмечает И.Д. Огородов, использование программного обеспечения посредством удаленного доступа можно трактовать как один из способов использования, не поименованного в статье 1270 ГК РФ[158].

А. Серов на основании того, что пользователю предоставляется доступ к результату программы, а не сам экземпляр программы, т. е. непосредственный

---

[156] Подпункт 1 пункта 2 статьи 1270 ГК РФ.
[157] Калятин В.О. Интеллектуальная собственность (исключительные права). М. 2000. С. 91, 96-98.
[158] Огородов И.Д. Указ. соч. С. 16.

доступ пользователя к приложению отсутствует, приходит к выводу о том, что модель удаленного доступа является договором возмездного оказания услуг[159]. Аналогичного подхода придерживаются Е.Е. Веселкова, которая считает, что ключевое отличие предоставления удаленного доступа пользователя к функционалу программного обеспечения от классического способа распространения компьютерной программы является отсутствие факта передачи экземпляра программы во владение пользователя. Конечный пользователь получает результат использования программы другим лицом, которое является правомерным владельцем программы (облачный провайдер), а сам лишь потребляет ту услугу, которую предоставляет ему то лицо, которое действительно его использует[160].

Профессор Университета имени Лоранда Этвёша (Венгрия, Будапешт), Дьёрдь Кратохвилл, отмечает, что в случае с удаленным доступом между пользователем и правообладателем программного обеспечения не возникает никаких договорных отношений, поскольку лицензии были получены поставщиком услуг, а поставщик услуг не предоставляет сублицензий в среде SaaS. Поскольку пользователь не приобретает лицензию, поставщик услуг должен гарантировать, что конечный пользователь не нарушит никаких прав интеллектуальной собственности третьих лиц[161].

По мнению М.А. Рожковой: «…получение платного доступа к различным информационным ресурсам, информационным или цифровым продуктам, позволяет заинтересованным лицам, выражаясь по-бытовому, «пользоваться сервисом», а в правовом ключе – получать соответствующие информационные услуги. То есть договор оказания информационных услуг (п. 2 ст. 779 ГК РФ), который заключается в данном случае, не относится к лицензионным соглашениям, а является разновидностью договора возмездного оказания услуг, определяющим признаком которого считается отсутствие материального

[159] Серов А. SaaS: программное обеспечение или услуга? // ЭЖ-Юрист. 2011. № 17. С. 4.
[160] Веселкова Е.Е. Правовое регулирование программного обеспечения как услуги облачных сервисов // Universum: экономика и юриспруденция. 2021. № 9(84). С. 14.
[161] Kratochwill G. What is the Difference between a Software License Agreement and a «Software as a Service» (SaaS) Agreement? // Les Nouvelles - Journal of the Licensing Executives Society. 2021. Vol. 56 Num. 3. P. 259.

результата действия или деятельности – оплате подлежит сама по себе услуга как таковая, включая случаи, когда она носит длящийся характер»[162].

По мнению А.И. Савельева, отношения по модели удаленного доступа должны быть квалифицированы как договор об оказании услуг. Несмотря на наличие формальных оснований для их квалификации в качестве лицензионного договора, соответствующая квалификация, по мнению А.И. Савельева, является нецелесообразной с практической точки зрения по причине неприменимости большей части положений, составляющих правовой режим такого договора[163].

Иного подхода придерживается Р.И. Ситдикова, которая отмечает, что основная особенность модели удаленного доступа, заключающаяся в том, что программное обеспечение не передается пользователю, а предоставляется через Интернет, находит свое юридическое выражение не в особой конструкции договора, а в особом способе использования компьютерных программ в рамках все той же модели лицензионного договора[164].

Интересный подход сформирован В. Разуваемым: «Получая доступ к программе, размещенной на находящемся удаленно сервере, пользователь воспроизводит ее на экране своего монитора, то есть начинает использовать программу для ЭВМ. Отличие SaaS-приложения от обычных программ состоит в отсутствии необходимости инсталлировать ее на компьютер, однако если услуга по доступу предоставляется непосредственно оператором связи (провайдером), то в данной ситуации только правообладатель передает право на использование программы для ЭВМ посредством доступа. То есть доступ выступает как своего рода транспортное средство, доставляющее пассажира до нужного адреса, поэтому с юридической точки зрения это все тот же лицензионный договор, по которому пользователь приобретает права использования программ для ЭВМ»[165].

---

[162] Рожкова М.А. О различиях между лицензионным договором и пользовательским соглашением // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 4 (46). С. 128.
[163] Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М.: Статут. 2014. С. 358-359.
[164] Ситдикова Р.И. Правовая природа предоставления программного обеспечения по SaaS: лицензия или услуга? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2013. № 12. С. 38.
[165] Разуваев В. Софт как услуга // ЭЖ-Юрист. 2010. № 5. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

В.В. Видьма, в ходе своего исследования также приходит к выводу о том, что по своей сущности модель удаленного доступа является лицензионной моделью правоотношений: «Стороны хотят распорядиться именно интеллектуальной составляющей объекта, созданного творческим трудом, которая и формирует цену договора. Услуги в части предоставления доступа к программе (организация канала связи, обслуживание сервера и так далее) являются вспомогательными и не формируют существо правоотношения»[166].

Вышеизложенное позволяет констатировать отсутствие на сегодняшний день единого доктринального подхода к квалификации отношений, построенных по модели удаленного доступа. В этой связи обратимся непосредственно к нормам ГК РФ и позициям Верхового Суда Российской Федерации, касающихся толкования договора и определения правовых норм, подлежащих к применению в связи с заключением того или иного договора, а также к конкретным делам из правоприменительной практики, при рассмотрении которых исследовался соответствующий вопрос.

Значение условий договора устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. Условия договора толкуются и рассматриваются судом в их системной связи и, с учетом того, что они являются согласованными частями одного договора (системное толкование). Толкование условий договора осуществляется с учетом цели договора и существа законодательного регулирования соответствующего вида обязательств[167]. При квалификации договора, для решения вопроса о применении к нему правил об отдельных видах договоров необходимо учитывать существо законодательного регулирования соответствующего вида обязательств и признаки договоров, предусмотренных законом или иным правовым актом[168].

---

[166] Видьма В.В. Особенности договоров о распоряжении исключительными авторскими правами: дис. … к.ю.н. Новосибирск., 2017. С. 133-134.

[167] Абзац первый статьи 431 ГК РФ.

[168] Пункт 47 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2025).

Таким образом, исходя из действующего законодательства и правовой позиции Верховного Суда РФ, можно сказать, что ключевым при квалификации отношений, возникающих из какого-либо договора, выступает их существо, или иначе говоря, - основная цель заключения такого договора. Такой подход представляется правильным считать в качестве базового правила для правильной квалификации любого договора. Что касается построенных по модели удаленного доступа, суды исходят из того, что применимые к отношениям сторон нормы зависят в большей степени от того, как такие отношения были структурированы. Приведем в качестве примеров несколько конкретных споров, возникших при исполнении таких договоров.

В Деле ООО «ДиБиАй» против ООО «Парк развлечений» лицензиар (ООО «ДиБиАй») обратился с иском к ООО «Парк развлечений» (лицензиат) о взыскании вознаграждения за оказанные лицензиаром и не оплаченные лицензиатом облачные услуги. Суды, частично отказывая в удовлетворении исковых требований, руководствовались следующими доводами: а) заключенный между сторонами договор, исходя из системного толкования его условий, является смешанным, а потому к отношениям из такого договора применимо, в том числе право заказчика на основании статьи 782 ГК РФ отказаться от договора с компенсацией фактических расходов исполнителю; б) из условий договора и положений законодательства следует, что обязанности по внесению платы при заключении договора со стороны ответчика (лицензиата) корреспондирует обязанность по предоставлению права использования программного обеспечения надлежащего качества и оказанию технической поддержки и облачных услуг. С учетом того, что лицензиар досрочно прекратил доступ лицензиата к облачным сервисам, вследствие чего лицензиат в одностороннем порядке реализовал свое право на односторонний отказ от договора оказания услуг, суды посчитали такой отказ правомерным, а взыскание

вознаграждения за период после направления такого отказа, соответственно, – недопустимым[169].

Таким образом, в указанном выше случае договор по модели удаленного доступа был частично квалифицирован судами в качестве договора возмездного оказания услуг. Размер подлежащего выплате вознаграждения был определен пропорционально фактическому сроку использования программы, что применительно именно в данном случае считается правомерным, несмотря на то обстоятельство, что ГК РФ не предусмотрено право лицензиата на односторонний отказ от договора. Представляется, что в данном случае правовое значение имел не отказ лицензиата от договора, как таковой, а факт прекращения доступа лицензиата к облачным услугам и программе: именно это обстоятельство имело значение, при установлении судами возможности расчета вознаграждения лицензиара пропорционально сроку фактического использования программы. Таким образом, в случае если возникшие между сторонами отношения были бы квалифицированы в качестве лицензионных отношений, поменялась бы лишь мотивировочная часть решения, но резолютивная осталась в том же виде, в котором она есть.

В деле ООО «АИС Город» против ООО «Регион-строй» лицензиар (ООО «АИС Город») обратился с иском к лицензиату (ООО «Регион-строй») о взыскании задолженности по договору предоставления удаленного доступа к программе. Суды, квалифицировав договор в качестве договора возмездного оказания услуг, установили, что услуги были оказаны надлежащим образом, в связи с чем основания для отказа в удовлетворении заявленных требований отсутствовали. Анализируя доводы ответчика о том, что у него имелись замечания к качеству оказанных услуг, суды отметили, что ранее ответчиком о таких недостатках истцу не сообщалось и, в связи с тем, что о таких недостатках

[169] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.01.2022 г. N С01-2265/2021 по делу N А53-12137/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

ответчик сообщил лишь в суде, его доводы в этой части не могут быть приняты во внимание[170].

Приведенные выше примеры объединяет то обстоятельство, что как в первом, так и во втором случае отношения сторон были квалифицированы судами исходя из той модели, которая была определена сторонами, а именно – в качестве договора оказания услуг. Аналогичный подход к квалификации договора, направленного на возникновение отношений, построенных по модели удаленного доступа в качестве договора оказания услуг, можно встретить и в зарубежной судебной практике[171].

В судебной практике можно встретить и иной подход к квалификации отношений, построенных по модели удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ. Так, Федеральный суд Австралии при рассмотрении дела из договора о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ обратился к статье 31(1)(a)(i) Закона об авторском праве Австралии. Согласно указанной статье авторское право в отношении произведения (включая компьютерную программу) представляет собой исключительное право совершать определенные действия в отношении этого произведения, включая право воспроизводить его в материальной форме. Суд обратил внимание, что в соответствии с указанной нормой «материальная форма» включает «любую форму (видимую или нет) хранения произведения... (независимо от того, может ли произведение ... быть воспроизведено)». Отдельно судом было отмечено, что определение «материальной формы» в Законе об авторском праве было изменено с 1 января 2005 года, чтобы прояснить, что материальная форма включает в себя все формы хранения произведения, даже если произведение не может быть воспроизведено с их помощью в дальнейшем[172].

---

[170] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24.08.2023 г. N Ф08-8287/2023 по делу N А32-5951/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

[171] Tribunal de grande instance de Nanterre Ordonnance de référé 30 novembre 2012 // URL: https://www.legalis.net/jurisprudences/tribunal-de-grande-instance-de-nanterre-ordonnance-de-refere-30-novembre-2012/ (дата обращения: 01.10.2025).

[172] FEDERAL COURT OF AUSTRALIA QAD Inc v Shepparton Partners Collective Operations Pty Ltd [2021] FCA 615 // URL: https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2021/2021fca0615 (дата обращения: 01.10.2025).

Действительно, договоры, построенные по модели удаленного доступа, зачастую квалифицируют в качестве договора оказания услуг или в качестве смешанного договора с лицензионным элементом. Между тем при рассмотрении сущности сложившихся правоотношений представляется очень важным не подменять действительное намерение их субъектов, непосредственно участвующих в таких отношениях чем-то иным, поскольку именно намерение субъектов является ключевой причиной возникновения правоотношений, без которого таких правоотношений просто не возникло бы. Лицензиар, как правило, заинтересован в том, чтобы не давать отношениям по модели удаленного доступа квалификации их в качестве лицензионных[173]. Вместе с тем очевидно, что целью заключения договора по модели удаленного доступа является непосредственно использование программы для ЭВМ по ее функциональному назначению (как и в случае с заключением соответствующего лицензионного договора). В данном случае примечательно замечание О.С. Иоффе, который писал следующее: «В случаях, когда договоры сходны как по лежащим в их основе материальным отношениям, так и по существенным условиям, объективно необходимым для возникновения обязательств, они соотносятся друг с другом не как типы, а как разновидности одного и того же договорного типа»[174].

Представляется, что отношения, возникающие в связи с заключением лицензионного договора о предоставлении права использования программы для ЭВМ и отношения по модели удаленного доступа сходны как по «лежащим в их основе материальным отношениям» (отношения по поводу использования программы), так и по «объективно необходимым существенным условиям»

---

[173] Поскольку необоснованное и немотивированное прекращение возникших в связи с заключением лицензионного договора отношений не допускается, в отличие от отношений, возникающих из договора оказания услуг, которые могут быть прекращены по инициативе заказчика в любой момент. Исключением могут быть ситуации, когда лицензиар не может гарантировать возможность использования программы для ЭВМ в течение установленного договором срока: например, в ситуации, когда по договору предоставляется право использования иностранного программного продукта, наличие доступа к которому связано с действиями вендора. В таком случае, очевидно, более приемлемой для лицензиара будет квалификация возникающих между ним и лицензиатом отношений в качестве договора возмездного оказания услуг с учетом того, что исполнитель, как и заказчик, может в любой момент отказаться от исполнения договора, компенсировав второй стороне фактические расходы или убытки.

[174] Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. Лит., 1975. С. 38.

(за некоторыми уточнениями[175]). Если придерживаться подхода О.С. Иоффе, квалификация отношений, построенных по модели удаленного доступа, должна быть в определенной степени приравнена к отношениям, построенным по модели лицензионного договора с учетом того, что данные договоры являются разновидностями одного и того же договорного типа – договора, о предоставлении права использования программы для ЭВМ (лицензионного).

Принимая во внимание, что модель удаленного доступа весьма близка по своему существу к лицензионной[176], удаленное подключение лицензиата к размещенной в «облаке» программе следует рассматривать в качестве способа использования программы в значении статьи 1270 ГК РФ. Таким образом, удаленное подключение к программе, как и воспроизведение, ограниченное правом инсталляции, копирования и запуска программы, представляет собой способ использования программы для цели реализации ее функциональных возможностей.

Отдельное внимание следует также обратить и на законопроект, которым, собственно, предполагается введение в юридическую терминологию определения термина «облачные услуги по предоставлению программного обеспечения». Под ними предлагается понимать услуги по предоставлению функциональных возможностей программ для электронных вычислительных машин и (или) баз данных посредством удаленного доступа через информационно-телекоммуникационные сети, включая информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», в целях размещения, хранения и иной обработки информации без заключения лицензионного договора или договора об отчуждении исключительного права.»[177].

---

[175] Существенные и иные условия лицензионного договора и договора о предоставлении пользователю ЭВМ удаленного доступа к функционалу программы подробно разобраны в параграфе 3.2 настоящего диссертационного исследования («Условия договоров в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ»).

[176] Стебаев А.А. Правовая природа договорных отношений предоставления удаленного доступа к программному обеспечению // Юридическая наука, 2023. № 11. С. 191.

[177] Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также в статью 15 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (подготовлен Минцифры России, ID проекта 02/04/04-24/00147401) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 27.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2025).

Получается наоборот: законопроектом предлагается прямо предусмотреть, что договор о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ (SaaS-договор) лицензионным не является. И в целом, такой подход понятен, поскольку в случае если SaaS-договор представлял бы собой обычный лицензионный договор, то в существовании такой договорной конструкции просто отсутствовал бы какой-либо смысл.

С одной стороны, договор о предоставлении лицензиату удаленного доступа к программе для ЭВМ по своей правовой природе весьма близок к лицензионному договору; с другой стороны, такая модель отношений отличается от классического (обычного) лицензионного договора некоторыми особенностями, которым было уделено внимание выше. В этом смысле отрицание признания близости природы отношений, построенных по модели удаленного доступа к правовой природе отношений, возникающих в связи с заключением классического лицензионного договора, будет в той же степени неправильным, что и отрицание особенностей отношений, построенных по модели удаленного доступа, обуславливающих необходимость в специальном правовом регулировании таких отношений. Своего рода компромиссным решением является законодательное признание применимости отдельных правил о лицензионном договоре к отношениям, построенным по модели удаленного доступа[178].

С учетом всего вышеизложенного, представляется возможным сформулировать следующее определение договора о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ - это договор, по которому одна сторона (правообладатель или управомоченное им лицо) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (пользователю) возможность реализовывать функционал программы на ЭВМ пользователя посредством удаленного доступа пользователя ЭВМ к экземпляру программы, размещенному

[178] Конкретные предложения автора по совершенствованию законодательства в соответствующей части, сформулированные им по результатам проведенного исследования, приводятся в приложении №1 к настоящему диссертационному исследованию. Автором подготовлен проект федерального закона о внесении изменений в часть четвертую ГК РФ (в том числе, в части регламентации лицензионных отношений, построенных по модели удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ).

на сервере правообладателя программы для ЭВМ или управомоченного им лица. В рамках исполнения рассматриваемого договора, пользователем за счет удаленного подключения через сеть Интернет осуществляется реализация функциональных возможностей программы для ЭВМ, экземпляр которой размещен на сервере «облачного» провайдера как лица, организующего соответствующий доступ. В качестве «облачного» провайдера может выступать непосредственно правообладатель программы для ЭВМ либо лицо, управомоченное правообладателем программы для ЭВМ на организацию соответствующего доступа пользователей.

§ 2.2. «Дистрибьюторские» и «пользовательские» лицензионные отношения по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ

Как было отмечено ранее, под использованием программы для ЭВМ понимаются любые действия по поводу нее, независимо от того, с какой целью они осуществляются (для собственных нужд или извлечения прибыли). Так, исходя из целей субъектов, лицензионные отношения могут быть подразделены на две группы: отношения, связанные с распространением программ для ЭВМ («дистрибьюторские» лицензионные отношения) и отношения, связанные с непосредственным использованием программы для ЭВМ по функциональному назначению («пользовательские» лицензионные отношения). Правовое значение обозначенного подразделения заключается в определении правовых норм, подлежащих применению к отношениям между субъектами лицензионных отношений, исходя из того, на что было направлено их возникновение: на извлечение прибыли от распространения программ для ЭВМ или на непосредственно использование программы для ЭВМ по ее функциональному назначению.

Широкое распространение «дистрибьюторских» лицензионных отношений обусловлено тем, что распространение программ для ЭВМ осуществляется, как правило, не самими правообладателями программ для ЭВМ, а

управомоченными ими лицами (дистрибьюторами и (или) дилерами), с которыми правообладатели заключают лицензионный договор о предоставлении им права использования программы для ЭВМ посредством ее воспроизведения и (или) распространения. Направленность соответствующих отношений заключается в осуществлении субъектами на свой риск деятельности в целях систематического извлечения прибыли, т. е. в полной мере охватывается их предпринимательской деятельностью[179], чем обусловлено распространение на соответствующие отношения правил об обязательствах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. В частности, одностороннее изменение условий обязательства, связанного с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности или односторонний отказ от исполнения этого обязательства допускается в случаях, предусмотренных не только правовыми актами, но и договором[180]. Соответствующее право может быть обусловлено по соглашению сторон необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне обязательства[181].

Следует также отметить, что, если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. К таким обстоятельствам не относятся, в частности, нарушение обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствие на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствие у должника необходимых денежных средств[182].

В этой связи невозможность исполнения лицензиаром обязанности по поставке экземпляров программы для ЭВМ или предоставлению соответствующих лицензий, обусловленная неисполнением его контрагентом

---

[179] Абзац третий пункта 1 статьи 2 ГК РФ.
[180] Абзац первый пункта 2 статьи 310 ГК РФ.
[181] Пункт 2 статьи 310 ГК РФ.
[182] Пункт 3 статьи 410 ГК РФ.

(вендором, являющимся правообладателем иностранного программного продукта), в том числе по независящим от лицензиара причинам, не освобождает лицензиара от ответственности перед лицензиатом[183]. Аналогичное правило применимо и к ситуациям привлечения лицензиата к ответственности перед вендором за нарушение его исключительного права на программу на том основании, что у самого лицензиара не было права на заключение сублицензионного договора.

Правовая регламентация обозначенной группы исследуемых лицензионных отношений подобным образом обусловлена профессиональным статусом их субъектов, предполагающим принятие последними связанных с осуществлением их деятельности рисков. Одновременно при этом следует отметить, что аналогичные правила об обязательствах могут быть применимы и ко второй группе исследуемых лицензионных отношений, связанных с непосредственным использованием программы для ЭВМ по функциональному назначению. В данном случае речь идет о субъектах-предпринимателях, целью которых является использование программы для ЭВМ по функциональному назначению в рамках своей хозяйственной деятельности с учетом того, что в данном случае обязательство хоть и косвенно, но все же связано с осуществлением такими субъектами предпринимательской деятельности[184].

Таким образом, среди «пользовательских» лицензионных отношений, конечной целью которых является использование программы для ЭВМ по ее функциональному назначению, следует разграничивать отношения, возникающие в связи с заключением договора между субъектами-предпринимателями («предпринимательские» отношения) и отношения, возникающие в связи с заключением договора, лицензиатом (пользователем) по которому является физическое лицо («потребительские» отношения). В первом случае, как это уже

---

[183] См., например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.07.2024 N С01-1219/2024 по делу N А40-171761/2023 // СПС «СПС Консультант Плюс» (дата обращения: 19.05.2024).

[184] Принимая во внимание, что в таком случае программа для ЭВМ используется в целях оптимизации различных бизнес-процессов субъекта-предпринимателя, осуществляемых в рамках его хозяйственной (предпринимательской) деятельности, конечной целью которой является систематическое извлечение прибыли, в том числе с использованием в качестве инструментов соответствующих программ для ЭВМ.

было отмечено ранее, есть основания для распространения на соответствующие отношения норм об обязательствах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности применительно к обоим субъектам лицензионных отношений, а во втором – лишь применительно к лицензиату. Отдельно следует отметить, что во второй ситуации право одностороннего изменения условий обязательства или одностороннего отказа от его исполнения может быть предоставлено лишь субъекту физическому лицу[185].

Как было обозначено выше, распространение программ для ЭВМ осуществляется, как правило, не самими правообладателями, а управомоченными ими лицами (дистрибьюторами и (или) дилерами). Обозначенные лица могут выступать в качестве посредников, не вступая с лицензиатом в лицензионные отношения, а лишь предоставляя последнему необходимую для получения доступа к функционалу программы информацию (лицензионные ключи)[186], либо вступать в сложные (многоструктурные) лицензионные отношения посредством заключения сублицензионного договора и, соответственно, отвечать перед лицензиатом за фактическое предоставление права использования программы. Наконец, соответствующие лица могут поставлять собственно экземпляры программы для ЭВМ посредством заключения договора купли-продажи и, соответственно, отвечать перед приобретателем лишь за качество поставленного товара.

В случае с передачей информации, необходимой для получения доступа к функционалу программы для ЭВМ (лицензионные ключи) либо поставки экземпляра программы для ЭВМ, лицензиат вступает в прямые лицензионные отношения с правообладателем в связи с заключением с ним в упрощенном порядке лицензионного договора. Соответствующий договор заключается посредством принятия пользователем сформулированных правообладателем

---

[185] Абзац второй пункта 2 статьи 310 ГК РФ.

[186] Б.Е. Семенюта охарактеризовал их как отношения, возникающие в связи с заключением договора информационных услуг, являющегося акцессорным по отношению к лицензионному договору. Предметом договора информационных услуг является передача пользователю информации – кода доступа (Семенюта Б.Е. Гражданско-правовые договоры о предоставлении права использования программы для ЭВМ: дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 99).

в одностороннем порядке условий использования программы, которые в деловой практике получили название «EULA» («End User License Agreement», в переводе с английского языка – «лицензионное соглашение с конечным пользователем», или «пользовательское соглашение»). Вопрос о правовой природе пользовательского соглашения, его особенностях и подлежащих применению к нему правовых нормах заслуживает отдельного внимания, в связи с чем подробнее остановимся на данном аспекте.

Условия пользовательского соглашения, представляющие собой до их принятия конечным пользователем программы, по сути, оферту на заключение договора, представляются конечному пользователю для ознакомления при запуске программы, а в случае с отношениями, построенными по модели удаленного доступа, соответствующие условия размещаются на сайте, через который осуществляется подключение к функционалу программы для ЭВМ. Присоединение пользователя к условиям пользовательского соглашения посредством совершения определенного его условиями конклюдентного действия означает согласие пользователя с условиями использования программы, является акцептом оферты и влечет за собой юридический факт – заключение договора, и, соответственно, пользователь становится участником лицензионного отношения. В таком случае пользователь, являющийся одновременно владельцем экземпляра программы для ЭВМ, помимо предусмотренного статьей 1280 ГК РФ объема прав, становится обладателем имущественного права по использованию программы в пределах, установленных условиями пользовательского соглашения.

Отличие лицензионного соглашения с конечным пользователем от обычного лицензионного договора прямо следует из его названия, т. е. это лицензионный договор, который заключается с лицом, самостоятельно использующим программу по ее функциональному назначению (конечным пользователем). Еще одной особенностью пользовательского соглашения является то, что оно предоставляет конечному пользователю достаточно широкие возможности для дальнейшего использования программы (зачастую пользовательское соглашение предусматривает возможность пользователя

получать от лицензиара обновления программы, прав на которые у пользователя нет по умолчанию согласно статье 1280 ГК РФ).

Тем не менее, сегодня все чаще в юридической доктрине можно встретить кардинально противоположный подход к назначению (цели) пользовательского соглашения. В качестве такового зачастую определяют не предоставление прав пользователю, а защиту прав и законных интересов правообладателя[187], (или установление для пользователя определенных запретов под угрозой применения штрафных санкций[188]). Так, профессор школы права Нью-Йоркского университета Флоренсия Маротта-Вурглер по результатам исследования существенного количества текстов пользовательских соглашений (647) приходит к выводу о том, что подавляющее большинство контрактов в большей степени ориентированы на продавца[189]. Рене Змурчик также отмечает, что подобного рода соглашения существенно ограничивают одну сторону (пользователя), оставляя свободной другую сторону (правообладателя), в результате чего права пользователя сужаются, а его действия существенно ограничиваются[190]. Н.Ю. Мочёнов обращает внимание, что в данном случае пользователь не имеет возможности согласовать с правообладателем условия договора, и либо отвергает их полностью, отказываясь от приобретения экземпляра компьютерной программы, либо полностью принимает, зачастую соглашаясь с сокращением или нарушением своих прав или с отсутствием ответственности правообладателя в случае причинения программой ущерба[191].

С учетом абзаца второго пункта 5 статьи 1286 ГК РФ пользовательское соглашение представляет собой договор присоединения, с условиями которого пользователь может ознакомиться до момента начала использования программы. То есть в данном случае у пользователя программы нет возможности участвовать

---

[187] Todewale P. Key contractual provisions of an end user license agreement // Indian Journal of Law and Legal Research. 2022. Vol. 4 Iss. 3. P. 1728.

[188] Gallegos J. A new role for tortious interference in the digital age: a model to enforce end user license agreements // Florida State University Law Review. 2011. Vol. 38 Num. 2. P. 421.

[189] Marotta-Wurgler F. What's in a Standard Form Contract? An Empirical Analysis of Software License Agreements // Journal of Empirical Legal Studies. 2007. Vol. 4 Iss. 4. P. 713.

[190] Zmurchyk R. Contractual Validity of End User License Agreements // Appeal review of current law and law reform. 2006. Vol. 11 Num. 1. P. 74.

[191] Мочёнов Н.Ю. Правовая охрана программ для ЭВМ: дис … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 82.

в согласовании условий такого договора, тем не менее, ему должна быть предоставлена возможность с ними ознакомиться до совершения конклюдентных действий по их принятию.

Условия использования программы могут быть предоставлены лицензиату для ознакомления, в частности, следующими способами: 1) путем размещения правообладателем программного продукта условий использования на собственном сайте; 2) путем размещения правообладателем программного продукта условий использования внутри экземпляра программы таким способом, чтобы перед началом использования программы (перед его установкой) на экран устройства пользователя были выведены сами условия или источник, где с такими условиями пользователь сможет ознакомиться; 3) путем размещения правообладателем программного продукта условий использования на упаковке экземпляра программы. Последний способ видится наиболее неудобным, поскольку размещение полного текста лицензионного соглашения с конечным пользователем на упаковке экземпляра программы не представляется возможным. Наиболее целесообразным видится размещение на упаковке экземпляра программы лишь ссылки на сайт правообладателя, где пользователь может подробнее ознакомиться с условиями использования программного продукта. Размещение условий использования внутри экземпляра программы (дистрибутива) в соответствии с позициями судом соответствует общепринятой практике[192]. Между тем такое размещение вызывает определенные вопросы о его правомерности[193].

Особый интерес вызывают пользовательские соглашения, заключаемые с лицензиатом физическим лицом, использующим программу для личных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности («потребительские» лицензионные отношения). В частности, в судебной практике

---

[192] См., например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.04.2023 N С01-562/2023 по делу N А40-50027/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

[193] В таком случае пользователь может ознакомиться с условиями использования лишь после приобретения экземпляра программы, и в случае если пользователь при инсталляции программы приходит к выводу о том, что он не готов приять те или иные условия, то он несет убытки в виде стоимости экземпляра программы, которой пользоваться он не намерен.

затрагивались вопросы о применимости к «потребительским» лицензионным отношениям норм ГК РФ о публичном договоре (статья 426 ГК РФ) и законодательства о защите прав потребителей.

В рамках одного из таких судебных дел, гражданин обратился в суд с иском к ООО «ЯндексТакси» о заключении с ним публичного договора, которым гражданин считал условия использования сервиса «ЯндексТакси», размещенные на сайте правообладателя сервиса (EULA), и о взыскании компенсации морального вреда. Поводом обращения гражданина с таким иском стало прекращение его доступа к сервису (блокировка). Суды констатировали, что заключенный договор не является публичным, поскольку между сторонами возникли правоотношения по поводу бесплатного использования объекта интеллектуальных прав – сервиса «ЯндексТакси», а не по поводу оказания услуг по перевозке пассажира. Данное обстоятельство стало основанием для отказа в удовлетворении исковых требований гражданина.[194]. Таким образом, суд подчеркнул, что для отношений, складывающихся по поводу использования программы как результата интеллектуальной деятельности, не характерна такая юридическая конструкция как публичная оферта, применимая в иного рода отношениях, складывающихся по поводу оказания услуг, а требования гражданина были связаны именно с программой как результатом интеллектуальной деятельности, а не услугами ответчика. В другом споре с тем же ответчиком при аналогичных фактических обстоятельствах судами было дополнительно отмечено, что в ситуации, когда сервис предоставляется на безвозмездных условиях, ответчик не может считаться исполнителем по смыслу закона «О защите прав потребителей», а договор по оказанию безвозмездных информационных услуг не может считаться публичным[195].

Представляется, что вывод о возмездности лицензионного договора не должен быть определяющим при квалификации договора в качестве публичного.

---

[194] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2022 N 88-22897/2022 по делу N 2-2643/2022 СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2024).

[195] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2022 N 88-1988/2022 по делу 2-882/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2024).

Такой довод, безусловно, может быть дополнительным обоснованием, однако ключевым должен оставаться сам характер отношений сторон и, главное, – объекта таких правоотношений. При этом участие в таких отношениях потребителя как лица, использующего программу, также не является существенным для распространения на такие отношения как норм о публичном договоре, так и законодательства в сфере защиты прав потребителей. Таким образом, лицензионное соглашение с конечным пользователем, исходя из норм действующего законодательства и с учетом актуальной судебной практики, представляет собой именно договор присоединения, а не публичный договор.

Правильная правовая квалификация лицензионного соглашения с конечным пользователем действительно имеет важное значение, поскольку разница между договором присоединения и публичным договором весьма существенна. Публичный договор предполагает для оферента дополнительные обязательства, которые установлены императивными нормами закона: 1) стоимость товаров (услуг) должна быть одинаковой для всех, предоставление каких-либо преимуществ (льгот) конкретным категория потребителей допускается лишь в случаях, прямо предусмотренных законом или иными правовыми актами, а условия, несоответствующие данному правилу, признаются ничтожными[196]; 2) по общему правилу, не допускается отказ оферента в заключении с любым желающим лицом публичного договора при наличии возможности продать такому лицу соответствующие товары, оказать услуги или выполнить работы[197]; 3) запрещается включение в публичный договор условий, противоречащих установленным Правительством Российской Федерации или его уполномоченными органами правил торговли определенными видами товаров, оказания определенных видов услуг, которые в силу прямого указания закона являются ничтожными[198].

Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что такие договорные конструкции, как публичный договор и договор присоединения,

[196] Пункты 2 и 5 статьи 426 ГК РФ.
[197] Пункт 3 статьи 426 ГК РФ.
[198] Пункты 4 и 5 статьи 426 ГК РФ.

предполагают собой частные случаи ограничения принципа свободы договора[199]. При этом указанные ограничения раскрываются по-разному. Публичный договор предполагает два уровня ограничений: 1) ограничения, связанные с невозможностью акцептанта участвовать в согласовании условий публичного договора; 2) ограничения, связанные с невозможностью оферента определять круг акцептантов и устанавливать для одних акцептантов какие-либо преимущества перед другими акцептантами. Второе ограничение в большей степени обусловлено тем, что акцептантами публичной оферты являются потребители, традиционно являющиеся слабой стороной, и в связи с этим законодатель в целях обеспечения баланса прав и законных интересов устанавливает дополнительные гарантии защиты прав и законных интересов такой группы субъектов. Договор присоединения, в отличие от публичного договора, имеет лишь ограничения, связанные с невозможностью акцептанта участвовать в согласовании условий договора, вместе с тем оферент не ограничен в определении круга акцептантов и установлении каких-либо преимуществ для одних акцептантов перед другими. Общим правилом как для публичного, так и для договора присоединения является правило о том, что условия таких договоров не должны противоречить императивным нормам закона под угрозой их недействительности[200].

В рамках другого судебного дела гражданин обратился в суд с иском к ООО «Твил Софт» о возврате уплаченного лицензионного вознаграждения за право использования системы онлайн бронирования. Мировым судом в удовлетворении заявленного требования было отказано на том основании, что поступившие от истца ответчику ООО «Твил Софт» денежные средства являются лицензионным вознаграждением (комиссией) за право использования системы онлайн бронирования. Сумма лицензионного вознаграждения является одноразовым платежом, взимаемым за каждый факт использования системы онлайн бронирования, а отношения сторон регулируются положениями статьи

---

[199] Постановление Конституционного Суда РФ от 03.04.2023 N 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).
[200] Статьи 168 и 422 ГК РФ.

1286 ГК РФ. Второй кассационный суд общей юрисдикции с указанными выводами не согласился, отметив при этом, что, предлагая потребителю оплатить именно бронирование жилья, но фактически взимая плату как оплату за право использования системы онлайн бронирования, ответчик, включая в условия договора то, что данные денежные средства не подлежат возврату, ущемляет права потребителя. На основании пункта 1 статьи 782 ГК РФ и статьи 32 Закона о защите прав потребителей (предполагающих право потребителя как заказчика отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг, компенсировав исполнителю фактические расходы) принятые по делу судебные акты были отменены, а дело было направлено на новое рассмотрение[201].

Таким образом, по общему правилу, «пользовательские» лицензионные отношения, субъектом которых является физическое лицо, возникают в связи с заключением лицензионного договора и, как следствие, регулируются положениями четвертой части ГК РФ. В случае квалификации сложившихся отношений в качестве договора оказания услуг соответствующие отношения будут регулироваться в том числе положениями законодательства о защите прав потребителей.

§ 2.3. Лицензионные отношения по распоряжению исключительным правом на «свободные» программы для ЭВМ

В зависимости от степени установленных правообладателем ограничений при использовании программы для ЭВМ исследуемые лицензионные отношения могут быть подразделены на отношения по поводу проприетарных программ для ЭВМ (в том числе ранее рассмотренная «оберточная» лицензия, предполагающая возможность использования программы для ЭВМ в пределах, предусмотренных лицензионным договором с конечным пользователем) и отношения по предоставлению свободных лицензий.

---

[201] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.03.2025 N 88-5390/2025 по делу N 88-5390/2025// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2025).

Открытая лицензия, имплементированная в российское законодательство Федеральным законом от 12.03.2014 N 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», регламентировала возможность правообладателя предоставить широкому кругу лиц возможность использовать программу для ЭВМ в максимально свободной степени по типу свободной лицензии Creative Commons[202], давно используемой в зарубежных правопорядках.

Е.А. Войниканис раскрывая суть лицензий Creative Commons, отметила, что: «Правовой подход лицензирования по системе Creative Commons выражается формулой перехода от принципа «все права защищены» к принципу «некоторые права защищены», которая указывает на промежуточное положение лицензий Creative Commons между классическим авторским правом, обеспечивающим полную защиту произведения, и сферой общественного достояния, позволяющей использовать произведения свободно»[203].

Суть свободных лицензий доступно отражена А.И. Савельевым: «Обычный лицензионный договор делает акцент на праве лицензиара «исключать» возможность третьих лиц использовать объект интеллектуальной собственности. «Свободная» лицензия, наоборот, предоставляет право использования такого результата как можно большему числу пользователей»[204].

Л.В. Щербачева отметила, что «Разработка и использование свободного программного обеспечения («free software», далее — СПО) тесно связаны с применение так называемых «свободных» лицензий. При этом СПО следует отличать от открытого программного обеспечения («open source software»)

---

[202] Creative Commons (или свободные лицензии) Р.И. Ситдикова определяет как несколько видов лицензий со стандартными условиями, предоставляющими право любому обратившемуся использовать произведение указанными в договоре способами бесплатно или условно бесплатно (Ситдикова Р. И. Гражданско-правовые договоры о распоряжении исключительными правами // Наука и образование: проблемы и перспективы : Материалы ежегодной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 25-летию Университета управления «ТИСБИ», Казань, 02 декабря 2016 года. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2016. С. 324).

[203] Войниканис Е.А. Правовые аспекты лицензий Creative Commons // Законодательство. 2010. № 8. С. 39-40.

[204] Савельев А.И. Свободные лицензии на программное обеспечение в контексте реформы гражданского законодательства // Вестник гражданского права. 2012. № 4. С. 16.

или программного обеспечения с открытым кодом»[205], т. е. автор также как и А.Ж. Жаркова, выделяет программное обеспечение с открытым кодом в отдельную группу, что представляется абсолютно верным, поскольку программное обеспечение с открытым кодом имеет существенные отличия.

Первоначально необходимо установить соотношение понятий «свободная лицензия» и «открытая лицензия». Термин «свободная лицензия» тесно связан с термином «свободная программа» («free software») который относительно недавно получил в Российской Федерации свое легальное определение на уровне подзаконных нормативных актов[206].

«Свободная программа» – это программа для ЭВМ, распространяемая на условиях простой (неисключительной) лицензии, которая позволяет пользователю на безвозмездной основе следующее:

– использовать программу в любых не запрещенных законом целях;

– изучать исходные тексты (коды) программы;

– дорабатывать программу;

– распространять программу и ее производные в любой форме и любыми способами[207].

Таким образом, в соответствии с приказом Минцифры России свободной является программа для ЭВМ с открытым кодом, вместе с тем программа с закрытым кодом в указанном источнике определяется как проприетарная[208]. В этой связи представляется возможным выделить лицензии для программного

---

[205] Щербачева Л.В. Применение «свободных» лицензий в программном обеспечении // Государственная служба и кадры. 2014. № 4. С. 47.

[206] Ранее в доктрине отмечалось, что свободное программное обеспечение существует вне зоны правового регулирования, т. е. оно не противоречит нормативной базе по охране компьютерных программ, но при этом и не находит в ней должного отражения (см. Быков С.Н. Система гражданско-правовых средств охраны компьютерных программ: дис … канд. юрид. наук. М., 2013. С. 127).

[207] См. приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 19.08.2015 № 305 «Об утверждении Методических рекомендаций по использованию свободного программного обеспечения в деятельности федеральных органов исполнительной власти, включая критерии определения государственных информационных систем, при создании которых необходимо использовать свободное программное обеспечение, в том числе государственных информационных систем, предназначенных для оказания государственных и муниципальных услуг в электронном виде» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

[208] См. приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 19.08.2015 № 305 «Об утверждении Методических рекомендаций по использованию свободного программного обеспечения в деятельности федеральных органов исполнительной власти, включая критерии определения государственных информационных систем, при создании которых необходимо использовать свободное программное обеспечение, в том числе государственных информационных систем, предназначенных для оказания государственных и муниципальных услуг в электронном виде» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

обеспечения с открытым исходным кодом («open source») и лицензии для программного обеспечения с закрытым исходным кодом (проприетарные).

Итальянский профессор Елена Маджио отмечает, что в случае с программным обеспечением с открытым исходным кодом большее значение придается возможности обмена знаниями, а не их защите, что предполагает отказ от авторских прав во имя основной заинтересованности в обмене знаниями и поддержке сотрудничества между авторами. При этом доступ к исходному коду и возможность скомпилировать программу представляют собой необходимые предпосылки, позволяющие сообществу извлекать выгоду из свободного распространения новых работ[209].

Профессор школы права Питтсбургского университета Майкл Мэдисон отметил, что модель «открытого» (или общего) исходного кода резко контрастирует с традиционной моделью «закрытого» (или скрытого) исходного кода на одном уровне, но принимает ту же самую базовую правовую структуру. В первой программа предназначена для распределения и совместного использования среди всех ее производителей и потребителей, а в последней – для контроля исходным производителем. Однако лицензия на программное обеспечение, будь то с открытым или закрытым исходным кодом, является кратким заявлением об объеме законного поведения пользователя или потребителя этого программного обеспечения, а потому модель с открытым исходным кодом – это в конечном счете специализированное применение обычной лицензии на программное обеспечение общего назначения [210].

М.Ю. Кузьменков, выделив открытые лицензии с открытым исходным кодом в отдельную группу, обозначил виды таких лицензий и акцентировал внимание на их ключевые особенности. К таким лицензиям автор относит General Public License (GPL) (стандартная общественная лицензия), MIT, Berkeley Source Distribution (BSD) и Apache License. Общим для них является то, что все

---

[209] Maggio E. Access to cloud distribution platforms and software safety // European Competition Law Review. 2017. № 38 (12). PP. 547 – 554.

[210] Madison M.J. Reconstructing the Software License // Loyola University Chicago Law Journal. 2003. Vol. 35 Iss. 1. PP. 285 – 287.

они предполагают возможность использования программы для ЭВМ как для коммерческих, так и для личных целей при условии, что пользователем лицензии указан конкретный вид лицензии, под которым распространяется первоначальная программа. Ключевое отличие заключается в особенностях распространения программы пользователем. Так, например, в случае с GPL дальнейшее распространение программы допускается лишь на условиях, аналогичных GPL, при этом в случае с Apache аналогичного требования нет, что предполагает возможность дальнейшего распространения на любых условиях[211].

Понятие свободной программы, сформулированное в приказе Минцифры России, в большей своей части коррелирует с тем понятием, которое было изначально сформулировано создателями свободных лицензий и в последующем транслировалось организациями в сфере программ. Так, Фондом свободного программного обеспечения[212] для определения свободной программы было сформулировано четыре критерия (четыре «свободы программы»), которые позволяют определять программу в качестве таковой:

1. Свобода выполнять программу как вам угодно в любых целях (свобода 0);

2. Свобода изучать работу программы и модифицировать программу, чтобы она выполняла ваши вычисления, как вы пожелаете (свобода 1). Это предполагает доступ к исходному тексту;

3. Свобода передавать копии, чтобы помочь другим (свобода 2);

4. Свобода передавать копии своих измененных версий другим (свобода 3). Этим вы можете дать всему сообществу возможность получать выгоду от ваших изменений. Это предполагает доступ к исходному тексту[213].

---

[211] Кузьменков М.Ю. Лицензионные соглашения, используемые при распространении программных пакетов машинного обучения // «Актуальные проблемы российского права». 2023. № 11. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.04.2024).

[212] Некоммерческая организация, задачей которой является содействие свободе пользователей компьютеров по всему миру.

[213] См. сайт операционной системы GNU. Режим доступа: https://www.gnu.org/philosophy/free-sw.html (дата обращения: 01.05.2024).

По мнению основателя Фонда свободного программного обеспечения Ричарда Столмана, только программное обеспечение, обладающее совокупностью указанных выше качеств, может являться свободным[214].

Таким образом, можно сказать, что в соответствии с действующим законодательством и, что еще важнее, в соответствии с философией программ транслируемой создателями свободных лицензий, свободной может являться только программа с открытым исходным кодом (open-source)[215], а потому не каждая программа, предоставляемая на условиях открытой лицензии, является свободной. На данное обстоятельство обращалось внимание и в трудах отечественных учёных.

По мнению А.В. Колокольцевой, введенные в ГК РФ конструкции[216] не являются свободными лицензиями по ряду причин, основной из которых является различие в правовой природе этих явлений. Так, автор отмечает, что «свободная лицензия представляет собой совокупность условий лицензионного соглашения, которые дают пользователю право использовать исходное произведение в разрешенных рамках без получения прямого согласия автора (лицензия предполагает, что автор уже дал свое согласие)»[217]. В то же время содержание «публичного заявления автора», по мнению А.В. Колокольцевой, приближено по значению к оферте на заключение договора[218].

В.Б. Нагродская также отметила, что свободная и открытая лицензии являются схожими, но не равнозначными понятиями. По мнению В.Б. Нагродской, основные отличия открытой лицензии касаются формальных характеристик, однако общая цель свободной и открытой лицензий одинаковая[219].

---

[214] Stallman R. Free Software, Free Society: Selected Essays of Richard M. Stallman. Boston, MA USA. 2022. P. 43.

[215] Однако и из программ с открытым кодом множество программ не являются абсолютно свободными в том смысле, который закладывается IT- сообществом.

[216] А именно – открытая лицензия (статья 1286.1 ГК РФ) и публичное заявление о предоставлении любым лицам возможности безвозмездно использовать принадлежащее ему произведение пункт (пункт 5 статьи 1233 ГК РФ)

[217] Колокольцева А.В. Свободные лицензии «creative commons» и открытые лицензии по законодательству РФ // Высокие технологии и инновации в науке: сборник избранных статей Международной научной конференции. Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие». 2020. С. 144.

[218] Там же.

[219] Нагродская В.Б. Открытая лицензия как способ распоряжения исключительным правом на произведение науки, литературы и искусства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. С. 67.

Л.А. Текеева также считает, что понятия «свободная» и «открытая» лицензия не являются синонимичными. К такому выводу Л.А. Текеева приходит, исходя из разных классификационных критериев данных понятий: если «свободная» лицензия характеризуется требованиями к условиям (содержанию) договора, то «открытая» лицензия характеризуется требованиями к порядку заключения (форме) договора[220]. По этой причине Л.А. Текеева сравнение открытых и свободных лицензий считает некорректным.

С подходом Л.А. Текеевой можно согласиться отчасти. Действительно, сформулированные законодателем требования к открытой лицензии в большей степени относятся к форме ее предоставления, т. е. открытая лицензия, в первую очередь, представляет собой упрощенную форму заключения договора. Вместе с тем открытая лицензия, в отличие от свободной, не содержит на уровне философии программ каких-либо минимальных свобод, которые должны быть предоставлены лицензиату, а потому правообладатель при предоставлении открытой лицензии максимально свободен при определении предоставляемых прав, в отличие от свободной лицензии.

Констатируем, что термины «свободная» лицензия и «открытая» лицензия применительно к программам для ЭВМ не являются синонимичными. В первый закладывается смысл такой лицензии, которая всегда предполагает доступ лицензиата к исходному коду программы для ЭВМ, чего может не быть в случае с предоставлением открытой лицензии. Вместе с тем зачастую обозначенные термины в отечественной доктрине употребляются как синонимичные. В дальнейшем по тексту настоящей работы речь пойдет в большей степени именно об открытых лицензиях.

Открытым лицензиям было посвящено немалое количество трудов отечественных учёных, и вместе с тем наибольшее количество дискуссий возникает по вопросу правовой природы открытых лицензий.

---

[220] Текеева А.В. Открытые лицензии в праве интеллектуальной собственности: дис. .. канд. юрид. наук. М., 2018. С. 67.

И.А. Близнец отметил, что говорить о существовании единого понятия «открытая лицензия» проблематично, поскольку это разнообразный набор постоянно меняющихся стандартных условий, формируемых физическими или юридическими лицами в различных правовых системах[221].

А.И. Савельев также отмечал, что отсутствие четкого определения открытой лицензии приводит к существенной неопределенности ее правового режима[222]. А.И. Савельевым проводится сравнительный анализ открытой лицензии с иными лицензионными договорами, заключаемыми в упрощенном порядке (в частности, «оберточной» лицензией). По результатам соответствующего анализа автор приходит к выводу о том, что квалифицирующими признаками открытой лицензии являются предоставление широкого объема прав лицензиату, нехарактерного для коммерческих лицензий, как правило, всеми возможными способами, в числе которых обязательно присутствует право на модификацию (содержательный признак); в качестве лицензиата может выступать любое лицо на недискриминационной основе (особенность субъектного состава); открытая лицензия может быть заключена только посредством сети Интернет на стандартизированных и общедоступных условиях (процедурный признак). Лишь совокупность данных признаков, по мнению автора, позволяют ограничить открытую лицензию от проприетарных лицензий[223].

По мнению Е.А. Свиридовой, открытая лицензия представляет собой «правомерное действие автора или правообладателя по предоставлению упрощенного доступа к использованию произведения науки, литературы или искусства в установленных пределах с сохранением права выдачи такой же лицензии другим лицам»[224].

---

[221] Близнец И.А. Внедрение свободных лицензий: правовая или организационная проблема? // Копирайт. 2011. № 2. С. 62.

[222] Савельев А.И. Лицензирование программного обеспечения в России: законодательство и практика: Науч. изд. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 50.

[223] Савельев А.И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М.: Статут, 2024. С. 573-574.

[224] Свиридова Е.А. Открытая лицензия как правомерное действие правообладателя по установлению пределов свободного использования произведения // Новый юридический журнал. 2014. № 4. С. 61.

Согласно позиции Э.П. Гаврилова: «…открытая лицензия фактически представляет собой отказ от исключительного (имущественного) авторского права: либо частичный (на ограниченный срок и на ограниченной территории), либо полный, но с сохранением личных неимущественных прав»[225].

С подобным подходом обоснованно не соглашается Л.А. Текеева, по мнению которой «При отказе от имущественных прав на объекты интеллектуальных прав и самоограничении права в виде совершения сделки одностороннего характера имеет место не предоставление свободной или открытой лицензии, а иные юридические конструкции, предоставляющие возможность распоряжения принадлежащим правом без заключения договора»[226].

Достаточно лаконично отразил суть открытой лицензии И.А. Соболь, охарактеризовав ее как «…добровольный акт правообладателя по выработке и доведению до всеобщего сведения предложения (оферты) об установлении обременения принадлежащего ему исключительного авторского права в пределах и на условиях, определяемых по его усмотрению, с предоставлением заранее не определенному кругу лиц права акцепта предложения»[227].

В.Б. Нагродская, проанализировав разные подходы к открытым лицензиям, приходит к выводу о том, что предоставление права использования на основании открытой лицензии осуществляется в контексте реализации правомочия правообладателя по использованию произведения любым способом. Волевые действия субъекта, по мнению В.Б. Нагродской, не связаны с переводом произведения в режим общественного достояния, поскольку исключительное право на произведение не прекращается[228].

Е.Ю. Смирнова отмечает, что посредством «свободной» лицензии лицензиар предоставляет (а не отказывается) право, а пользователь (лицензиат) его принимает и использует. Отказ же от права указанных правовых последствий

---

[225] Гаврилов Э.П. Право на интеллектуальную собственность: новеллы, внесенные Федеральным Законом от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ в главу 70 ГК РФ // Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. М.: «Юрсервитум», 2016. С. 195.
[226] Текеева А.В. Указ. соч. С. 65.
[227] Соболь И.А. К вопросу о понятии свободной (открытой) лицензии в авторском праве России // Право и экономика. 2014. № 4 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).
[228] Нагродская В.Б. Указ.соч. С. 42.

не предполагает[229]. Аналогичного подхода придерживается и А.Ю. Чурилов, по мнению которого «…предоставление свободной лицензии на программу для ЭВМ не означает, что автор отказывается от исключительного права на произведение, а лишь предоставляет неопределенному кругу лиц право использования программы, а также создания производных произведений»[230].

Вероятно, А.Ю. Чурилов имел в виду не предоставление неопределенному кругу лиц права использования программы, а оферту на такое предоставление, поскольку открытая лицензия по умолчанию не предоставляет права неограниченному кругу лиц, а лишь является офертой на предоставление таких прав. Права считаются предоставленными только после акцепта такой оферты и предоставления прав лишь тем лицам, которые согласились с ее условиями.

В объем правомочий обладателя открытой лицензии может входить в том числе право использования произведения для создания нового результата интеллектуальной деятельности[231]. Использование результата интеллектуальной деятельности, созданного на основе результата интеллектуальной деятельности, предоставленного по открытой лицензии, должно осуществляться в пределах открытой лицензии, выход за которые является основанием для отказа лицензиара от договора[232] (пункт 2 статьи 450.1 ГК РФ). Подобное требование получило название механизма копилефта (copyleft), о котором писали многие авторы[233].

М.Ю. Кузьменков в своей работе отдельно выделил лицензии для программного обеспечения с открытым исходным кодом, отметив при этом, что все такие лицензии, как правило, делят на два типа: разрешительные и copyleft, при этом термин «copyleft» происходит от известного термина «copyright», но имеет противоположное значение. Так, термин «copyright» используют для обозначения ограничения распространения программного

---

[229] Смирнова Е.Ю. Открытая лицензия как форма распоряжения исключительным правом на программу для ЭВМ с открытым исходным текстом: дис. .. канд. юрид. наук. М., 2015. С. 166.
[230] Чурилов А.Ю. Особенности распространения программ для ЭВМ на условиях открытых лицензий и лицензий программ с открытым исходным кодом // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 3. С. 49.
[231] Абзац второй пункта 2 статьи 1286.1 ГК РФ.
[232] Пункт 4 статьи 1286.1 ГК РФ.
[233] См., например, Чурилов А.Ю. Указ. соч. С. 52.

обеспечения, при этом термин «copyleft», наоборот, обозначает, что дальнейшее распространение продукта разрешено под этой же лицензией[234].

Примечательно, что некоторые авторы берут механизм copyleft[235] за основу классификации свободных лицензий по критерию объема предоставляемой свободы действий при создании и распространении программы и производных произведений как это сделал, например, А.Ю. Чурилов, который выделил 3 разновидности свободных лицензий:

1. Лицензия с сильным копилефтом (strong copyleft), которая предполагает существенное ограничение свободы программы в том смысле, что любые производные программы должны распространяться на условиях лицензии с сильным копилефтом;

2. Лицензия со слабым копилефтом (weak copyleft), которая предполагает аналогичные условия лицензии для производных произведений, а для непроизводных работ и «связанных» работ могут устанавливаться и иные лицензионные условия;

3. Лицензия без копилефта (no copyleft) или дозволительная лицензия (permissive license), которая разрешает использование произведения любым способом и свободное создание производных произведений[236].

Таким образом, говорить о том, что открытая лицензия представляет собой ограничение прав лицензиара, в корне не верно. Напротив, открытая лицензия в большей степени защищает интересы правообладателя, в том числе от неправомерного использования любых результатов интеллектуальной деятельности, созданных на основе результата интеллектуальной деятельности лица, предоставившего открытую лицензию. В действительности открытая лицензия представляет собой еще одну форму заключения лицензионного

---

[234] Кузьменков М.Ю. Лицензионные соглашения, используемые при распространении программных пакетов машинного обучения // «Актуальные проблемы российского права». 2023. № 11 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.04.2024).

[235] Copyleft (или, как его еще называют «авторское лево») представляет собой тип лицензирования, который позволяет пользователям свободно использовать, изменять и распространять программное обеспечение при условии, что все измененные версии программы также лицензированы на тех же условиях (см., например, Головин К. С. Особенности правового режима программ для ЭВМ в сети Интернет, работающих по свободной лицензии GPL // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 112).

[236] Чурилов А.Ю. Указ. соч. С. 52.

договора в упрощенном порядке (помимо ранее рассмотренной «оберточной» лицензии).

В большей степени ограничения исключительного права содержатся в иной форме распоряжения им – публичное заявление правообладателя о предоставлении любым лицам возможности использовать принадлежащее ему произведение или объект смежных прав на определенных условиях (пункт 5 статьи 1233 ГК РФ), которое в доктрине определяют в качестве одностороннего отказа от осуществления исключительного права на срок посредством фактических действий как бездоговорного способа распоряжения исключительным правом[237]. В частности, такое распоряжение предполагает отсутствие предоставленных на аналогичные способы исключительных лицензий и автоматическое прекращение возмездных неисключительных лицензий, при этом в случае возникновения убытков на стороне лицензиата правообладатель должен их возместить (абзац седьмой пункта 5 статьи 1233 ГК РФ). Кроме того, такая конструкция, в отличие от открытой лицензии, всегда является безвозмездной. При этом правовая природа публичного заявления представляет еще больший интерес и вызывает еще больше дискуссий.

По мнению А.П. Сергеева «…при публичном заявлении правообладатель по своей воле отказывается от монополии по отношению к произведению или объекту смежных прав, превращая их во всеобщее достояние»[238].

Между тем В.О. Калятин отмечал, что «…такой способ распоряжения исключительным правом, как публичное распоряжение, предназначен, прежде всего, для правообладателей, желающих предоставить возможность свободного использования произведения, но полностью не готовых отказаться от исключительного права»[239].

---

[237] Щербак Н.В. Договоры, направленные на передачу прав на произведения в материальной и цифровой реальности // Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты. 2023. Вып. 19. С. 39.

[238] Сергеев А.П. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая: учебно-практический комментарий. М.: Проспект. 2016. С. 47.

[239] Калятин В.О. Поправки в часть четвертую Гражданского кодекса и их влияние на сферу электронной коммерции / В.О. Калятин // Закон. 2014. № 9. С. 47.

Зачастую публичное заявление отождествляют со свободными лицензиями. Однако, по верному замечанию В.Б. Нагродской, «…публичное заявление не связано с философией свободного программного обеспечения»[240]. Определяя правовую природу публичного заявления, В.Б. Нагродская приходит к следующему выводу: «Публичное заявление и отказ от осуществления права не имеют между собой общих правовых характеристик, поскольку у правообладателя не имеется цели прекратить полностью юридическую связь с произведением. Правообладатель оставляет за собой возможность использовать произведение на иных условиях и в течение другого срока»[241]. На данном основании В.Б. Нагродская определяет публичное заявление как одностороннюю сделку, которая создает обязанности для лица, ее совершившего[242].

Резюмируя вопрос правовой природы публичного заявления, стоит сказать, что действительно такое заявление не является отказом от права, поскольку отказ от исключительного права, по сути, означает, что правообладатель утрачивает это право навсегда. При публичном заявлении корректнее говорить, во-первых, об установлении в отношении конкретного результата интеллектуальной деятельности и на определенный срок обременения в форме запрета для правообладателя распоряжаться исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности посредством заключения лицензионных договоров, а во-вторых – о предоставлении неограниченному кругу лиц возможности пользоваться таким результатом в течение определенного срока. Между тем результат интеллектуальной деятельности не переходит в общественное достояние, поскольку по истечении установленного срока, обременения, наложенные на исключительное право, будут сняты, а использование результата интеллектуальной деятельности без согласия правообладателя вновь станет невозможным.

В заключение настоящей главы отметим основные выводы, к которым удалось прийти по результатам рассмотрения вопросов,

[240] Нагродская В.Б. Указ. соч. С. 91.
[241] Нагродская В.Б. Указ. соч. С. 92.
[242] Там же.

связанных с видами лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ:

1) Лицензионные отношения по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ могут быть подразделены исходя из их содержания на «классические» лицензионные отношения, предполагающие передачу лицензиату экземпляра программы для ЭВМ, и отношения, предполагающие предоставление лицензиату (пользователю) удаленного доступа в целях реализации функционала программы, экземпляр которой размещен на сервере правообладателя или управомоченного им лица (отношения, построенные по модели удаленного доступа). Во втором случае вопрос о применимости к ним норм о лицензионных договорах решается с учетом существа данного типа отношений.

2) «Классические» лицензионные отношения могут быть подразделены на простые (прямые отношения между двумя субъектами: правообладатель и лицензиат) и сложные (многоструктурные отношения между тремя и более субъектами). Ключевые особенности многоструктурного лицензионного отношения, во-первых, заключаются в том, что лицензионные правоотношения «последующих» порядков непосредственно зависят от «первого», а во-вторых, что субъекты правоотношений разных порядков могут нести ответственность друг перед другом.

3) Отношения, построенные по модели удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ, представляют собой особого рода лицензионные отношения по распоряжению исключительным правом. Отличительной характеристикой данных отношений является наличие у правообладателя (или управомоченного им на организацию предоставления доступа лица) технической возможности в одностороннем порядке прекратить доступ пользователя ЭВМ к функционалу программы.

4) Лицензионные отношения по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ могут быть подразделены исходя из цели субъектов на отношения, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности от распространения программ для ЭВМ («дистрибьюторские» лицензионные

отношения), и отношения, связанные с непосредственным использованием программ для ЭВМ по их функциональному назначению («пользовательские» лицензионные отношения). К субъектам-предпринимателям, которые могут быть участниками как первой, так и второй группы отношений, применимы нормы об обязательствах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

5) «Пользовательские» лицензионные отношения зачастую возникают в связи с акцептом лицензиатом условий использования программы для ЭВМ, определяемыми правообладателем в одностороннем порядке посредством размещения им пользовательского соглашения на своем сайте. По своей правовой природе подобного рода пользовательские соглашения представляют собой лицензионный договор присоединения, заключаемый в упрощенном порядке с лицом, самостоятельно использующим программу по ее функциональному назначению (конечным пользователем).

6) Заключение пользовательских соглашений с гражданином, использующим программу для ЭВМ для своих личных нужд (потребитель), не дает оснований для квалификации пользовательских соглашений в качестве публичной оферты, поскольку их направленностью является предоставление лицензиату права использования программы для ЭВМ в предусмотренных пределах, а не какие-либо услуги. Вместе с тем в ситуации, когда уплачиваемый потребителем лицензионный платеж по своей сути представляет собой оплату той или иной услуги в его пользу, потребитель вправе реализовывать свои права, предусмотренные законодательством о защите прав потребителей, в том числе право на возврат платежа, уплаченного потребителем до фактического оказания услуги (аванс).

7) Лицензионные отношения по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ могут быть подразделены исходя из степени установленных правообладателем ограничений на отношения по поводу использования «проприетарного» программного обеспечения и отношения по поводу «свободного» программного обеспечения. Во втором случае лицензиату предоставляется исходный код, в том числе в целях разработки новых

программных продуктов, использование которых должно осуществляться с учетом условий лицензии на основной программный продукт.

8) Открытая лицензия не представляет собой форму ограничения прав лицензиара, а, напротив, в большей степени защищает именно интересы правообладателя, в том числе от неправомерного использования любых результатов интеллектуальной деятельности, созданных на основе результата интеллектуальной деятельности лица, предоставившего открытую лицензию. В действительности, открытая лицензия представляет собой еще одну форму заключения лицензионного договора в упрощенном порядке (помимо «оберточной» или «клик-лицензии»).

9) Публичное заявление не является отказом от права, поскольку отказ от исключительного права, по сути, означает, что правообладатель утрачивает это право навсегда. В случае с публичным отказом объект не переходит в общественное достояние, поскольку по истечении установленного срока обременения, наложенные на исключительное право, будут сняты, а использование объекта без согласия правообладателя вновь станет невозможным. В данном случае следует говорить лишь о временном установлении для правообладателя обременений в виде запрета распоряжаться исключительным правом посредством заключения лицензионных договоров и одновременном предоставлении неограниченному кругу лиц возможности пользоваться объектом в течение определенного срока.

ГЛАВА 3. ДОГОВОР КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛИЦЕНЗИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ПРАВОМ НА ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ

§ 3.1. Заключение договоров в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ

Согласно общему правилу лицензионный договор о предоставлении права использования программы для ЭВМ заключается в письменной форме[243]. Несоблюдение письменной формы влечет недействительность договора[244]. Требование о соблюдении письменной формы предполагает заключение договора посредством составления одного документа (в том числе электронного[245]), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными[246].

Законом предусмотрены случаи, когда письменная форма сделки считается соблюденной[247]. К таковым относятся совершение лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю,

---

[243] Пункт 2 статьи 1286 ГК РФ.

[244] Абзац третий пункта 2 статьи 1235 ГК РФ.

[245] Электронным документом является информация в электронной форме, подписанная с использованием электронной подписи, которая подразделяется на два вида: простая и усиленная (неквалифицированная и квалифицированная). Ключевым отличием являются условия, при которых информация в электронной форме, подписанная с использованием электронной подписью, признается в качестве электронного документа, равнозначного документу на бумажном носителе, подписанном собственноручной подписью. Информация в электронной форме, подписанная с использованием усиленной квалифицированной подписи, признается электронным документом, равнозначными документу на бумажном носителе за исключением случаев, когда в соответствии с федеральным законом или принятым в соответствии с ним нормативным правовым актом документ может быть составлен исключительно на бумажном носителе. Информация в электронной форме, подписываемая с использованием простой или усиленной неквалифицированной подписи, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, лишь в установленных федеральными законами, принимаемыми в соответствии с ними актами или соглашением сторон электронного взаимодействия случаях (часть 1 статьи 5, части 1 и 2 статьи 6 Федерального закона от 06.04.2011 N 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.04.2024)).

[246] Пункт 2 статьи 434 ГК РФ.

[247] Е.С. Гринь соответствующие ситуации определяет в качестве фикции письменной формы договора (см. Гринь Е.С. Трансформации требований к форме договоров с учетом развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 56).

может быть предусмотрен законом, иными правовыми актами и соглашением сторон[248]. Письменная форма договора считается также соблюденной, если письменное предложение лицензиара заключить договор (оферта) принято посредством совершения лицензиатом указанных в оферте конклюдентных действий (акцепт)[249], например посредством принятий условий пользовательского соглашения соответствующим кликом[250].

Описанные выше случаи, при которых письменная форма считается соблюденной, позволяют в максимальной степени охватить различные варианты заключения лицензионного договора посредством совершения конклюдентных действий (в том числе оплаты лицензионного вознаграждения[251]) или с использованием электронных либо иных технических средств.

Распоряжение исключительным правом на программу для ЭВМ посредством заключения лицензионного договора государственной регистрации не подлежит, и, соответственно, право использования программы для ЭВМ считается предоставленным с момента заключения договора (реальный договор) или с иного момента, указанного в лицензионном договоре[252] (консенсуальный договор).

Договор о предоставлении права использования программы для ЭВМ на условиях простой (неисключительной) лицензии может быть также заключен в упрощенном порядке посредством акцепта условий лицензии, изложенных на экземпляре или упаковке экземпляра программы либо в электронном виде[253].

Акцептом лицензионного договора о предоставлении права использования программы для ЭВМ, заключаемого в упрощенном порядке, является начало

---

[248] Абзац второй пункта 1 статьи 160 ГК РФ.
[249] Пункт 3 статьи 434 и пункт 3 статьи 438 ГК РФ.
[250] В доктрине обращается внимание на то обстоятельство, что «…при спорах в правоотношениях, основанных на так называемых click-wrap соглашениях, встаёт правовой вопрос: действительно ли пользователь осознал и согласился с условиями соглашения, были ли условия соглашения ясно сформулированы и доступны пользователю для ознакомления? Некорректное сообщение юридически значимой информации или скрытые условия приводят к претензиям пользователей и даже оспариванию соглашений» (см. Е. Е. Фролова. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 3. С. 66).
[251] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31.05.2022 N С01-486/2022 по делу N А40-146770/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2024).
[252] Например, с момента подписания акта или с момента наступления указанного в договоре срока.
[253] Пункт 5 статьи 1286 ГК РФ.

использование экземпляра программы в том смысле, в котором оно определено такими условиями (например, установка программы на устройство (в память компьютера)[254] или регистрация и получение доступа к личному кабинету[255]). Интересным моментом является то обстоятельство, что суды признают акцептом не только действия лицензиата (регистрация или оплата лицензии), но и бездействия лицензиата, если таким бездействиям условиями оферты присваивается правовая квалификация.

Так, суды при рассмотрении иска лицензиата о взыскании с лицензиара неосновательного обогащения, которым лицензиат считал стоимость лицензии за несогласованный с лицензиатом тарифный план использования, отказали в удовлетворении исковых требований. Соответствующее решение было мотивировано тем, что условиями оферты прямо предусмотрено право лицензиара предоставить лицензиату, у которого отсутствует действующая лицензия, тариф «Универсальный» на пробный (бесплатный) период, по истечении которого лицензиат сам должен деактивировать такой тариф. В связи с тем, что действие лицензии по тарифу «Универсальный» не было деактивировано лицензиатом по истечении пробного (бесплатного) периода, суды посчитали правомерным взыскание со счета лицензиата стоимости лицензии по соответствующему тарифу, поскольку продление действия лицензии по тарифу «Универсальный» реализовано в полном соответствии с условиями оферты[256]. Правомерность автоматической пролонгации лицензии в отсутствие действий лицензиата по ее деактивации была также подтверждена при рассмотрении судами иных споров[257].

---

[254] См., например, постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.04.2022 N С01-253/2022 по делу N А83-11509/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2024).

[255] См., например, постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.08.2021 N С01-1222/2021 по делу N А40-170894/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2024).

[256] См., Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.08.2021 N С01-1222/2021 по делу N А40-170894/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2024).

[257] См., например, постановление Суда по интеллектуальным правам от 21.02.2022 N С01-2359/2021 по делу N А40-103741/2021; постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.10.2021 N С01-1476/2021 по делу N А40-177787/2020; постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.11.2021 N С01-1876/2021 по делу N А40-214414/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2024).

Абзац второй пункта 5 статьи 1286 ГК РФ, определяющий заключаемый в упрощенном порядке лицензионный договор в качестве договора присоединения, устанавливает, что условия такого договора могут быть изложены не только на самом экземпляре или упаковке экземпляра программы, но и в электронном виде. Указывая на «электронный вид», норма отсылает к пункту 2 статьи 434 ГК РФ.

В соответствии с пунктом 2 статьи 434 ГК РФ договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами[258], или обмена письмами, телеграммами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абзаца второго пункта 1 статьи 160 ГК РФ[259]. Исходя из указанного, под «электронным видом» понимается такой способ заключения лицензионного договора, который предполагает либо его подписание посредством электронных цифровых подписей сторон, либо совершение сторонами договора с использованием технических средств действий[260], направленных на его заключение.

Особенностью заключаемых в упрощенном порядке лицензионных договоров является общее правило о сроке действия лицензии, которое применяется, если иное не предусмотрено договором. Так, срок действия лицензии не является существенным условием любого лицензионного договора. Отсутствие в договоре условия о сроке действия лицензии, согласно абзацу второму пункта 4 статьи 1235 ГК РФ, влечет применение к такому договору правила о пятилетнем сроке. Указанное правило неприменимо к лицензионным договорам о предоставлении права использования программы заключаемым в упрощенном порядке («оберточная» и открытая лицензия), применительно к которым установлены специальные правила.

---

[258] В данном случае под таким документом понимается тот же самый договор, подписанный с помощью электронных цифровых подписей сторон.

[259] Согласно указанной норме закона письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю.

[260] К таким действиям может быть отнесена авторизация пользователя в личном кабинете на сайте правообладателя программного продукта, которая практически всегда обуславливает принятие лицом условий пользовательского соглашения, регулирующего порядок использования программы.

В соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ, изложенной в абзаце пятом пункта 103 постановления о применении четвертой части ГК РФ, заключенный в упрощенном порядке лицензионный договор о предоставлении права использования программы действует до продажи или иного отчуждения экземпляра программы, если договором не предусмотрено иное. Это означает, что по общему правилу заключенный в упрощенном порядке лицензионный договор («оберточная» лицензия) действует до тех пор, пока лицензиат является правомерным обладателем экземпляра программы. Исключением из указанного правила являются случаи, когда на самом экземпляре программы определен иной срок лицензии. В качестве примера второй ситуации можно привести антивирусные программы, которые обычно поставляются в форме активационного ключа, предоставляющего возможность после скачивания программы активировать лицензию на устройстве пользователя. Для подобного рода программ ограничение срока лицензии является достаточно типичным.

Помимо «оберточной» лицензии, в упрощенном порядке также может быть заключен лицензионный договор о предоставлении программы на условиях открытой лицензии, который предусмотрен статьей 1286.1 ГК РФ.

Открытая лицензия отличается от «оберточной» по сроку предоставления лицензиату прав использования программы. Так, если «оберточная» лицензия в качестве общего правила уравнивает срок действия лицензии со сроком фактического владения экземпляром произведения, то открытая лицензия устанавливает, что, в случае если договором не установлено иное, считается, что лицензиар предоставил открытую лицензию на весь срок действия исключительного права на программу.

Таким образом, срок действия договора, заключенного в упрощенном порядке, зависит от условий договора. В случае если условиями договора срок использования не определен, то в отношении срока действия такого договора действуют общие правила, установленные законом применительно к конкретному виду лицензии: 1) «оберточная» лицензия – в течение срока

владения экземпляром программы; 2) открытая лицензия – в течение срока действия исключительного права на программу.

§ 3.2. Условия договоров в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ

3.2.1. Общая характеристика условий договоров в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ.

Как было отмечено ранее, основанием возникновения лицензионных отношений помимо создания программы для ЭВМ является такой юридический факт, как заключение договоров, направленных на возникновение лицензионных отношений. К соответствующим договорам относятся лицензионный договор о предоставлении права использования программы для ЭВМ, а также договор о предоставлении удаленного доступа к программе для ЭВМ[261].

Под лицензионным договором о предоставлении права использования программы для ЭВМ, согласно статьям 1235 и 1286 ГК РФ, понимается договор, по которому одна сторона (лицензиар) предоставляет либо обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования программы для ЭВМ в установленных договором пределах. Из сформулированного в законе правила следует, что такой договор может быть как реальным, так и консенсуальным, при этом среди условий такого договора можно выделить три группы условий: 1) условия, несогласование которых влечет признание договора незаключенным (существенные условия)[262]; 2) условия, несогласование которых влечет применение к отношениям сторон договора общих правил,

[261] Конструкция соответствующего договора была ранее сформулирована автором в параграфе 2.1 настоящего диссертационного исследования («Классические» лицензионные отношения по распоряжению исключительным правом на программу для ЭВМ и отношения, построенные по модели удаленного доступа»).

[262] К соответствующим условиям относятся предмет, пределы использования программы для ЭВМ, условие о размере или порядке определения размера вознаграждения лицензиара за предоставление лицензиату права использования программы (в случае если договор является возмездным) либо указание на безвозмездность договора.

предусмотренных нормами закона (определимые условия)[263]; 3) иные условия, согласованные сторонами при заключении договора (случайные условия)[264].

Определение законодателем условий о предмете, пределах использования и размере вознаграждения лицензиара или порядке его определения в качестве существенных условий лицензионного договора не вызывает сомнений. Вместе с тем определимые условия о территории и сроке использования программы для ЭВМ вызывают ряд вопросов, которые будут рассмотрены далее.

Как было отмечено ранее, зачастую лицензиары ограничивают свою ответственность перед лицензиатом используя в договоре соответствующие оговорки (в т. ч., оговорка «как есть» о качестве программы для ЭВМ, право использования которой предоставлено по лицензионному договору). Принимая во внимание, что договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения (пункт 1 статьи 422 ГК РФ), а также учитывая, что заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства ничтожно (пункт 4 статьи 401 ГК РФ), представляется возможным говорить о существовании некоторых критериев, которым должны соответствовать условия договоров в сфере лицензионных отношений.

Во-первых, лицензиат (пользователь) не может быть лишен возможности использовать программу для ЭВМ по ее обычному назначению (в тех целях, для которых обычно используются программы для ЭВМ подобного рода, если иное не предусмотрено договором[265]) на согласованных сторонами условиях (в том числе предусмотренными договором способами и в течение установленного договором срока действия лицензии) поскольку в иной ситуации цель, которой руководствовался лицензиат (пользователь) при заключении

---

[263] К соответствующим условиям относятся условие о территории использования и условие о сроке использования программы для ЭВМ.

[264] К соответствующим условиям может быть отнесено, в частности условие о качестве программы для ЭВМ (в том числе условия подобные «как есть», которые направлены на ограничение ответственности лицензиара перед лицензиатом за качество программы для ЭВМ).

[265] В случае, когда в договоре отсутствует подробное описание функционала программы для ЭВМ, право использования которой предоставлено лицензиату (пользователю).

договора (возможность реализации функционала программы для ЭВМ, право использования которой предоставлено по договору) не была бы достигнута. Вместе с тем, учитывая длящийся характер лицензионных отношений, говорить о полном исполнении лицензиаром обязательств перед лицензиатом по предоставлению права использования программы для ЭВМ на определенный срок до момента истечения соответствующего срока – не представляется возможным.

Во-вторых, недопустимы условия, ограничивающие ответственность лицензиара перед лицензиатом в случаях возникновения у лицензиата прямо не предусмотренных договором обязательств перед третьими лицами, а равно причинения лицензиату имущественного ущерба, выраженного в претензиях и (или) исках третьих лиц и (или) назначенных к взысканию с лицензиата сумм штрафов за нарушение интеллектуальных прав третьих лиц. В данной связи, ничтожными являются условия, которые исключают или ограничивают ответственность лицензиара перед лицензиатом за причиненный лицензиату ущербу в т. ч. в ситуациях, когда использование лицензиатом программы для ЭВМ, право использования которой предоставлено по договору в предусмотренных им пределах повлекло за собой нарушение интеллектуальных прав третьих лиц (например, в связи с тем, что программа для ЭВМ содержит элементы, права на которые принадлежат третьим лицам).

Таким образом, условия договоров в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ должны соответствовать обозначенным критериям. Несоответствие условий договоров обозначенным критериям влечет их ничтожность.

3.2.2. Условие о территории использования программы для ЭВМ. Под условием о территории понимается определение территориальных границ, в пределах которых допускается использование программы для ЭВМ. В случае если в договоре не указана территория, на которой допускается использование результата интеллектуальной деятельности, лицензиат вправе

осуществлять его использование на всей территории Российской Федерации[266]. Ввиду указанного условие о территории использования программы не является существенным условием лицензионного договора, поскольку отсутствие в договоре условия о территории предоставляет возможность лицензиату использовать программу на всей территории Российской Федерации.

То обстоятельство, что условие о территории использования программы для ЭВМ не является существенным условием лицензионного договора, создает определенные проблемы. Отсутствие в лицензионном договоре, заключенном между лицензиаром и пользователем, находящимся за пределами территории Российской Федерации[267], условия о территории может означать невозможность использования таким лицом программы, поскольку такое использование с учетом абзаца второго пункта 1 статьи 1235 ГК РФ будет считаться нарушением исключительного права. Однако, исходя из сформулированных законодателем правил о территории как условии лицензионного договора, остается непонятным, что именно понимать под территорией использования применительно к программам для ЭВМ (место нахождения самого пользователя, место нахождения устройства, на которое загружена программа для ЭВМ или что-то иное)[268].

По мнению Э.П. Гаврилова, вопрос о территориальных пределах действия лицензионных договоров должен решаться применительно к специфике отдельных категорий охраняемых объектов[269]. Данный тезис в совокупности с обозначенной проблемой подтверждает необходимость в расширении территории действия лицензионного договора, поскольку это в полной степени соответствует специфике программы, которая может использоваться в любом месте.

---

[266] Пункт 3 статьи 1235 ГК РФ.

[267] Даже в ситуации, когда его нахождение за пределами территории Российской Федерации – временное явление, т.е. даже при сохранении за пользователем статуса резидента Российской Федерации.

[268] В этой правовой неопределенности вряд ли можно говорить о том, что нахождение пользователя за пределами территории РФ всегда будет считаться нарушением условия лицензионного договора в ситуации, когда разрешенной территорией является Российская Федерация. В качестве одного из примеров в подтверждение неопределенности условия о территории является ситуация, когда пользователь, находящийся за пределами территории Российской Федерации подключается к ЭВМ, находящейся на территории Российской Федерации с помощью удаленного ассистента рабочего стола. Что в данном случае понимать под допустимой территорией – на сегодняшний день остается непонятным, и это может создать на практике определенные проблемы.

[269] Гаврилов Э.П. Общие положения права интеллектуальной собственности: краткий комментарий к главе 69 ГК РФ // Хозяйство и право. 2007. № 9 (368). С. 31

С учетом вышеизложенного, представляется необходимым установить в законе императивное правило о возможности использования лицензиатом программы для ЭВМ на территории всего мира, т.е. без территориальных ограничений. Однако справедливым будет считать формулирование такого условия лишь применительно к лицензионным договорам, предметом которых является предоставление лицензиату права использования программы посредством ее воспроизведения в смысле запуска ее на устройстве пользователя исключительно в целях реализации функциональных возможностей программы для ЭВМ, т.е. применительно к договорам, направленным на возникновение «пользовательских» лицензионных отношений. В ином случае, т. е. при безосновательном расширении данного условия и распространении его в отношении любых (в том числе, «дистрибьюторских») лицензионных отношений, будет нарушен баланс прав и законных интересов субъектов лицензионных отношений.

3.2.3. Условие о сроке использования программы для ЭВМ. Согласно сформулированному в абзаце втором пункта 4 статьи 1235 ГК РФ правилу, в случае отсутствия в лицензионном договоре установленного срока использования программы для ЭВМ право ее использования считается предоставленным на срок в 5 (пять) лет[270]. Из указанного правила следует, что срок использования программы для ЭВМ не является существенным условием договора в силу установления законодателем определимого условия о сроке на случай его отсутствия в договоре.

Зачастую в договорной практике срок использования программы, формулируется как бессрочный или, что еще чаще, – как срок действия исключительного права на программу для ЭВМ. Однако, по мнению Б.Е. Семенюты, если руководствоваться российским законодательством, при

[270] Данное правило, как было обозначено выше, не применимо в отношении «оберточных» и «открытых» лицензий для которых установлены иные общие сроки: срок владения экземпляром программы для ЭВМ (для «оберточных» лицензий) и весь срок действия исключительного права на программу для ЭВМ (для «открытых» лицензий).

формулировании в лицензионном договоре срока как «бессрочного» срок является неустановленным и по умолчанию равен 5 (пяти) годам[271].

Представляется, что формулирование срока действия лицензии как срока действия исключительного права на программу, едва ли не приобрело статус обычая, а потому такая конструкция все же имеет право на существование и, следовательно, формулирование срока использования подобным способом не должно за собой влечь признание договора незаключенным. Аналогичное правило применимо и к формулированию срока договора как бессрочного, поскольку подобная формулировка по своему смыслу хоть и не тождественна сроку действия исключительного права[272], но, очевидно, свидетельствует о намерении лицензиара предоставить право использования программы на максимально большой срок.

Вместе с тем в ситуации, когда речь идет о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ (SaaS-модель), представляется недопустимым формулирование срока как «бессрочного», поскольку в данном случае доступ лицензиата к программе может быть технически в любой момент прекращен лицензиаром. При этом в случае, когда условие договора о сроке использования было сформулировано как «бессрочно», на практике может возникнуть проблема с расчетом убытков лицензиата, которые подлежат взысканию в связи с прекращением его доступа к программе для ЭВМ. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости признать срок в качестве существенного условия договора о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ.

3.2.4. Условие о предмете лицензионного договора о предоставлении права использования программы для ЭВМ. Лицензионный договор должен

---

[271] Семенюта Б.Е. Способы заключения лицензионного договора при приобретении прав использования программ для ЭВМ // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2010. № 5. С. 35.

[272] Исключительное право на программу, в соответствии с пунктом 1 статьи 1281 ГК РФ, действует в течение всей жизни автора программы и семидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора. При этом заключение лицензионного договора на срок свыше указанного, в соответствии с пунктом 4 статьи 1235 ГК РФ, не допускается.

предусматривать предмет договора[273] посредством указания на конкретную программу для ЭВМ, право использования которой предоставляется по договору[274].

В отношении программ для ЭВМ статьей 1262 ГК РФ предусмотрена процедура государственной регистрации (депонирования), осуществляемой по инициативе правообладателя программы для ЭВМ. По результатам регистрации (депонирования) программы для ЭВМ ей присваивается идентификационный номер в Государственном реестре программ для ЭВМ, что предоставляет возможность в последующем указывать соответствующий регистрационный номер, в том числе в лицензионных договорах. Подобное указание однозначно позволяет сторонам идентифицировать предмет договора (программу для ЭВМ, право использования которой предоставляется лицензиату).

Поскольку процедура регистрации (депонирования) программ для ЭВМ не является обязательной, не все программы для ЭВМ могут быть индивидуализированы по такому критерию как номер государственной регистрации. Возникает вопрос: как в таком случае должен быть определен предмет лицензионного договора о предоставлении права использования незарегистрированной программы для ЭВМ?

Исходя из формулировки подпункта 1 пункта 6 статьи 1235 ГК РФ, указание идентификационного номера является обязательным лишь в случае предоставления по лицензионному договору товарного знака, объекта патентного права (изобретение, полезная модель, промышленный образец), наименования места происхождения товара или географического указания, поскольку права именно на эти объекты удостоверяются свидетельством или патентом.

---

[273] В качестве предмета лицензионного договора в доктрине определяют «исключительное право» (см. Сова В.В. Классификация и содержание договоров в сфере интеллектуальной собственности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 117), «право использования» (см. Калиничева Е.П. Лицензионный договор как основание возникновения обязательства: дис. … канд. юрид. наук. М., С. 9) либо «действия сторон, направленные на предоставление права использования объекта лицензионного договора» (см. Шуваев В.А. Указ. соч. С. 12). Принимая во внимание направленность лицензионного договора на предоставление права использования объекта в предусмотренных договором пределах, наиболее корректным представляется определять в качестве предмета соответствующего договора действия сторон, направленные на предоставление права использования.

[274] Подпункт 1 пункта 6 статьи 1235 ГК РФ.

В деловой практике отношений по поводу использования программ для ЭВМ предмет лицензионного договора определяется посредством указания основных характеристик объекта такого договора (название программы и ее функциональные возможности). Указание в таком договоре идентификационного номера из Государственного реестра в соответствии с судебной практикой не является обязательным даже в ситуации, когда программа зарегистрирована[275].

Важно отметить, что сформировавшаяся правоприменительная практика свидетельствует о том, что при заключении договоров, конечной целью которых является реализация функциональных возможностей программы для ЭВМ («пользовательские» лицензионные отношения), ключевое значение для лицензиата имеет конкретный функционал, который может быть им реализован при эксплуатации программы.

Между лицензиаром и лицензиатом может быть заключен смешанный договор, в соответствии с которым лицензиар обязуется не только предоставить права использования программы (обязательство из лицензионного договора), но и установить программу на устройства лицензиата (обязательство из договора подряда). Такая договорная модель предполагает большую (по сравнению с лицензионным договором) ответственность лицензиара перед лицензиатом, поскольку он отвечает перед лицензиатом в том числе за качество работ по установке программы.

Качество выполненной подрядчиком работы должно соответствовать условиям договора подряда, а также обязательным требованиям, установленным нормативными правовыми актами для работ соответствующего рода. Результат выполненной работы должен в момент его сдачи-приемки обладать свойствами, указанными в договоре и в пределах разумного срока быть пригодным для установленного договором использования[276]. Таким требованиям о качестве результат работы должен соответствовать в течение всего гарантийного срока[277].

---

[275] См., например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28.10.2014 N С01-1002/2014 по делу N А40-142241/2013 и Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.12.2013 N С01-317/2013 по делу N А40-20795/2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2024).

[276] Пункт 1 статьи 721 ГК РФ.

[277] Пункт 1 статьи 722 ГК РФ.

В случае несоответствия результата работ требованиям о его качестве заказчик (лицензиат) вправе требовать от подрядчика (лицензиара) безвозмездного устранения недостатков, соразмерного уменьшения установленной за работу цены или возмещения своих расходов на устранение недостатков. Реализация последнего права заказчиком (лицензиатом) возможна лишь в ситуации, если условиями договора ему не предоставлено иных прав при нарушении подрядчиком (лицензиаром) требования к качеству работ. В случае если недостатки результат работы не были устранены, заказчик вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возмещения причиненных убытков[278].

Применимость статей 721-723 ГК РФ к ситуациям, когда между лицензиаром и лицензиатом заключен договор, по которому лицензиар обязуется установить программу на устройства (ЭВМ) лицензиата, подтверждается актуальной судебной практикой. Так, суды рассмотрели иск АО «ВЭД Агент» (лицензиат) к ООО «Софт Бизнес Решения» (лицензиар) об удовлетворении требований о расторжении смешанного договора о предоставлении права использования программы и выполнении работ по ее установке на основании статьи 451 ГК РФ (существенное изменение обстоятельств, которым истец считал частично неработающий функционал программы) и взыскании суммы уплаченного за предоставленную программу вознаграждения в связи с расторжением договора. Суд отказал в удовлетворении заявленных требований на том основании, что при фактически исполненном обязательстве по предоставлению программы и несущественности недостатков программы способ защиты права лицензиата в данном случае иной. Лицензиат может реализовать права, предусмотренные пунктом 1 статьи 723 ГК РФ (устранение недостатков выполненной работы)[279]. Таким образом, суд определил необходимость в обращении лицензиата непосредственно к лицензиару за устранением недостатков, а в случае неудовлетворения лицензиаром таких

[278] Статья 723 ГК РФ.
[279] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26.05.2021 г. N С01-718/2021 по делу N А45-9337/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

недостатков самостоятельно устранить их и в последующем компенсировать убытки в судебном порядке.

Подобного рода смешанные договоры заключаются далеко не всегда: зачастую лицензиар предоставляет лишь дистрибутивы, которые лицензиат устанавливает самостоятельно. В этой связи представляется крайне важным различать две категории: 1) недостатки работы по установке программы[280]; 2) несоответствие программы функционалу обусловленному договором[281].

Необходимость обозначенного выше подразделения обусловлена тем, что, в случае, если лицензиар лишь предоставляет право использования программы для ЭВМ, очевидно, что в данном случае предусмотренные статьей 723 ГК РФ права не могут быть предоставлены лицензиату с учетом существа отношений между лицензиаром и лицензиатом. Вместе с тем в ситуации, когда программа была установлена самим лицензиаром, обращению лицензиата в суд с иском о расторжении договора в связи с недостатками работ по установке программы для ЭВМ должно предшествоваться обращение лицензиата с соответствующим требованием непосредственно к лицензиару. Между тем разграничение указанных случаев представляется затруднительным, поскольку как в первом, так и во втором случае конечным результатом заключенного между сторонами договора является установленная на устройстве (ЭВМ) лицензиата программа[282].

Последствия несоответствия функционала программы в ситуации, когда она была установлена лицензиаром, и в ситуации, когда дистрибутивы были лишь предоставлены лицензиаром лицензиату для самостоятельной установки, как было отмечено выше, существенно отличаются. Вместе с тем представляется, что указанные последствия не должны отличаться в такой существенной степени, поскольку на самом деле для лицензиата не имеет значение, каким образом

---

[280] В случае установления недостатков при выполнении работ по установке программы для ЭВМ, лицензиат может реализовать права, предоставленные ему статьей 723 ГК РФ и направленные на устранение таких недостатков.

[281] В случае установления несоответствия программы для ЭВМ обусловленному договором функционалу, лицензиату должно быть предоставлено право на расторжение лицензионного договора в связи с существенным нарушением его лицензиаром (подпункт 1 пункта 2 статьи 450 ГК РФ).

[282] Разница лишь в том, каким образом эта программа была установлена, самим лицензиатом или лицензиаром.

была установлена программа, если она фактически не соответствует обусловленному договором функционалу, поскольку в такой ситуации цель заключения лицензионного договора для лицензиата не была достигнута[283].

Несоответствие программы для ЭВМ обусловленному договором функционалу, очевидно, не соответствует интересам лицензиата, и в такой ситуации ему должно быть предоставлено право на расторжение договора в связи с существенным нарушением договора лицензиаром. Однако реализация такого права в ситуации, когда программа была установлена лицензиаром, может создать серьезные трудности, поскольку при квалификации отношений сторон соответствующим образом такое право может быть реализовано лишь в случае существенного недостатка программы (пункт 3 статьи 723 ГК РФ).

Во избежание обозначенной выше проблемы следует сформулировать определимое условие лицензионного договора о функциональном назначении программы, которое будет выступать в качестве минимального объема результата, на достижение которого лицензиат (пользователь) может рассчитывать при использовании программы для ЭВМ. При этом крайне важно провести разграничение между функциональным назначением программы и иными недостатками, которые могут быть выявлены при приемке результата по договору установки программы. К последним следует отнести технические характеристики программы (ошибки, неполадки и прочие недостатки, которые не соответствуют требованиям к качеству результата работы, установленным договором и (или) нормативными правовыми актами).

Принимая во внимание вышеизложенное, под условием о предмете договора следует понимать как простое указание на конкретную программу для ЭВМ, право использования которой, предоставляется по договору, так и подробное описание функциональных возможностей такой программы. Однако существенным, согласно закону, а потому достаточным для признания договора заключенным, является лишь определение первого элемента

[283] В такой ситуации лицензиат не получил тот программный продукт, на который он рассчитывал при заключении договора.

(указание на конкретную программу для ЭВМ). Во избежание ситуаций, когда в отсутствие подробного описания функциональных возможностей программы для ЭВМ лицензиату предоставляется право использования программы для ЭВМ, не в полной мере выполняющей функции для программ подобного рода, следует дополнить ГК РФ определимым условием о функционале программы для ЭВМ.

3.2.5. Условия о способах и объемах использования программы для ЭВМ. В лицензионном договоре должны быть указаны конкретные способы использования программы для ЭВМ[284]. Использование программы для ЭВМ способами, не предусмотренными договором, является незаконным и влечет за собой такую же ответственность, которую несло бы любое третье лицо за бездоговорное использование программы для ЭВМ[285]. Ввиду указанного определение в договоре конкретных способов использования программы для ЭВМ является обязательным, поскольку соответствующее условие является существенным. При этом, как верно отметил А.И. Савельев, «…такое условие является существенным не столько в силу прямого указания закона, сколько в силу объективной необходимости присутствия в договорах данного типа, так как в их отсутствие невозможно определить круг допустимых действий по отношению к отраженной в предмете лицензионного договора программе»[286].

Лицензиат может использовать программу только в пределах тех прав и теми способами, которые предусмотрены лицензионным договором[287]. Данная формулировка представляется неоднозначной, поскольку некоторые вопросы остаются открытыми. В частности, что согласно закону понимается под «пределами прав»? Является ли существенным условием определение конкретного объема использования программы по количеству пользователей, имеющих право доступа к программе и (или) по количеству рабочих мест, на которых может быть одновременно запущена программа?

---

[284] Подпункт 2 пункта 6 статьи 1235 ГК РФ.

[285] Так, за использование лицензиатом программы не предусмотренными договором способами, лицензиар может, в частности, взыскать с такого лицензиата в судебном порядке компенсацию за нарушение исключительного права на программу для ЭВМ.

[286] Савельев А.И. Лицензирование программного обеспечения в России: законодательство и практика. М.: «Инфотропик Медиа». 2013 // ИПО «ГАРАНТ» (дата обращения: 20.05.2024).

[287] Пункт 1 статьи 1235 ГК РФ.

В отечественной доктрине можно встретить подход о соотношении понятий «пределы» и «способы» использования. Так, В.С. Витко, разделяя указанные понятия, отмечает, что, исходя из формулировки пункта 1 статьи 1235 ГК РФ, существенными условиями лицензионного договора являются не только конкретные способы использования, но и пределы (границы) использования результата интеллектуальной деятельности этим способом[288].

Под пределом В.С. Витко понимает определенный объем использования тем или иным способом (ограниченное количество экземпляров произведения, пользователей, компьютеров, серверов и т. п.)[289]. В качестве аргумента того, что предел (объем) имеет право на существование в качестве существенного условия, В.С. Витко также приводит то обстоятельство, что такое условие будет определять размер вознаграждения. На этом аргументе В.С. Витко делает вывод о том, что если стороны договора не определят предел (объем) использования, в том числе и в случае отсутствия договоренности о неограниченном объеме использования, то договор не может считаться заключенным[290].

Исходя из актуальной судебной практики, можно сделать вывод, что под использованием за пределами лицензионного договора понимается не только использование не предусмотренными договором способами, но и использование программы за предусмотренными договором объемами использования. К объемам использования следует отнести такие показатели, как количество пользователей программы и (или) количество рабочих мест, на которых может быть одновременно запущена программа. В случае установления в договоре таких лимитов правомерного использования выход за их пределы квалифицируется судами в качестве нарушения исключительного права лицензиара. Так, судом при рассмотрении иска о нарушении условий лицензионного договора, выразившемся в использовании программы на большем, чем предусмотрено договором, количестве устройств, было констатировано нарушение условий лицензионного договора (использование за пределами,

[288] Витко. В. С. Указ. соч. С. 142.
[289] Там же. С. 143.
[290] Там же. С. 143-144.

предусмотренными договором), в связи с чем, иск лицензиара о взыскании с лицензиата компенсации был удовлетворен[291].

В другом споре суды рассмотрели иск лицензиара к лицензиату о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на программу, выразившееся в увеличении в отсутствие согласия лицензиара количестве пользователей, использующих программу для ЭВМ. В удовлетворении такого иска было отказано в том числе по мотиву того, что условиями договора было ограничено количество рабочих мест, на которых одновременно может быть запущена программа, а не количество пользователей, использующих программу, в отношении которого каких-либо ограничений условиями договора не было установлено. Вместе с тем лицензиар не доказал, что лицензиат вышел за установленные договором пределы (в том числе, по количеству рабочих мест)[292].

Вышеуказанный пример свидетельствует о том, что, в случае если условия использования программного продукта варьируются в зависимости от количества рабочих мест, на которых может быть одновременно запущена программа и (или) количества пользователей программы, в договоре необходимо определить не только способы использования, но и количественные характеристики, связанные с объемом такого использования. Все указанное в совокупности будет представлять собой те пределы, выход за которые будет влечь за собой ответственность лицензиата за внедоговорное использование программы для ЭВМ (за пределами установленного договором права использования).

Тем не менее, несмотря на то, что суды понимают под пределами не только способы, но и количественные показатели использования программы, второе вряд ли можно однозначно признать существенным условием. Так, сформулированное в подпункте 1 пункта 6 статьи 1235 ГК РФ правило не требует от сторон лицензионного договора установления в таком договоре конкретного количества пользователей и (или) количества рабочих мест – соответственно, отсутствие

---

[291] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 02.11.2020 г. N С01-1150/2020 по делу N А29-5935/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.05.2024).

[292] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 13.07.2016 N С01-445/2016 по делу N А40-183718/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

таких показателей не влечет за собой признание договора незаключенным. С учетом изложенного представляется необходимым сформулировать в законе определимое условие, согласно которому, в случае если объем использования программы для ЭВМ (количество пользователей или ЭВМ, на которых одновременно может быть запущена программа) договором не определен, лицензиат вправе использовать программу для ЭВМ без соответствующих ограничений.

3.2.6. Условие лицензионного договора о вознаграждении лицензиара за предоставление лицензиату права использования программы для ЭВМ. Как было отмечено ранее, условие о цене, то есть условие о вознаграждении лицензиара за предоставление лицензиату права использования программы для ЭВМ, является существенным условием лицензионного возмездного договора. Возмездный лицензионный договор должен в обязательном порядке предусматривать размер вознаграждения лицензиара за предоставляемые лицензиату права или порядок определения такого вознаграждения[293]. Таким образом, законодатель предусматривает возможность определения лицензиаром конкретной стоимости прав использования в фиксированном размере или в форме установления критериев определение вознаграждения в зависимости от определенных показателей (например, количество пользователей или количество устройств, на которых одновременно может быть запущена программа для ЭВМ).

Пунктом 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» установлена презумпция возмездного договора[294], которая не применима лишь к лицензионным договорам, заключаемым в упрощенном порядке («оберточные» и открытые лицензии)[295].

---

[293] Пункт 5 статьи 1235 и пункт 3 статьи 1286 ГК РФ.

[294] Согласно указанному пункту Постановления, если лицензионным договором прямо не предусмотрена его безвозмездность, но при этом в нем не согласовано условие о размере вознаграждения или о порядке его определения, такой договор в силу абзаца второго пункта 5 статьи 1235 ГК РФ считается незаключенным.

[295] Такие договоры по умолчанию являются безвозмездными, если условиями таких договоров не определено иное (презумпция безвозмездного лицензионного договора установлена в абзаце третьем пункта 5 статьи 1286 («оберточная» лицензия) и пункте 5 статьи 1286.1 ГК РФ (открытая лицензия)).

Несмотря на то, что законодателем установлен запрет на заключение между коммерческими организациями безвозмездного лицензионного договора лишь в случае предоставления исключительной лицензии на весь срок действия исключительного права и на всей территории Российской Федерации (пункт 5.1 статьи 1235 ГК РФ), следует признать, что чаще всего договоры об использовании программ являются возмездными, в связи с чем детальное внимание следует уделить именно им.

В абзаце третьем пункта 5 статьи 1235 ГК РФ установлен неисчерпывающий перечень форм выплаты вознаграждения:

а) фиксированные разовые платежи;

б) периодические платежи;

в) процентные отчисления от дохода (выручки);

г) иные формы расчета лицензионного вознаграждения.

К иным формам расчета может быть, в частности, отнесен расчет размера лицензионного вознаграждения исходя из количества пользователей программы или количества рабочих мест, на которых одновременно может быть запущена программа. К иным формам также следует отнести расчет вознаграждения исходя из действий лицензиата по использованию программы: например, исходя из количества операций (действий), осуществленных пользователем при использовании программы. Таким образом, стороны не ограничены в определении размера вознаграждения – главное, чтобы порядок определения вознаграждения был юридически закреплен и понятен для сторон такого договора.

Первые две формы выплаты вознаграждения (разовые и периодические платежи) могут быть применимы как в ситуациях, когда программные продукты используются лицензиатом для собственных нужд («пользовательские» лицензионные отношения), так и в ситуациях, когда такие программы используются для целей, связанных с извлечением прибыли от распространения программ для ЭВМ («дистрибьюторские» лицензионные отношения).

Третья форма выплаты вознаграждения (в размере процентных отчислений от дохода лицензиата), применимая лишь к «дистрибьюторским» лицензионным отношениям, характеризуется определенными особенностями, установленными законодателем. Так, исходя из системного толкования законодательства, по общему правилу, если иное не установлено договором, неиспользование прав, предоставленных по лицензионному договору, не влечет за собой каких-либо негативных последствий для лицензиата. Вместе с тем, в случае если лицензионное вознаграждение определяется исходя из процентных отчислений от дохода (выручки), неиспользование лицензиатом предоставленных прав является основанием для взыскания лицензиаром с лицензиата его убытков, связанных с таким неиспользованием[296].

Таким образом, проведенное разграничение форм выплаты вознаграждения на те, которые характеры для «пользовательских» отношений, и те, которые характерны для «дистрибьюторских» отношений, имеет правовое значение, заключающееся в определении последствий неиспользования программы для ЭВМ лицензиатом.

Лицензионное вознаграждение уплачивается за сам факт предоставления лицензиаром права использования программы лицензиату: фактическое неиспользование лицензиатом программы не является основанием для возврата или удержания такого вознаграждения, на что неоднократно обращали внимание суды при рассмотрении споров об исполнении лицензионных договоров[297].

Базовое правило заключается в том, что, в случае если лицензионный договор со стороны лицензиара был исполнен надлежащим образом, что выражается в предоставлении лицензиату права использования программы для ЭВМ в обусловленных договором пределах с предоставлением соответствующей документации (если применимо), лицензиат обязан исполнить обязательство по выплате лицензионного вознаграждения в предусмотренном договором

---

[296] См. абзацы четвертый и пятый пункта 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

[297] См., например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31.08.2023 N С01-1434/2023 по делу N А71-2112/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

размере. Основанием для возврата уплаченного лицензионного вознаграждения является неисполнение или ненадлежащее исполнение лицензионного договора лицензиаром, о чем более подробно изложено в следующем параграфе.

В связи с тем что условие о вознаграждении лицензиара является существенным условием лицензионного договора, несогласование сторонами лицензионного договора такого условия влечет за собой признание договора незаключенным, что не вызывает сомнений и о чем прямо указано в абзаце втором пункта 5 статьи 1235 ГК РФ. Вместе с тем определенные вопросы, связанные с вознаграждением за предоставленные лицензиату права, все же возникают.

Во-первых, в случае одновременного предоставления по одному лицензионному договору прав использования нескольких программ за определенный (фиксированный) размер вознаграждения (без распределения в договоре размера вознаграждения за предоставление прав использования каждой конкретной программы) будет ли условие о вознаграждении считаться согласованным?

Во-вторых, зависит ли размер вознаграждения от фактического срока использования программы лицензиатом и, в случае если такой срок явно меньше того, который был определен по договору, возможно ли в такой ситуации произвести возврат вознаграждения пропорционально сроку фактического использования программы лицензиатом?

Необходимость получения однозначного ответа на первый вопрос прямо обусловлена целью разрешения ряда ситуаций, актуальных для случаев, когда одним договором предусматривается предоставление права использования одновременно нескольких программ. Так, например, лицензиат может отказаться от какой-то конкретной программы, если право на односторонний отказ от исполнения договора ему прямо предоставлено договором. В качестве второго примера можно привести ситуацию, когда одна из предусмотренных договором программ не соответствует предусмотренным договором требованиям о ее функционале, что позволяет лицензиату отказаться от договора в связи с

существенным нарушением договора лицензиаром. В качестве третьего примера можно привести ситуацию, когда лицензиар по независящим от него обстоятельствам не может предоставить права на какую-то конкретную программу, однако предоставление прав на остальные программы остается возможным. В ситуациях подобного рода возникает необходимость среди единого вознаграждения за права использования двух и более программ выделить вознаграждение за право использования программы, которое сохраняется за лицензиатом после частичного отказа от исполнения договора.

Если придерживаться формального подхода, который в полной мере соответствует сформулированным законодателем существенным условиям лицензионного договора о предоставлении права использования программы для ЭВМ (статья 1286 ГК РФ), такой договор следовало бы признать незаключенным, поскольку в данном случае каждая из программ для ЭВМ, право использования которой предоставляется по договору, образует самостоятельный предмет договора и в случае возмездного лицензионного договора обязательным становится определение конкретного размера вознаграждения или порядка его определения в отношении каждой из программ для ЭВМ. Вместе с тем с целью сохранения в описанных выше ситуациях лицензионных отношений, возникших в связи с заключением договоров, по которым одновременно предоставляется право использования нескольких программ для ЭВМ, более целесообразным представляется применение подхода, согласно которому в подобного рода ситуациях следует исходить из того, что определенный сторонами размер вознаграждения подлежит разделению на количество программ, право использования которых представлено по лицензионному договору.

В ситуации, когда стоимость лицензии сформулирована за конкретное количество пользователей или конкретное количество рабочих мест, установление лицензионного вознаграждения за каждого конкретного пользователя или за каждое рабочее место вовсе представляется несущественным, поскольку при наступлении обозначенных выше или иных подобных ситуаций

лицензионное вознаграждение за фактическое количество пользователей и (или) рабочих мест может быть определено арифметически исходя из пропорционального соотношения установленного сторонами размера вознаграждения и фактически сложившегося объема использования.

Ответ на вопрос о возможности возврата лицензиатом уплаченного в пользу лицензиара вознаграждения целесообразнее будет рассмотреть в следующем параграфе, посвященном в том числе основаниям и последствиям расторжения лицензионных договоров.

§ 3.3. Изменение и расторжение договоров в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ

Изменение и расторжение договоров возможно по соглашению сторон, если иное не предусмотрено ГК РФ, другими законами или договором (пункт 450 ГК РФ). В этой связи, по общему правилу, изменение или расторжение договора осуществляется посредством выражения на то воли обеих сторон договора (двустороннее соглашение об изменении или расторжении договора). В отдельных случаях, прямо предусмотренных ГК РФ, другими законами или непосредственно договором для изменения или расторжения договора может быть достаточно воли одной из сторон договора (односторонняя сделка). При этом одностороннее волеизъявление на изменение или расторжение договоров в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом имеет определенные особенности, связанные с основаниями и порядком их реализации, на которых следует остановиться подробнее в рамках настоящего параграфа.

3.3.1. Изменение договоров в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ. Как отмечается в теории гражданского права, изменение договоров в смысле, который ему придается в главе 29 ГК РФ, имеет строго определенные границы:

в подобных случаях меняются конкретные условия договора, но не его модель[298]. На данном основании к изменениям договоров в исследуемой сфере следует относить ситуации, когда происходит изменение предмета договора (например, замена ранее предоставленной программы для ЭВМ ее новой версией), расширение или сужение пределов использования программы для ЭВМ в части качественного (способы использования) и (или) количественного (объемы использования) показателя использования программы, изменение размера или порядка определения размера лицензионного вознаграждения (например, замена ежегодного платежа на ежемесячный платеж) и т. д.

В соответствии с ГК РФ одностороннее изменение условий обязательства, связанного с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, не допускается, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором (пункт 1 статьи 310 ГК РФ). Если исполнение обязательства связано с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его сторонами, право на одностороннее изменение его условий может быть предоставлено договором лишь стороне, не осуществляющей предпринимательскую деятельность, за исключением случаев, когда законом или иным правовым актом предусмотрена возможность предоставления договором такого права другой стороне (пункт 2 статьи 310 ГК РФ). Таким образом, право на одностороннее изменение условий обязательств, возникающих в связи с заключением договоров в исследуемой сфере, может быть предоставлено лишь физическому лицу, выступающему в рамках «потребительских» лицензионных отношений на стороне лицензиата.

Как было отмечено ранее, «пользовательские» (в том числе «потребительские») лицензионные отношения зачастую возникают в связи с заключением в упрощенном порядке соглашения с конечным пользователем (EULA), условия которого зачастую размещаются на сайте правообладателя, что предоставляет последнему техническую возможность в любой момент изменять

[298] Брагинский М.И. Договорное право: общие положения. 4-е изд. М.: Статут, 2020. С. 437.

такие условия. С учетом того что лицензионное соглашение с конечным пользователем представляет собой лицензионный договор, соответствующие действия правообладателя следует квалифицировать как односторонне изменение условий лицензионного договора. В этой связи возникает вопрос: являются ли действия лицензиара по одностороннему изменению условий использования правомерными или все же они нарушают установленное законом требование о том, что в рамках «потребительских» лицензионных отношений право одностороннего изменения обязательства может быть предоставлено лишь физическому лицу, выступающему на стороне лицензиата?

Необходимо сделать акцент на том обстоятельстве, что статья 310 ГК РФ запрещает одностороннее изменение именно обязательства, а не любых изменений соглашения сторон в целом. Понятие обязательства при этом закреплено в пункте 1 статьи 307 ГК РФ, согласно которому в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности. Применяя указанное правило к лицензионному договору, под обязательством следует понимать обязанность лицензиара предоставить право использования программы и право должника требовать от лицензиара исполнения такой обязанности. В случае если лицензионный договор является возмездным, то, помимо указанного, под обязательством следует также понимать обязанность лицензиата выплатить обусловленное договором вознаграждение и, соответственно, право лицензиара требовать от лицензиата исполнения такой обязанности.

Основанием возникновения обязательства из лицензионного договора является юридический факт – заключение такого договора в установленной законом форме (момент возникновения обязательства), а исполнение такого обязательства будет считаться состоявшимся со стороны лицензиара с момента предоставления программы, а со стороны лицензиата – с момента оплаты вознаграждения (если такое вознаграждение было предусмотрено договором) (момент исполнения обязательства). Именно на промежутке между моментом

возникновения и моментом исполнения обязательства его изменение не допускается.

Односторонним изменением обязательства из лицензионного договора будет считаться, в частности, ситуация, когда программа была предоставлена на срок действия исключительного права (бессрочно) за вознаграждение в определенном размере, а в последующем лицензиар требует с лицензиата выплатить дополнительное вознаграждение, которое не было обусловлено изначально условиями договора. Еще одним частным случаем одностороннего изменения обязательства следует считать ситуацию, когда программа была предоставлена на определенный срок, но в последующем доступ лицензиата к программе был в одностороннем порядке прекращен до истечения такого срока.

Изменение договора возможно по соглашению сторон, если иное не предусмотрено Гражданским кодексом Российской Федерации, иными законами или договором (пункт 1 статьи 450 ГК РФ). Исходя из такой формулировки, право на одностороннее изменение лицензиаром условий пользовательского соглашения может быть прямо указано в ней. При этом с учетом пункта 4 статьи 450 ГК РФ лицензиар должен при реализации такого права действовать добросовестно и разумно в пределах, установленных законом и договором.

В целом следует сказать, что включение в пользовательское соглашение новых условий, изменение и исключение условий и, соответственно размещение на сайте правообладателя новой редакции пользовательского соглашения является абсолютно нормальной (типичной) практикой. Кроме того, такое изменение не представляется противоречащим действующему законодательству, в том числе статье 310 ГК РФ, ввиду того, что указанная норма запрещает именно изменение обязательства, но вместе с тем не любое изменение пользовательского соглашения будет являться изменением обязательства.

Зачастую программы предоставляются на условиях подписки, которая предполагает возможность лицензиата пользоваться программой до тех пор, пока действует его подписка. Такая модель, по сути, представляет собой срочный возмездный лицензионный договор. В таком случае при пролонгации подписки

следует констатировать возникновение нового обязательства, а потому следует признать право лицензиара на увеличение стоимости подписки до момента ее оформления или продления лицензиатом.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что действующее законодательство допускает одностороннее изменение условий пользовательского соглашения, если право на такое изменение прямо им предусмотрено, осуществляется в предусмотренном пользовательским соглашением порядке и при этом такое изменение не противоречит законам, не нарушает права лицензиатов. Кроме того, реализация лицензиаром права на одностороннее изменение условий пользовательского соглашения в целом является нормальной практикой[299].

3.3.2. Расторжение договоров в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ. Гражданским кодексом Российской Федерации предусмотрено три общих основания расторжения любого гражданско-правового договора, независимо от его вида: 1) по соглашению сторон (пункт 1 статьи 450 ГК РФ); 2) по требованию одной из сторон при существенном нарушении договора другой стороной (подпункт 1 пункта 2 статьи 450 ГК РФ); 3) по требованию одной из сторон вследствие существенно изменившихся обстоятельств (статья 451 ГК РФ).

Лицензионный договор, заключенный в упрощенном порядке также может быть расторгнут по дополнительным основаниям, которые установлены в отношении договоров присоединения. Так, в соответствии с пунктом 3 статьи 428 ГК РФ расторжение договора присоединения возможно в следующих случаях: а) в связи с лишением присоединившейся к договору стороны прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида; б) в связи с исключением или ограничением ответственности другой стороны за нарушение обязательства; в) в связи с наличием в договоре явно обременительных условий. Вместе с тем с учетом пункта 3 статьи 428 ГК РФ, по указанным основаниям, может быть

[299] См., например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.08.2021 N С01-1222/2021 по делу N А40-170894/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

расторгнут не только договор присоединения, но и обычный договор, если при заключении такого договора его условия определены одной из сторон, а другая сторона в силу явного неравенства переговорных возможностей поставлена в положение, существенно затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора. Следовательно, лицензионный договор, заключенный в общем порядке, также может быть расторгнут по указанным в пункте 2 статьи 428 ГК РФ основаниям.

Расторжение договора по соглашению сторон возможно в ситуации, когда решение о расторжении договора является обоюдным намерением сторон, потому такое расторжение происходит сторонами самостоятельно, без применения механизмов государственного принуждения. В случае же расторжения договора по инициативе одной из сторон в связи с существенным нарушением договора или вследствие существенно изменившихся обстоятельств (в ситуации, когда стороны не смогли договориться о приведении договора в соответствие с существенно изменившимися обстоятельствами или о его расторжении) – такое расторжение возможно исключительно в судебном порядке.

Кроме вышеупомянутых оснований расторжения договора, подпунктом 2 пункта 2 статьи 450 ГК РФ установлено, что договор также может быть расторгнут по требованию одной сторон в судебном порядке в иных случаях, предусмотренных ГК РФ, иными законами или договором. Таким образом, конкретный перечень оснований для расторжения договора в большей степени зависит от воли сторон, поскольку стороны вправе сами устанавливать те обстоятельства, возникновение которых будет являться основанием для расторжения договора. Соответственно, в каждых конкретных правоотношениях будет свой, отличный от иных правоотношений объем оснований для расторжения договора. Так, Ирландский профессор Роберт Кларк обращает внимание на важность анализа условий лицензии в рамках проверки сделки по продаже компании-лицензиата, даже в случае если лицензия является бессрочной и полностью оплаченной. Автор обращает внимание на то обстоятельство, что зачастую лицензия содержит указание на ее «персональный» характер,

недопустимость ее передачи третьим лицам и возможность лицензиара прекратить действие лицензии в случае изменения контроля со стороны лицензиата. Соответствующие условия явным образом направлены на невозможность передачи лицензии в обход воли лицензиара, а потому их нарушение констатируется как нарушение авторских права правообладателя программы[300].

Если говорить о российском законодательстве, сформулированный в ГК РФ принцип свободы договора позволяет сторонам формулировать основания прекращения действия лицензии, а значит, указанное выше замечание применимо в том числе и к лицензионным договорам, заключаемым в соответствии с российским законодательством.

От оснований для расторжения договора в судебном порядке следует отличать основания для одностороннего отказа от договора во внесудебном порядке, которые предполагают достаточным для прекращения договора самого факта уведомления стороной, которой такое право предоставлено, другой стороны об отказе от договора.

Применительно к лицензионным отношениям, право одностороннего отказа предоставлено, в частности, лицензиару в ситуации, когда произошло существенное нарушение лицензиатом обязанности по выплате лицензиару в установленный лицензионным договором срок вознаграждения за предоставление права использования программы (пункт 4 статьи 1237 ГК РФ). В данном случае в судебном порядке может быть разрешен вопрос о возмещении лицензиару убытков, однако сам договор будет считаться прекращенным по истечении тридцатидневного срока с момента получения уведомления об отказе от договора, если в этот срок лицензиат не исполнил обязанность выплатить вознаграждение.

Правило, предусмотренное пунктом 4 статьи 1237 ГК РФ, является частным случаем (основанием) для отказа от договора (исполнения договора), который

[300] Clark R. Software licensing in M&A transactions // Computer and Telecommunications Law Review. 2022. PP. 156-158.

предусмотрен статьей 450.1 ГК РФ. При этом, согласно пункту 4 указанной статьи, право одностороннего отказа может быть предоставлено стороне нормой ГК РФ (например, пункт 4 статьи 1237 ГК РФ предоставляет такое право лицензиару), другими законами, нормативными правовыми актами или договором.

Таким образом, конкретные основания для отказа от договора во внесудебном порядке, так же как и основания для расторжения договора в судебном порядке, могут быть установлены самими сторонами договора. Вместе с тем указанное правило применимо не ко всем гражданско-правовым отношениям. Исключение из этого правило сформулировано в абзаце втором пункта 2 статьи 310 ГК РФ: «Если исполнение обязательства связано с осуществлением предпринимательской деятельности лишь одной из сторон такого обязательства, право на односторонний отказ может быть предоставлено лишь стороне, не осуществляющей предпринимательскую деятельность, за исключением случаев, когда законом или иным правовым актом предусмотрена возможность предоставления договором такого права другой стороне».

Таким образом, исходя из буквального толкования законодательства, в рамках «потребительских» лицензионных отношений условиями договора право одностороннего отказа от договора может быть предоставлено лишь физическому лицу, выступающему в качестве субъекта «потребительских» лицензионных отношений на стороне лицензиата. В то же время указанное не исключает возможности для лицензиара отказаться от исполнения договора с физическим лицом (лицензиат) по иным предусмотренным законом основаниям (в частности, на основании пункта 4 статьи 1237 ГК РФ) или расторгнуть договор в судебном порядке по основаниям, предусмотренным законом или договором.

Физическое лицо также может выступать в гражданско-правовых отношениях в качестве заказчика по договору возмездного оказания услуг. Примечательно, что для такой договорной модели, в отличие от лицензионной, заказчику непосредственно нормой ГК РФ предоставлено право на

односторонний отказ от договора (статья 782 ГК РФ)[301]. Такое право является безусловным, может быть им реализовано независимо от причин такого отказа и в отсутствие каких-либо условий и (или) виновных действий (бездействий) исполнителя. Единственным условием является необходимость компенсировать исполнителю фактически понесенные им расходы. Возникает следующий вопрос: возможна ли реализация права на односторонний отказ от договора лицензиатом по лицензионному договору в отсутствие такого права по договору и, несмотря на то, что такое право лицензиату прямо законом не предоставлено?

Согласно пункту 1 статьи 6 ГК РФ, в случаях, когда гражданско-правовые отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяется гражданское законодательство, регулирующее сходные отношения (аналогия закона). На таком основании можно было бы рассмотреть возможность применения нормы об одностороннем отказе от договора применительно к лицензионным отношениям. Однако представляется, что в данном случае применение аналогии закона исключается нормами ГК РФ. Во-первых, согласно пункту 1 статьи 310 ГК РФ, односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом, другими законами или иными правовыми актами. Во-вторых, исходя из формулировки пункта 4 статьи 450 ГК РФ, право одностороннего отказа от договора должно быть прямо сформулировано в ГК РФ, ином законе или договоре. Таким образом, очевидно, что на поставленный вопрос следовало бы ответить отрицательно, поскольку непосредственно нормами ГК РФ такое право лицензиату не предоставлено, что не исключает возможность лицензиата расторгнуть договор по основаниям, предусмотренным таким договором или законом.

---

[301] Указанное обстоятельство в очередной раз показывает важность уяснения действительного смысла отношений по предоставлению удаленного доступа к программному обеспечению, судебная практика в сфере регулирования которых была подробно изложена в параграфе 2.1 настоящего диссертационного исследования («Классические» лицензионные отношения по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ и отношения, построенные по модели удаленного доступа»).

На практике зачастую встречаются ситуации, когда лицензиат в случае неудовлетворенности качеством программного продукта считает возможным отказаться от лицензионного договора или расторгнуть его в судебном порядке, вернув часть суммы уплаченного лицензионного вознаграждения пропорционально фактическому сроку использования программы или в целом всю сумму (если лицензиатом программа не использовалась вообще[302]). В такой ситуации лицензиат чаще всего обращается в суд за взысканием неизрасходованного аванса или вознаграждения в полном объеме, считая такую сумму неосновательным обогащением лицензиара или убытками лицензиата. Подходы судов при рассмотрении подобных исков зависят от фактических обстоятельств дела. Так, в каждом конкретном случае судами устанавливается наличие или отсутствие у лицензиата, во-первых, самого права на отказ от договора или расторжение договора, а во-вторых – наличие оснований для взыскания с лицензиара неосновательного обогащения или убытков.

Наиболее часто встречающимся является подход, в соответствии с которым законодательством лицензиату не предоставлено право одностороннего отказа от лицензионного договора, в связи с чем в ситуации, когда обязательства лицензиара по предоставлению прав использования были надлежащим образом исполнены, говорить о неосновательном обогащении представляется невозможным[303]. Аналогичный подход применим к ситуациям, когда размер неосновательного обогащения или убытков рассчитывается исходя из размера неизрасходованного аванса пропорционально сроку фактического использования программы[304].

---

[302] Стоит отметить, что само по себе неиспользование программы, исходя из правовой позиции Верховного Суда, изложенной в абзаце третьем пункта 40 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», не является основанием для возврата лицензионного вознаграждения. Вместе с тем на ситуации, когда такое неиспользование обусловлено неисполнением или ненадлежащим исполнением лицензиаром своих обязательств по договору, стоит смотреть иначе с учетом того, что в таком случае неиспользование лицензиатом программы для ЭВМ непосредственно связано с виновными действиями лицензиара.

[303] См., например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.04.2022 N С01-471/2022 по делу N А40-140884/2021, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11.12.2022 N С01-2178/2022 по делу N А56-23252/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

[304] См., например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11.12.2022 г. по делу N А56-23252/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

Подобные выводы судов кажутся вполне логичными и очевидными в ситуации, когда нежелание лицензиата продолжать использование продукта связано исключительно с его неудовлетворенностью функционалом программы, который был изначально обозначен лицензиаром. В ситуации же, когда фактический функционал программы не соответствует тому, который был обозначен в договоре (например, некоторые функции, гарантированные по условиям договора, фактически отсутствуют), лицензиату должно быть предоставлено право на расторжение договора в связи существенным нарушением договора лицензиаром (подпункт 1 пункта 2 статьи 450 ГК РФ)[305].

В целом суды исходят из возможности взыскания с лицензиара уплаченного лицензиатом вознаграждения на том основании, что функционал программы не соответствовал тому, который был описан в договоре[306]. Вместе с тем не является основанием для расторжения договора и возврата лицензионного вознаграждения несовместимость программы с иными программными продуктами, если иное не установлено договором. К такому выводу, пришли, в частности, Арбитражный суд города Москвы и Девятый арбитражный апелляционный суд при принятии судебных актов по иску лицензиата о расторжении лицензионного договора и взыскании неосновательного обогащения (с выводами нижестоящих судов согласился и Суд по интеллектуальным правам)[307].

Анализ правоприменительной практики позволяет констатировать, что при определенных условиях несоответствие функционала программы условиям договора является основанием как для его расторжения, так и для взыскания лицензионного вознаграждения. Соответствующий подход применим, в

---

[305] Между тем нельзя не отметить, что в ситуации, когда сами стороны договора не определили, что именно будет являться существенным нарушением договора, вопрос о существенности нарушения остается на усмотрение суда. В этой связи в интересах лицензиата определенно важным является определение в самом договоре того функционала, который должен быть обеспечен программой, и то, что наличие у программы такого функционала является существенным для лицензиата. В противовес интересам лицензиата и в защиту интересов лицензиара выступает оговорка «as is», которая устанавливает, что лицензиар не гарантирует того, что программное обеспечение будет отвечать всем ожиданиям лицензиата.

[306] См., например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15.08.2016 года N С01-668/2016 по делу N А40-105969/2014 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

[307] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 06.12.2023 г. N С01-2293/2023 по делу N А40-255727/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

частности, в ситуации, когда доступ лицензиата к функционалу программы прекращен в полном объеме до истечения срока действия лицензии, установленного договором. При этом в данном случае важно, чтобы такое прекращение доступа было неправомерным, т. е. в отсутствие правовых оснований на такое прекращение.

В качестве основания для правомерного прекращения доступа к программе может выступать неисполнение лицензиатом обязанности по оплате вознаграждения лицензиара. Так, Суд по интеллектуальным правам при рассмотрении жалобы на решения судов нижестоящих инстанций по иску индивидуального предпринимателя о расторжении лицензионного договора пришел к выводу, что доступ к функционалу программы был прекращен правомерно, поскольку договором прямо было предусмотрено право лицензиара на ограничение доступа лицензиата к программе при несвоевременном исполнении обязательства по оплате лицензионного вознаграждения. Суд посчитал, что при таких обстоятельствах нет оснований для расторжения договора и взыскания с лицензиара неосновательного обогащения, о чем просил истец[308].

В ситуациях, когда правовые основания для прекращения доступа к программе отсутствуют, суды устанавливают возможность возврата вознаграждения, уплаченного за предоставленную программу, в полном размере или в части (в зависимости от конкретных фактических обстоятельств отношений между сторонами лицензионного договора и в большей степени – объема исполненного по лицензионному договору). Интересными в данной части представляются дела по спорам о поставке иностранных программных продуктов. Так, судами при рассмотрении дела по иску покупателя о взыскании суммы соразмерно уменьшению цены договора, которое, по его мнению, обусловлено тем, что его доступ к обновлениям программы был прекращен, в удовлетворении требований было отказано. Ключевым аргументом судов

[308] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.04.2021 г. N С01-199/2021 по делу N А40-2379/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

было то обстоятельство, что такие требования были предъявлены к поставщику экземпляров программ, который отвечает исключительно за качество товаров и не в силах контролировать исполнение лицензионных обязательств, которые возникли между конечным пользователем и правообладателем программы непосредственно[309].

Иначе был разрешен спор по тому же программному продукту в ситуации, когда конечный пользователь обратился с требованием к аффилированному с правообладателем лицу, которое в соответствии с условиями EULA, размещенной на сайте правообладателя, было стороной лицензионного соглашения. Так, судами при рассмотрении дела по иску конечного пользователя к аффилированному с правообладателем лицу о взыскании с него убытков пропорционально периоду, в течение которого у конечного пользователя отсутствовала возможность скачивания обновлений программы, требования конечного пользователя были удовлетворены. В данном случае суды исходили из того, что, поскольку ранее правообладателем надлежащим образом исполнялись обязательства по предоставлению обновлений программ, а в последующем такое исполнение обязательства было прекращено в отсутствие на то каких-либо правовых оснований и лишь в связи со сложной геополитической обстановкой, конечным пользователем в данном случае понесены убытки, которыми является неизрасходованный аванс конечного пользователя, уплаченный за предоставленные права[310]. К аналогичным выводам пришел Арбитражный суд Московского округа в рамках рассмотрения иного спора: поскольку истцом были приобретены сертификаты, удостоверяющие его имущественные права на получение от правообладателя определенных услуг в части использования программного продукта, односторонний отказ от исполнения обязательства в связи с геополитической обстановкой в данном случае является недопустимым. В связи с этим лицо, которое в соответствии

---

[309] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.06.2023 г. N Ф05-12664/2023 по делу N А40-207389/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

[310] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.01.2024 г. N С01-2841/2023 по делу N А40-294471/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

с условиями EULA является его стороной вследствие аффилированности его с правообладателем, обязано компенсировать лицензиату его убытки[311].

Проблемной представляется ситуация, когда лицензиар в отсутствие правовых оснований отказался от исполнения по лицензионному договору и прекратил доступ лицензиата к программному продукту, который по условиям договора был предоставлен на неопределенный срок. Возникает вопрос, на который на сегодняшний день нет ответа: как в этом случае считать убытки лицензиата? Рассматриваемая ситуация актуальна в большей степени для лицензионных отношений, построенных по модели удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ, в связи с чем для решения поставленной проблемы было предложено признать условие о сроке доступа к функционалу программы для ЭВМ в качестве существенного условия соответствующего договора.

Таким образом, с учетом актуальной судебной практики можно констатировать, что в ситуации, когда лицензионный договор был неправомерно приостановлен или прекращен лицензиаром в одностороннем порядке, лицензиату принадлежит право на возмещение убытков, которые связаны с таким прекращением, в частности, сумм неизрасходованного аванса, пропорционально сроку фактического использования программы[312]. Реализация права на взыскание убытков, возможна независимо от наличия у лицензиата права на односторонний отказ от договора или его расторжение, поскольку такой механизм представляет собой защиту прав лицензиата в ситуации, когда договор уже был неправомерно приостановлен или прекращен лицензиаром в одностороннем порядке. В ситуации же, когда лицензионный договор продолжает свое действие, возврат лицензионного вознаграждения в целом или части допустим лишь в случае, если лицензиату по условиям договора предоставлено право на односторонний отказ от договора и возврат

---

[311] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.08.2023 г. N Ф05-16560/2023 по делу N А40-211662/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

[312] Стебаев А.А. Лицензионный договор о предоставлении права использования программы для ЭВМ: основания и последствия расторжения // Юридическая наука, 2024. № 3. С. 175.

вознаграждения пропорционально фактическому сроку использования программы или когда функционал программы, права на которую были предоставлены по договору, полностью или частично не соответствует тому, который был описан в договоре, вследствие чего лицензиат приобретает право на расторжение договора и взыскание денежных сумм, представляющих собой убытки лицензиата или неосновательное обогащение лицензиара.

Участие потребителя в гражданско-правовых отношениях по умолчанию предполагает распространение на такие отношения действия законодательства о защите прав потребителей, которое отличается своей определенной спецификой. В этой части примечательны выводы, которыми руководствовались суды при рассмотрении дел о расторжении потребителем сублицензионного договора:

1) Заключение между сторонами сублицензионного договора для личных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, не отменяет применение как норм закона о защите прав потребителей, так и общих норм ГК РФ о заключении и расторжении договоров, предусматривающих свободную обоюдную волю сторон на возникновение и прекращение определенных, исходящих из принципа равенства сторон правоотношений, в которых потребителям, как более слабой стороне, обеспечиваются повышенные стандарты защиты нарушенных прав;

2) Из системного толкования статей 421, 422 ГК РФ во взаимосвязи с положениями части 1 статьи 16 Закона «О защите прав потребителей» следует, что принцип свободы договора не является безусловным. Стороны вправе самостоятельно определять условия заключаемого договора, за исключением случаев, предусмотренных Законом. Условия договора, ставящие потребителя в худшее положение, чем предусмотрено законодательством, регулирующим соответствующие правоотношения, являются недействительными;

3) Поскольку стороной в настоящем сублицензионном договоре является гражданин, то к правоотношениям сторон применяются положения статьи 32 Закона «О защите прав потребителей», согласно которой потребитель вправе

отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг, и в этом случае возмещению подлежат только понесенные исполнителем расходы, связанные с исполнением обязательств по договору.

Апеллируя к вышеуказанным доводам, суды пришли к выводу о том, что потребитель имеет право отказаться от лицензионного договора до его исполнения и, соответственно, вернуть сумму, которая была уплачена в счет выплаты лицензионного вознаграждения в полном размере, поскольку доказательств несения лицензиаром каких-либо расходов суду представлено не было. При этом суды посчитали лицензионный договор расторгнутым с момента направления потребителем отказа от договора, поскольку в силу прямого указания пункта 2 статьи 450.1 ГК РФ договор считается расторгнутым в связи с односторонним правомерным отказом истца от его исполнения[313].

Вышеприведенный случай не является единственным в своем роде. В целом, обозначенная практика рассмотрения споров с потребителем достаточно популярна. Так, в ином деле суды также пришли к выводу о том, что отношения из лицензионного договора, в котором в качестве лицензиата выступает потребитель, в силу субъектного состава таких отношений регулируются законодательством о защите прав потребителей, а потому потребитель имеет право на расторжение лицензионного договора и возврат вознаграждения[314].

На первый взгляд может показаться, что суды при рассмотрении споров о расторжении лицензионных договоров с потребителями констатируют, что у потребителя имеется право одностороннего отказа от договора, которое предусмотрено ГК РФ для заказчика по договору об оказании услуг. Такой подход вступает в полное противоречие с ранее обозначенным, в том числе с тем, что законное право одностороннего отказа от договора возмездного оказания услуг (статья 782 ГК РФ) не применимо по отношению к лицензионному договору. Тем не менее, основным моментом в вышеприведенных примерах

---

[313] Определение Четвертого кассационного суда от 09.11.2023 г. N 88-35622/2023 по делу N 2-145/2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

[314] Определение Седьмого кассационного суда от 30.08.2022 г. N 88-12363/2022 по делу N 88-12363/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

является то обстоятельство, что на момент отказа потребителя от договора программа ему предоставлена не была (предоставление лицензионных ключей и их активация потребителем не были доказаны лицензиаром), то есть договор со стороны лицензиара исполнен не был.

В ситуации, когда договор со стороны лицензиара был исполнен, подход судов, рассматривающих спор с потребителем, аналогичен ранее описанному подходу. Так, суды, при рассмотрении спора о расторжении лицензионного договора о предоставлении права использовании программы пришли к выводу о том, что в ситуации, когда со стороны лицензиара договор был исполнен (программа предоставлена), потребитель не вправе расторгнуть такой договор и вернуть вознаграждение. К такому выводу суды пришли с учетом уже обозначенного выше тезиса о том, что лицензионное вознаграждение выплачивается за сам факт предоставления программы независимо от того, используется она или нет, а также с учетом того, что программное обеспечение является иным объектом гражданских правоотношений, регулируемых частью 4 ГК РФ. Особое внимание судов было привлечено именно ко второму моменту: «В соответствии с Законом «О защите прав потребителей» правовому регулированию подлежат отношения, которые возникают между потребителем и изготовителем, исполнителем, импортером при продаже товаров[315] (выполнении работ, оказании услуг). Буквальное толкование данного положения приводит к выводу о том, что отношения, которые не связаны с продажей товаров, выполнением работ и оказанием услуг, находятся за рамками закона безотносительно к их субъектному составу. При таком подходе приобретение программы для ЭВМ истцом для личных и домашних нужд, опосредуемое

[315] Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что следует понимать под данными терминами: под товаром следует понимать вещь (вещи), определенную либо родовыми (числом, весом, мерой), либо индивидуальными признаками, предназначенную для продажи или иного введения в гражданский оборот; под работой следует понимать действие (комплекс действий), имеющее материально выраженный результат и совершаемое исполнителем в интересах и по заказу потребителя на возмездной договорной основе; под услугой следует понимать действие (комплекс действий), совершаемое исполнителем в интересах и по заказу потребителя в целях, для которых услуга такого рода обычно используется, либо отвечающее целям, о которых исполнитель был поставлен в известность потребителем при заключении возмездного договора (подпункты «б», «в» и «г» пункта 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.07.2012 года N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» / СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024)).

лицензионным договором, не охватывается положениями законодательства о защите прав потребителей.»[316].

Примечательно, что в другом споре о расторжении лицензионного договора в связи с отказом от его исполнения потребителем суд кассационной инстанции дал аналогичное обоснование, но уже применительно к отношениям по предоставлению удаленного доступа к функционалу программы (SaaS-модель): «При таком подходе приобретение цифрового контента потребителем для личных и домашних нужд, опосредуемое лицензионным договором, не охватывается положениями Закона РФ «О защите прав потребителей»[317].

С учетом проанализированной выше судебной практики, нельзя не отметить некоторую непоследовательность логики судов при рассмотрении споров в сфере «потребительских» лицензионных отношений, выражающейся в том, что суды то применяют к таким отношениям законодательство о защите прав потребителей, то исключают его применение. Указанная непоследовательность, безусловно, должна быть устранена, в целях единообразия судебной практики[318]. Применение законодательства о защите прав потребителей к «потребительским» лицензионным отношениям представляется целесообразным лишь в случаях ненадлежащего исполнения правообладателем (или управомоченным им лицом) своих обязательств. К соответствующим случаям следует отнести, в том числе предоставление права использования программы для ЭВМ, не соответствующей обусловленному договором функционалу и досрочное прекращение доступа пользователя к функционалу программы для ЭВМ.

В заключение настоящей главы отметим основные выводы, к которым удалось прийти по результатам рассмотрения вопросов, связанных с заключением, исполнением, изменением и расторжением

---

[316] Определение Седьмого кассационного суда от 13.07.2023 г. N 88-12326/2023 по делу N 2-4694/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

[317] Определение Второго кассационного суда от 07.07.2022 г. N 2-2699/2021 по делу N 88-12587/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2024).

[318] Стебаев А.А. Лицензионный договор о предоставлении права использования программы для ЭВМ: основания и последствия расторжения // Юридическая наука, 2024. № 3. С. 176.

договоров в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ:

1) Лицензионный договор о предоставлении права использования программы для ЭВМ может быть заключен в общем порядке, то есть посредством оформления такого договора в письменной форме, а также в упрощенном порядке, под которым понимается совершение пользователем определенных конклюдентных действий, квалифицированных лицензиаром в качестве акцепта как присоединения к условиям договора (например, установка программы для ЭВМ в память компьютера, оплата лицензионного вознаграждения или регистрация и получение доступа к личному кабинету).

2) Акцептом оферты (условий использования программы) могут быть не только действия лицензиата (например, установка программы для ЭВМ в память компьютера, оплата лицензионного вознаграждения или регистрация и получение доступа к личному кабинету), но и бездействие лицензиата, если такому бездействию условиями оферты присваивается правовая квалификация (например, неосуществление лицензиатом действий по деактивации личного кабинета по истечении установленного офертой периода).

3) Под пределами использования программы для ЭВМ следует понимать допустимые качественные (способы использования программы для ЭВМ) и количественные (количество пользователей и (или) устройств, на которых может быть запущена программа для ЭВМ) характеристики использования программы для ЭВМ, а также иные границы правомерного (договорного) использования программы для ЭВМ (в том числе территория и срок использования). Выход лицензиата за предусмотренные законом и (или) договором пределы является основанием для привлечения лицензиата к ответственности за внедоговорное использование программы для ЭВМ.

4) Условия лицензионного договора о предоставлении права использования программы для ЭВМ возможно подразделить на три группы: существенные (условия о предмете договора посредством указания на конкретную программу для ЭВМ, право использования которой предоставлено по договору, способах

использования программы и лицензионном вознаграждении (в случае заключения возмездного договора)); определимые (условия о территории и сроке использования программы); случайные (в том числе условия об ограничении ответственности лицензиара за качество предоставленной программы для ЭВМ).

5) Под условием лицензионного договора о предмете договора следует понимать указание наименования программы для ЭВМ (в том числе, посредством указания номера реестровой записи в случае, когда программа для ЭВМ зарегистрирована в установленном законом порядке) и описание ее функционала. В случае отсутствия в договоре подробного описания функционала программа для ЭВМ, право использования которой предоставлено по лицензионному договору, должна быть пригодна для целей, для которых обычно используются программы для ЭВМ подобного рода.

6) Определение качественных характеристик использования программы для ЭВМ (конкретных способов) является обязательным, поскольку несогласование сторонами договора допустимых способов использования программы для ЭВМ влечет признание такого договора незаключенным. Отсутствие в договоре количественных характеристик использования программы для ЭВМ (объема использования исходя из количество пользователей и (или) устройств, на которых может быть запущена программа для ЭВМ) не влечет за собой аналогичные последствия, поскольку в таком случае такие характеристики считаются не установленными.

7) Под условием лицензионного договора о вознаграждении следует понимать указание в лицензионном договоре конкретного размера или порядка определения размера лицензионного вознаграждения. Неиспользование лицензиатом программы не является основанием для возврата лицензионного вознаграждения, в случае если такое неиспользование не связано с виновными действиями лицензиара, поскольку такое вознаграждение выплачивается за сам факт предоставления права, а не за фактическое использование программы.

8) Срок доступа является существенным условием договора, направленного на возникновение лицензионных отношений, построенных по модели удаленного

доступа, поскольку в случае несогласования субъектами лицензионных отношений срока доступа расчет части лицензионного вознаграждения, подлежащей возврату в связи с преждевременным прекращением доступа пользователя ЭВМ к функционалу программы, будет затруднителен.

9) Действующее законодательство допускает одностороннее изменение условий пользовательского соглашения, если право на такое изменение прямо им предусмотрено, осуществляется в предусмотренном пользовательским соглашением порядке и при этом такое изменение не противоречит законам, не нарушает права лицензиатов. При этом следует иметь в виду, что не любое изменение пользовательского соглашения будет означать изменение обязательства, а лишь то, которое направлено на изменение существенных условий договора (в том числе, размер лицензионного вознаграждения) и осуществлено на промежутке между моментом возникновения и моментом исполнения обязательства.

10) Приостановление доступа лицензиата к программе для ЭВМ в отсутствие оснований для такого приостановления является неправомерным, и одновременно данное обстоятельство выступает в качестве основания для возврата лицензиату уплаченного им вознаграждения пропорционально сроку фактического использования программы как неосновательного обогащения лицензиара или убытков лицензиата. Реализация права на взыскание убытков в данном случае возможна независимо от наличия у лицензиата права на односторонний отказ от договора или его расторжение, поскольку такой механизм представляет собой защиту прав лицензиата (пользователя) в ситуации, когда договор уже был неправомерно приостановлен или прекращен лицензиаром в одностороннем порядке.

11) В ситуации, когда договор продолжает свое действие, возврат лицензионного вознаграждения допустим лишь в двух случаях:

а) если лицензиату по условиям договора предоставлено право на односторонний отказ от договора и возврат вознаграждения пропорционально фактическому сроку использования программы;

б) если функционал программы, права на которую были предоставлены по договору, полностью или частично не соответствует тому, который был описан в договоре, вследствие чего лицензиат приобретает право на расторжение договора и взыскание денежных сумм, представляющих собой убытки лицензиата (пользователя) или неосновательное обогащение лицензиара.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью настоящего диссертационного исследования являлось решение научной проблемы, заключающейся в формировании комплексного научного представления о лицензионных отношениях по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ и разработке на его основе новых теоретических и практических положений о правовом регулировании лицензионных отношений по поводу программ для ЭВМ. Достижению поставленной цели предшествовало решение ряда поставленных задач.

В рамках проведенного исследования были выявлены основные этапы становления лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ и современные тенденции в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ.

Основные этапы становления лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ могут быть охарактеризованы следующим образом:

— первый этап (вторая четверть XIX – начало XX века) – зарождение в России института авторского права, в целом, появление первых документов, регулирующих указанную сферу;

— второй этап (начало-конец XX века) – становление модели лицензионного договора от его первого прообраза (издательского договора) до аналога современного договора о предоставлении права использования результата интеллектуальной деятельности в пределах и способами, предусмотренных договором;

— третий этап (90-е года XX века – начало XXI века) – законодательное установление (признание) правовой охраны программ для ЭВМ и формирование специальных норм, регулирующих лицензионные отношения по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ;

— четвертый этап (с момента введения в действие четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации) – кодификация правовых норм регламентирующих лицензионные отношения и дальнейшее совершенствование

законодательства в обозначенной сфере, выражающееся в регламентации упрощенной формы заключения лицензионного договора (пункт 5 статьи 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации), открытых лицензий на объекты авторского права (в т. ч., программы) (статья 1286.1 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Современные тенденции в сфере лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ могут быть охарактеризованы следующим образом:

1) появление новых моделей оформления лицензионных отношений (удаленный доступ к функционалу программы для ЭВМ без предоставления самого экземпляра программы для ЭВМ), что следует расценивать как положительное явление, способствующее развитию общественных отношений и создающее необходимость в развитии законодательства в сфере лицензионных отношений в целях их надлежащей регламентации и решения проблем, складывающихся в правоприменительной практике;

2) участившиеся случаи одностороннего нарушения обязательств из договоров в сфере лицензионных отношений правообладателями-резидентами недружественных стран, что следует расценивать как негативное и временное явление;

3) закрепление приоритета отечественных программных продуктов перед программными продуктами иностранных правообладателей, выражающееся в установлении государством как стимулирующих, так и ограничительных мер, что следовать расценивать как адекватную реакцию государства на внешние вызовы, которая направлена на обеспечение государственного «цифрового» суверенитета в сфере использования информационных технологий.

По результатам рассмотрения элементов (объект, субъекты, содержание) было сформулировано понятие «лицензионных отношений», под которыми предлагается понимать длящиеся гражданско-правовые отношения по поводу использования программы для ЭВМ в предусмотренных законом и (или) договором пределах (способы, объемы (количество пользователей, устройств

и т. д.), срок и территория использования). Соответствующие отношения возникают в связи с наступлением юридического факта: создание программы для ЭВМ (в предусмотренных законом случаях: например, в рамках исполнения договора о создании программы для ЭВМ по заказу) или заключение между правообладателем (или управомоченным им лицом) и лицензиатом (пользователем) договора, направленного на возникновение лицензионных отношений. К договорам, направленным на возникновение лицензионных отношений, относятся лицензионный договор и договор о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ.

В рамках проведенного соотношения лицензионных отношений с иными гражданско-правовыми отношениями было установлено, что лицензионные отношения выступают в качестве фактора, обуславливающего возникновение иных гражданско-правовых отношений (оказание услуг по технической поддержке программы для ЭВМ и выполнение работ по разработке (доработке) программы для ЭВМ). Обозначенное место лицензионных отношений находит свое отражение в обусловленности возникновения перечисленных гражданско-правовых отношений наличием у их субъектов необходимых прав по использованию программы для ЭВМ, возникающих в связи с наступлением юридических фактов, направленных на возникновение лицензионных отношений.

В рамках проведенной систематизации современных видов лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ было установлено, что лицензионные отношения могут быть подразделены исходя из ряда оснований:

1) содержание лицензионных отношений («классические» лицензионные отношения и отношения, построенные по модели удаленного доступа). Построенные по модели удаленного доступа лицензионные отношения характеризуются отсутствием у пользователя непосредственного доступа к экземпляру программы для ЭВМ и, как следствие, наличием у правообладателя (или управомоченного им лица) технической возможности прекратить соответствующий доступ в одностороннем порядке, что создает объективную

необходимость в квалификации срока доступа в качестве существенного условия соответствующего договора;

2) правовой статус и цель субъектов лицензионных отношений («дистрибьюторские» и «пользовательские» лицензионные отношения). «Дистрибьюторские» лицензионные отношения связаны с осуществлением коммерческой деятельности по распространению программ для ЭВМ (отношения между правообладателем и дистрибьюторами). «Пользовательские» лицензионные отношения связаны с использованием программы для ЭВМ в целях реализации ее функциональных возможностей субъектом-предпринимателем в рамках осуществления им своей хозяйственной деятельности («предпринимательские» лицензионные отношения) или лицензиатом-гражданином, использующим программу для личных нужд («потребительские» лицензионные отношения);

3) степень установленных правообладателем в отношении использования программы для ЭВМ ограничений («проприетарные» и «свободные» программы для ЭВМ). К «проприетарным» относятся программы для ЭВМ с закрытым исходным кодом, предоставляемые для использования в рамках строго регламентированных договором пределах в соответствии с условиями договора, заключаемого в общем или упрощенном («оберточная» лицензия) порядке. К «свободным» относятся программы для ЭВМ с открытым исходным кодом, предоставляемые для использования в том числе в целях разработки новых программных продуктов, использование которых должно осуществляться с учетом условий лицензии на основной программный продукт посредством распоряжения правообладателем любым не противоречащим законодательству способом («открытая» лицензия, публичное заявление и т.д.).

Наконец, в рамках проведенного анализа деловой и правоприменительной практики был выявлен ряд проблем, связанных с возникновением, исполнением, изменением и прекращением лицензионных отношений:

1) отсутствие единого подхода к правовой квалификации отношений, построенных по модели удаленного доступа, при наличии объективной

необходимости в определении правовых норм, подлежащих применению к отношениям, возникающим в связи с заключением договора о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ. В качестве решения обозначенной проблемы предлагается закрепить в части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации конструкцию соответствующего договора, существенными условиями которого, помимо условий о предмете договора, размере или порядке определения размера вознаграждения, является срок доступа;

2) отсутствие единого подхода к правовой квалификации широко распространенного в договорной практике условия о предоставлении программы «as is» («как есть»), то есть в том состоянии, в котором она существовала на момент ее предоставления с учетом того, что на сегодняшний день в договорной практике можно встретить различные вариации данного условия, что не позволяет признать его в качестве устоявшегося обычая. В качестве решения обозначенной проблемы был предложен вариант формулирования соответствующего условия, который будет обеспечивать баланс прав и законных интересов субъектов лицензионных отношений;

3) отсутствие единого подхода по вопросу о том, что следует понимать под территорией использования программы для ЭВМ (место нахождения самого пользователя, место нахождения устройства, на которое загружена программа для ЭВМ, или что-то еще). В качестве решения обозначенной проблемы предлагается дополнить Гражданский кодекс Российской Федерации императивной нормой о возможности использования программы для ЭВМ на территории всего мира при том, что в целях обеспечения баланса прав и законных интересов субъектов лицензионных отношений настоящая норма будет применима лишь к «пользовательским» лицензионным отношениям;

4) отсутствие в законе определимого условия на случай, когда договором не предусмотрено подробное описание функциональных возможностей программы для ЭВМ, право использования которой предоставляется по лицензионному договору, и, как следствие, невозможность в таком случае

определить минимальный объем требований, которым должна соответствовать программа для ЭВМ. В качестве решения обозначенной проблемы было предложено закрепить в части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации определимое условие о функциональных возможностях программы для ЭВМ. Так, в случае если лицензионным договором не предусмотрено описание функциональных возможностей программы для ЭВМ, право использования которой предоставлено по лицензионному договору, предлагается исходить из того, что такая программа для ЭВМ должна быть пригодна для достижения такого результата, который обычно достигается при использовании программ для ЭВМ подобного рода;

5) отсутствие в законе определимого условия на случай, когда договором не предусмотрено ограничение по количественному объему использования программы для ЭВМ. В качестве решения обозначенной проблемы было предложено закрепить в части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации определимое условие о количественных показателях пределов использования программы для ЭВМ. Так, в случае если лицензионным договором не предусмотрено ограничение по количеству пользователей или устройств, на которых одновременно может быть запущена программа для ЭВМ, предлагается исходить из того, что лицензиат может использовать программу для ЭВМ без соответствующих ограничений.

Представляется, что предлагаемые пути решения проблем не повлекут за собой нарушение прав и законных интересов субъектов лицензионных отношений, а напротив, обеспечат их баланс. В этой связи был разработан проект федерального закона о внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, направленный на решение обозначенных выше проблем.

В заключение следует отметить, что на сегодняшний день можно говорить о том, что лицензионные отношения по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ представляют собой целую систему отношений, построение которой было основано на характерных свойствах программы для ЭВМ как объекта таких отношений. В настоящем диссертационном исследовании

были приведены имеющие юридическое значение основания для разграничения таких отношений, в том числе исходя из содержания лицензионных отношений, статуса и цели субъектов лицензионных отношений, а также степени установленных правообладателем ограничений при использовании программ для ЭВМ. Вместе с тем с более чем с абсолютной уверенностью можно говорить о том, что развитие информационных технологий будет и дальше создавать основания для выделения новых критериев подразделения лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ, ведь как было проиллюстрировано в настоящей работе, именно развитие информационных технологий выступает в качестве движущего вектора развития общественных отношений, создает необходимость в уяснении новых категорий и урегулировании отношений по поводу таких объектов, а потому актуальность темы настоящего исследования всегда будет соответствовать текущей информационной действительности.

Дальнейшие исследования в рассматриваемой области могут быть посвящены исследованию особенностей новых видов лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ, формулированию существенных условий соответствующих договоров и определению их места в системе лицензионных отношений по распоряжению исключительным правом на программы для ЭВМ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативные правовые акты

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (Заключена в г. Берне 09.09.1886) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Всемирная конвенция об авторском праве (Заключена в г. Женеве 06.09.1952) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г., № 138-ФЗ: принят Гос. Думой 23 октября 2002 г.: подписан Президентом России 14 ноября 2002 г. // СПС «КонсультантПлюс».

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г., № 95-ФЗ: принят Гос. Думой 14 июня 2002 г.: подписан Президентом России 24 июля 2002 г. // СПС «КонсультантПлюс».

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г., № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 октября 1994 г.: подписан Президентом России 30 ноября 1994 г. // СПС «КонсультантПлюс».

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г., № 14-ФЗ: принят Гос. Думой 22 декабря 1995 г.: подписан Президентом России 26 января 1996 г. // СПС «КонсультантПлюс».

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18 декабря 2006 г., № 230-ФЗ: принят Гос. Думой 24 ноября 2006 г.: подписан Президентом России 18 декабря 2006 г. // СПС «КонсультантПлюс».

8. Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ «Об электронной подписи»: принят Гос. Думой 25 марта 2011 г.: подписан Президентом России 6 апреля 2011 г. // СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 27 июля 2006 N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: принят Гос. Думой 8 июля 2006 г.: подписан Президентом России 27 июля 2006 г. // СПС «КонсультантПлюс».

10. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей»: Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1: подписан Президентом России 7 февраля 1992 г. // СПС «КонсультантПлюс».

11. Указ Президента Российской Федерации от 27.05.2022 № 322 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми правообладателями» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Указ Президента Российской Федерации от 30 марта 2022 года № 166 «О мерах по технологической независимости и безопасности критической информационной структуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2015 года № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 19.08.2015 № 305 «Об утверждении Методических рекомендаций по использованию свободного программного обеспечения в деятельности федеральных органов исполнительной власти, включая критерии определения государственных информационных систем, при создании которых необходимо использовать свободное программное обеспечение, в том числе государственных информационных систем, предназначенных для оказания государственных и муниципальных услуг в электронном виде» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Директива N 91/250/ЕЭС Совета Европейских Сообществ «О правовой охране компьютерных программ» (Принята в г. Брюсселе 14.05.1991) // СПС «КонсультантПлюс».

16. Директива N 2009/24/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О правовой охране компьютерных программ (Принята в г. Страсбурге 23.04.2009)» // СПС «КонсультантПлюс».

II. Нормативные правовые акты, утратившие силу

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т.III. 1828 г. – СПб, 1830 (утратил силу).

2. Положение об авторском праве: Высочайше утвержденный одобренный Государственным советом и Государственною думою закон. 20 марта 1911 г. // 3 ПСЗ. Т 31. № 34935. Собрание узаконений. 1911. 30 марта. Отд. I. Ст. 560 (утратил силу).

3. Гражданский кодекс РСФСР: утв. Верховным советом РСФСР 11 июня 1964 г. // СПС «КонсультантПлюс» (утратил силу).

4. Закон РСФСР от 24.12.1990 N 443-1 «О собственности в РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс» (утратил силу).

5. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утв. постановлением Верховного совета СССР N 2211-1 от 31 мая 1991 г. (утратил силу).

6. Закон Российской Федерации «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных»: Закон РФ от 23 сентября 1992 № 3523-1 // СПС «КонсультантПлюс» (утратил силу).

7. Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах»: Закон РФ от 09 июля 1993 № 5351-1 // СПС «КонсультантПлюс» (утратил силу).

III. Разъяснения компетентных органов

1. Письмо Минцифры России от 07.09.2021 N П11-2-05-200-38749 «О рассмотрении обращений субъектов предпринимательской деятельности

и заинтересованных лиц в сфере информационных технологий» // СПС «КонсультантПлюс».

IV. Проекты нормативных правовых актов

1. Проект Федерального закона N 92282-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также в статью 15 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (подготовлен Минцифры России, ID проекта 02/04/04-24/00147401) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 27.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

V. Судебная практика

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.04.2023 N 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 N 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса

Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.07.2012 года N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.04.2025 N С01-2575/2024 по делу N А56-105288/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.03.2025 N С01-2752/2023 по делу N А40-286010/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.10.2024 N С01-1852/2024 по делу N А40-161176/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.07.2024 N С01-1219/2024 по делу N А40-171761/2023 // СПС «СПС Консультант Плюс».

11. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.05.2024 N С01-377/2024 по делу N А40-100154/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.01.2024 г. N С01-2841/2023 по делу N А40-294471/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 06.12.2023 г. N С01-2293/2023 по делу N А40-255727/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31.08.2023 N С01-1434/2023 по делу N А71-2112/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.04.2023 N С01-687/2023 по делу N А40-152311/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.04.2023 N С01-562/2023 по делу N А40-50027/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11.12.2022 N С01-2178/2022 по делу N А56-23252/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31.05.2022 N С01-486/2022 по делу N А40-146770/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.04.2022 N С01-471/2022 по делу N А40-140884/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.04.2022 N С01-253/2022 по делу N А83-11509/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 21.02.2022 N С01-2359/2021 по делу N А40-103741/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.01.2022 г. N С01-2265/2021 по делу N А53-12137/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

23. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.11.2021 N С01-1876/2021 по делу N А40-214414/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

24. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.10.2021 N С01-1476/2021 по делу N А40-177787/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

25. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.08.2021 N С01-1222/2021 по делу N А40-170894/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

26. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26.05.2021 г. N С01-718/2021 по делу N А45-9337/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

27. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.04.2021 г. N С01-199/2021 по делу N А40-2379/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

28. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 02.11.2020 г. N С01-1150/2020 по делу N А29-5935/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

29. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.05.2018 года N С01-241/2018 по делу N А40-20130/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

30. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15.08.2016 года N С01-668/2016 по делу N А40-105969/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

31. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 13.07.2016 N С01-445/2016 по делу N А40-183718/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

32. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28.10.2014 N С01-1002/2014 по делу N А40-142241/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

33. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.12.2013 N С01-317/2013 по делу N А40-20795/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

34. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24.08.2023 г. N Ф08-8287/2023 по делу N А32-5951/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

35. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.08.2023 г. N Ф05-16560/2023 по делу N А40-211662/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

36. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.06.2023 г. N Ф05-12664/2023 по делу N А40-207389/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

37. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.03.2025 N 88-5390/2025 по делу N 88-5390/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

38. Определение Второго кассационного суда от 07.07.2022 г. N 2-2699/2021 по делу N 88-12587/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

39. Определение Четвертого кассационного суда от 09.11.2023 г. N 88-35622/2023 по делу N 2-145/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

40. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15.11.2022 N 88-22897/2022 по делу N 2-2643/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

41. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2022 N 88-1988/2022 по делу N 2-882/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

42. Определение Седьмого кассационного суда от 13.07.2023 г. N 88-12326/2023 по делу N 2-4694/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

43. Определение Седьмого кассационного суда от 30.08.2022 г. N 88-12363/2022 по делу N 88-12363/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

44. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25 декабря 2023 года N 09АП-77525/2023 по делу N А40-100154/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

45. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 октября 2022 года N 09АП-61099/2022 по делу N А40-99922/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

46. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.02.2018 года N 09АП-67977/2017-ГК по делу N А40-53878/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

47. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 19 января 2021 г. по делу N А60-55171/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

48. FEDERAL COURT OF AUSTRALIA QAD Inc v Shepparton Partners Collective Operations Pty Ltd [2021] FCA 615 // URL: https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2021/2021fca0615.

49. Tribunal de grande instance de Nanterre Ordonnance de référé 30 novembre 2012 // URL: https://www.legalis.net/jurisprudences/tribunal-de-grande-instance-de-nanterre-ordonnance-de-refere-30-novembre-2012/.

50. Irwin Seating Co v. International Business Machines Corp. 306 Fed. Appx. 239 (6th Cir. 2009) URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca6/07-2126/09a0002n-06-2011-02-25.html.

VI. Научная и учебная литература

1. Агарков, М.М. Избранные труды по гражданскому праву в 2-х томах / М.М. Агарков. – М.: Центр ЮрИнфоР. – 2002. – Т. 1. – 452 с.

2. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит. – 1966. – 187 с.

3. Белов, В.А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий / В.А. Белов // Объекты гражданского оборота : сборник статей. – М.: ООО «Издательство «СТАТУТ». – 2007. – С. 6-77.

4. Близнец, И.А. Авторское право и смежные права: учебник / под ред. И.А. Близнеца. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект. – 2018. – 456 с.

5. Близнец, И.А. Внедрение свободных лицензий: правовая или организационная проблема? / И.А. Близнец, К.Б. Леонтьев // Копирайт. – 2011. – № 2. – С. 61–69.

6. Бородина, Ж.Н. Программа для ЭВМ как объект правовой охраны / Ж.Н. Бородина // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. – 2022. – № 8. – С. 22-28.

7. Брагинский, М.И. Договорное право: общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – 4-е изд. – М.: Статут. – 2020. – 847 с.

8. Быков, С.Н. Система гражданско-правовых средств охраны компьютерных программ: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / С.Н. Быков. – М. – 2013. – 228 с.

9. Вавилин, Е.В. Концепция механизма осуществления гражданских прав / Е.В. Вавилин // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: сборник статей. под ред. Е. А. Суханова, А. В. Асоскова, М. Л. Башкатова [и др.]. – М.: Статут. – 2018. – С. 92-110.

10. Вавилин, Е.В. Понятие, структура и содержание правоотношения / Е.В. Вавилин // Власть Закона. – 2013. – № 1(13). – С. 15-21.

11. Веселкова, Е.Е. Правовое регулирование программного обеспечения как услуги облачных сервисов / Е.Е. Веселкова, А. В. Зюзин // Universum: экономика и юриспруденция. – 2021. – № 9(84). – С. 13-18.

12. Видьма, В.В. Особенности договоров о распоряжении исключительными авторскими правами: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.В. Видьма. – Новосибирск. – 2017. – 254 с.

13. Витко, В.С. Гражданско-правовая природа лицензионного договора / В.С. Витко. – М.: Статут. – 2012. – 297 с.

14. Войниканис, Е.А. Правовые аспекты лицензий Creative Commons / Е.А. Войниканис // Законодательство. – 2010. – № 8. – С. 39-49.

15. Гаврилов, Э.П. Право на интеллектуальную собственность: новеллы, внесенные Федеральным Законом от 12 марта 2014 года № 35-ФЗ в главу 70 ГК

РФ / Э.П. Гаврилов // Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век. – М.: «Юрсервитум». – 2016. – С. 86-98.

16. Гаврилов, Э.П. Интеллектуальные права несовершеннолетних / Э.П. Гаврилов // Хозяйство и право. – 2011. – № 9(416). – С. 55-62.

17. Гаврилов, Э.П. Общие положения права интеллектуальной собственности: краткий комментарий к главе 69 ГК РФ / Э.П. Гаврилов // Хозяйство и право. –2007. – № 9 (368). – С. 24-35.

18. Головин, К.С. Особенности правового режима программ для ЭВМ в сети Интернет, работающих по свободной лицензии GPL / К.С. Головин // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 2. – С. 110-118.

19. Гринь, Е.С. Трансформации требований к форме договоров с учетом развития цифровых технологий // Е.С. Гринь // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6 (103). – С. 49-57.

20. Дозорцев, В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. науч. ст. / В.А. Дозорцев. – М.: Статут. – 2005. – 413 с.

21. Еременко, В.И. Авторские права на программы для электронных вычислительных машин / В.И. Еременко // Биржа интеллектуальной собственности. – 2010. – Т. 9, № 7. – С. 5-19.

22. Еременко, В.И. Имущественные права на произведения в соответствии с частью четвертой ГК РФ / В.И. Еременко // Биржа интеллектуальной собственности. – 2010. – Т. 9, № 10. – С. 5-20.

23. Иваненко, М.А. Механизмы правовой охраны компьютерных программ / М.А. Иваненко // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). – 2024. – № 2. – С. 5-19.

24. Иоффе, О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. – М.: Юрид. Лит. – 1975. – 880 с.

25. Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шарогродский. – М.: Юрид. лит. – 1961. – 381 с.

26. Иоффе, О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе. – Ленинград: Из-во Ленинградского ун-та. – 1949. – 144 с.

27. Исаков, В.Б. Юридические факты в советском праве / В.Б. Исаков. – М.: Юридическая литература. – 1984. – 144 с.

28. Калиничева, Е.П. Лицензионный договор как основание возникновения обязательства: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.П. Калиничева. – Ростов-на-Дону. – 2011. – 193 с.

29. Калятин, В.О. Проблема ослабления имущественных прав в цифровой среде / В.О. Калятин // Вестник гражданского права. – 2018. – № 6. – С. 30-40.

30. Калятин, В.О. Поправки в часть четвертую Гражданского кодекса и их влияние на сферу электронной коммерции / В.О. Калятин // Закон. – 2014. – № 9. – С. 46-50.

31. Калятин, В.О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права): учебник для вузов / В.О. Калятин. – М.: НОРМА : ИНФРА-М. – 2000. – 459 с.

32. Канашевский, В.А. Судебные споры о прекращении технической поддержки программного обеспечения иностранными правообладателями / В.А. Канашевский // Журнал российского права. – 2024. – № 12. – С. 76-87.

33. Карелина, М.М. История формирования института авторского права / М.М. Карелина, Н.В. Бузова // Правосудие. – 2020. – Т. 2, № 4. – С. 153-175.

34. Карпычев, В.Ю. Особенности правового регулирования оборота программного обеспечения, реализуемого на основе SaaS-технологий / В.Ю. Карпычев, М.В. Карпычев, Ю.П. Шальнова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – №4 (40). – С. 141-146.

35. Колокольцева, А.В. Свободные лицензии «creative commons» и открытые лицензии по законодательству РФ / А.В. Колокольцева // Высокие технологии и инновации в науке: сборник избранных статей Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 27 сентября 2020 года. – Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие». – 2020. – С. 142-145.

36. Комашко, М.Н. Программы для ЭВМ и лицензионные договоры / М. Н. Комашко // Патенты и лицензии. – 2009. – № 2. – С. 25-30.

37. Корнеев, В.А. Топологии интегральных микросхем и программы для ЭВМ: учебное пособие / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. – М.: Проспект. – 2021 – 72 с.

38. Корнеев, В.А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.А. Корнеев. – М. – 2010. – 215 с.

39. Красавчиков, О.А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения / О.А. Красавчиков // Гражданские правоотношения и их структурные особенности: Сб. уч. тр. Вып. 39 / Изд-во Свердл. юрид. ин-та. – Свердловск. – 1975. – С. 7-25.

40. Красавчиков, О.А. Советское гражданское право: учеб. для вузов: в 2 т. / под ред. О.А. Красавчикова. – 2-е изд. – М.: Высш. шк. – 1972. – Т. 1. – 448 с.

41. Красавчиков, О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А Красавчиков. – М.: Госюриздат. – 1958. – 183 с.

42. Кузьменков, М.Ю. Лицензионные соглашения, используемые при распространении программных пакетов машинного обучения / М.Ю. Кузьменков // «Актуальные проблемы российского права». – 2023. – № 11 // СПС «КонсультантПлюс».

43. Кулаков, В.В. Обязательство и осложнения его структуры в гражданском праве России: монография / В.В. Кулаков. – М.: Российская академия правосудия. – 2009. – 188 с.

44. Матузов, Н.И. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – 3-е изд., перераб. и доп. – М: Норма: ИНФРА-М. – 2022. – 640 с.

45. Мочёнов, Н.Ю. Правовая охрана программ для ЭВМ: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.Ю. Мочёнов. – М. – 2007. – 137 с.

46. Нагродская, В.Б. Открытая лицензия как способ распоряжения исключительным правом на произведение науки, литературы и искусства: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.Б. Нагродская. – М., 2018. – 319 с.

47. Назаров, Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей / Б.Л. Назаров. – М.: Юрид. лит. – 1976. – 311 с.

48. Новоселова, Л.А. Право интеллектуальной собственности: учебник в 4 т. / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут. – 2017. – Т. 1. Общие положения. – 512 с.

49. Огородов, И.Д. Правовая квалификация договоров на предоставление компьютерных программ посредством облачных сервисов / И.Д. Огородов // НАУЧНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ - 2023 : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 03 июля 2023 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.). – 2023. – С. 14-19.

50. Опарина, М.В. Объекты права интеллектуальной собственности: проблемы внутреннего права и соотношение с международными нормами / М.В. Опарина // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 3. – С. 54-58.

51. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Ч.1: Вотчинные права. / К.П. Победоносцев. – СПб: Синодальная типография. – 1896. – 763 с.

52. Прокопьев, А.Ю. Гражданские правоотношения: понятие, элементы и виды: монография / А.Ю. Прокопьев. – М.: Юрлитинформ. – 2016. – 177 с.

53. Разуваев, В. Софт как услуга / В. Разуваев // ЭЖ-Юрист. – 2010. – № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

54. Ревинский, О.В. Правовая охрана компьютерных алгоритмов и рыночные требования / О.В. Ревинский // Интеллектуальная собственность. – 1999. – № 6. – С. 64-65.

55. Рожкова, М.А. О различиях между лицензионным договором и пользовательским соглашением / М.А. Рожкова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2024. – № 4 (46) – С. 121-133.

56. Рузакова, О.А. Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.03 / О.А. Рузакова. – М. – 2007. – 497 с.

57. Рыбянцев, А.А. Историко-правовой аспект поиска эффективных механизмов правовой охраны компьютерных программ / А.А. Рыбянцев // Актуальные проблемы права: теория и практика. – 2015. – № 31. – С. 220-227.

58. Рябов, К.И. Лицензионный договор о праве использования программы для ЭВМ / К.И. Рябов // Патенты и лицензии. – 2011. – № 1. – С. 52-57.

59. Рябов, К.И. Предмет лицензионного договора о праве использования программы для ЭВМ по функциональному назначению / К.И. Рябов // Интеллектуальная собственность: Авторское право и смежные права. – 2010. –№ 12. – С. 21-31.

60. Рясенцев, В.А. Представительство и сделки в современном гражданском праве / В.А. Рясенцев. – М: Статут. – 2006. – 603 с.

61. Савельев, А.И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения / А.И. Савельев. – М.: Статут. – 2024. – 620 с.

62. Савельев, А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование / А.И. Савельев. – М.: Статут. – 2014. – 543 с.

63. Савельев, А.И. Актуальные вопросы судебной практики в сфере оборота программного обеспечения в России / А.И. Савельев // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2013. – № 4. – С. 4-36.

64. Савельев, А.И. Лицензирование программного обеспечения в России: законодательство и практика: Науч. изд. / А.И. Савельев. – М.: Инфотропик Медиа. – 2012 // ИПО «ГАРАНТ».

65. Савельев, А.И. Свободные лицензии на программное обеспечение в контексте реформы гражданского законодательства / А.И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2012. – № 4. – С. 15-26.

66. Салицкая, Е.А. Становление института авторского права в европейских странах / Е.А. Салицкая // Вестник Российской академии наук. – 2015. – Т. 85, № 1. – С. 47-56.

67. Свиридова, Е.А. Открытая лицензия как правомерное действие правообладателя по установлению пределов свободного использования

произведения / Е.А. Свиридова // Новый юридический журнал. – 2014. – № 4. –С. 60–65.

68. Семенюта, Б.Е. Гражданско-правовые договоры права использования программы для ЭВМ: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Б.Е. Семенюта. – М. – 2013. – 200 с.

69. Семенюта, Б.Е. Способы заключения лицензионного договора при приобретении прав использования программ для ЭВМ / Б.Е. Семенюта // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2010. – № 5. – С. 29-37.

70. Сергеев, А.П. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая: учебно-практический комментарий / А.П. Сергеев. – М.: Проспект. – 2016. – 912 с.

71. Серов, А. SaaS: программное обеспечение или услуга? / А. Серов // ЭЖ-Юрист. – 2011. – № 17 // СПС «КонсультантПлюс».

72. Синицын, С. А. Гражданское право в современных социально-экономических условиях / С. А. Синицын // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 8-15.

73. Ситдикова, Р.И. Договоры о распоряжении исключительными правами / Р. И. Ситдикова // Право, экономика и управление: актуальные вопросы : сб. материалов Всерос. науч.-практич. конф. с международным участием. – Чебоксары. – 2020. – С. 259–262.

74. Ситдикова, Р.И. Гражданско-правовые договоры о распоряжении исключительными правами / Р.И. Ситдикова // Наука и образование: проблемы и перспективы : Материалы ежегодной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 25-летию Университета управления «ТИСБИ», Казань, 02 декабря 2016 года. – Казань: Университет управления «ТИСБИ». – 2016. – С. 321-325.

75. Ситдикова, Р.И. Правовая природа предоставления программного обеспечения по SaaS: лицензия или услуга? / Р.И. Ситдикова // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2013. – № 12. – С. 35-41.

76. Смирнов, Г.И. Тесно под одной крышей / Г.И. Смирнов // Вопросы изобретательства. – 1991. – № 1. – С. 45-48.

77. Смирнова, Е.Ю. Открытая лицензия как форма распоряжения исключительным правом на программу для ЭВМ с открытым исходным текстом: дис. .. канд. юрид. наук: 12.00.03 / Е.Ю. Смирнова. – М. – 2015. – 211 с.

78. Соболь, И.А. К вопросу о понятии свободной (открытой) лицензии в авторском праве России / И.А. Соболь // Право и экономика. – 2014. – № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

79. Сова, В.В. Классификация и содержание договоров в сфере интеллектуальной собственности: дис. .. канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.В. Сова. – М. – 2012. – 195 с.

80. Стебаев, А.А. Качество программного обеспечения как условие лицензионного договора / А.А. Стебаев // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2024. – № 3 (55). – С. 81-91.

81. Стебаев, А.А. Лицензионный договор о предоставлении права использования программы для ЭВМ: основания и последствия расторжения / А.А. Стебаев // Юридическая наука. – 2024. – № 3. – С. 174-176.

82. Стебаев, А.А. Регламентация содержания права пользователя программы для ЭВМ / А.А. Стебаев // Юридическая наука. – 2024. – № 10. – С. 198-200.

83. Стебаев, А.А. Правовая природа договорных отношений предоставления удаленного доступа к программному обеспечению / А.А. Стебаев // Юридическая наука. – 2023. – № 11. – С. 189-192.

84. Тархов, В.А. Гражданское право: Общая часть: Курс лекций / В.А. Тархов. –Чебоксары: Чув. кн. изд-во. – 1997. – 331 с.

85. Текеева, А.В. Открытые лицензии в праве интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Текеева. – М. – 2018. – 172 с.

86. Фролова, Е. Е. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения / Е. Е. Фролова, А. М. Берман // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – № 3. – С. 57-83.

87. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. – М.: Юрид. лит. – 1974. – 351 с.

88. Цепов, Г.В. К цивилистической теории смарт-контрактов / Г.В. Цепов, Н.В. Иванов // Закон. – 2022. – № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

89. Черячукин, В.В. Право интеллектуальной собственности на программы для ЭВМ и базы данных в Российской Федерации и зарубежных государствах: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.В. Черячукин. – Волгоград. – 2003. – 168 с.

90. Чурилов, А.Ю. Особенности распространения программ для ЭВМ на условиях открытых лицензий и лицензий программ с открытым исходным кодом / А.Ю Чурилов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2018. – № 3. – С. 47-56.

91. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Спарк. – 1995. – 556 с.

92. Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права. Ч. 2. / Г.Ф. Шершеневич. – Казань: Типография Императорского университета. – 1892. – 822 с.

93. Шершеневич, Г.Ф. Авторское право на литературные произведения / Г.Ф. Шершеневич. – Казань: Типография императорского университета. – 1891. – 313 с.

94. Шилохвост, О.Ю. Общие положения о договорных способах распоряжения исключительным правом / О.Ю. Шилохвост // Хозяйство и право. – 2008. – № 9. – С. 3-23.

95. Шуваев, В.А. Гражданско-правовое регулирование лицензионного договора на использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.А. Шуваев. – М. – 2009. – 207 с.

96. Щербак, Н.В. Договоры, направленные на передачу прав на произведения в материальной и цифровой реальности / Н.В. Щербак // Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты. – 2023. – Вып. 19. – С. 39-60.

97. Щербачева, Л.В. Применение «свободных» лицензий в программном обеспечении / Л.В. Щербачева // Государственная служба и кадры. – 2014. – № 4. – С. 46-48.

98. Янковенко, Д.А. Способы передачи исключительного права на программы для ЭВМ по праву Германии и России: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.03 / Д.А. Янковенко. – М. – 2013. – 200 с.

99. Clark, R. Software licensing in M&A transactions / R. Clark // Computer and Telecommunications Law Review. – 2022. – № 28 (7). – PP. 156-158.

100. Clark, R. Software agreements, sales law and commercial agents / R. Clark // Computer and Telecommunications Law Review. – 2017. – № 23 (1). – PP. 16-22.

101. Gallegos, J. A new role for tortious interference in the digital age: a model to enforce end user license agreements / J. Gallegos // Florida State University Law Review. –2011. – Vol. 38 Num. 2. – PP. 411-434.

102. Kratochwill, G. What is the Difference between a Software License Agreement and a «Software as a Service» (SaaS) Agreement? / G. Kratochwill // Les Nouvelles - Journal of the Licensing Executives Society. – 2021. – Vol. 56 Num. 3. PP. – 259 – 261.

103. Madison, M.J. Reconstructing the Software License / M.J. Madison // Loyola University Chicago Law Journal. – 2003. Vol. 35. Iss. 1. PP. 275 – 340.

104. Maggio, E. Access to cloud distribution platforms and software safety / E. Maggio // European Competition Law Review. – 2017. – № 38 (12). – PP. 547 – 554.

105. Marotta-Wurgler, F. What’s in a Standard Form Contract? An Empirical Analysis of Software License Agreements / F. Marotta-Wurgler // Journal of Empirical Legal Studies. – 2007. – Vol. 4 Iss. 4. – PP. 677-713.

106. Spindler, G. Rechtliche Rahmenbedingungen des «Software as a Service»-Konzepts / G. Spindler // Software-as-a-Service: Anbieterstrategien, Kundenbedurfnisse und Wertschopfungsstrukturen. – 2010. – PP. 31-40.

107. Stallman, R. Free Software, Free Society: Selected Essays of Richard M. Stallman / R. Stallman. – Boston, MA USA. – 2022. – 223 pp.

108. Zmurchyk, R. Contractual Validity of End User License Agreements / R. Zmurchyk // Appeal review of current law and law reform. – 2006. – Vol. 11 Num. 1. – PP. 57-74.

VII. Иные источники

1. Сайт операционной системы GNU [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gnu.org/philosophy/free-sw.html.

2. Единый реестр российских программ для ЭВМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://reestr.digital.gov.ru/.

3. Государственный реестр программ для ЭВМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www1.fips.ru/registers-web/.

Приложение №1. Проект федерального закона о внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации

Вносится Правительством
Российской Федерации

Проект

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации

Статья 1

Внести в Гражданский кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2006, № 52, ст. 5496; 2011, № 30, ст. 4055; 2014, № 11, ст. 1100) следующие изменения:

1) дополнить статьей 1235.1 «Договор о предоставлении удаленного доступа к программе для ЭВМ»:

«1. По договору о предоставлении удаленного доступа к программе для ЭВМ одна сторона – обладатель исключительного права на программу для ЭВМ или управомоченное правообладателем лицо предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (пользователю) возможность реализовывать в предусмотренных договором пределах функционал

программы на ЭВМ пользователя посредством удаленного доступа пользователя ЭВМ к экземпляру программы, размещенному на сервере правообладателя программы для ЭВМ или управомоченного им лица.

Пользователь не становится обладателем прав, предусмотренных статьей 1280 настоящего Кодекса.

2. Договор о предоставлении удаленного доступа к программе для ЭВМ заключается в письменной форме или в упрощенном порядке.

Договор о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ, заключаемый в упрощенном порядке, является договором присоединения, условия которого, в частности, могут быть изложены в электронном виде (пункт 2 статьи 434). Начало использования программы для ЭВМ пользователем, как оно определяется указанными условиями, означает его согласие на заключение договора. В этом случае письменная форма договора считается соблюденной.

Договор о предоставлении удаленного доступа к функционалу программы для ЭВМ, заключаемый в упрощенном порядке, является безвозмездным, если договором не предусмотрено иное.

3. Договор о предоставлении удаленного доступа к программе для ЭВМ должен предусматривать:

1) предмет договора путем указания на программу для ЭВМ, право использования которой предоставляется по договору и место размещения

такой программы для ЭВМ (адрес сайта в сети Интернет, через который осуществляется подключение пользователя к программе для ЭВМ);

2) срок, на который предоставляется право использования программы для ЭВМ посредством предоставления пользователю удаленного доступа к программе для ЭВМ для цели использования ее функциональных возможностей.

4. Правила настоящего Кодекса о лицензионном договоре применимы к отношениям, возникающим в связи с заключением договора о предоставлении удаленного доступа к программе для ЭВМ, если иное не предусмотрено правилами настоящего Кодекса или не вытекает из существа таких отношений»;

2) дополнить статьей 1286.2 «Лицензионный договор о предоставлении права использования программы для ЭВМ в целях реализации функциональных возможностей»:

«1. К лицензионным договорам о предоставлении лицензиату права использования программы для ЭВМ посредством ее инсталляции и запуска на ЭВМ лицензиата исключительно в целях реализации функциональных возможностей программы для ЭВМ применяются положения, предусмотренные настоящей статьей.

2. В случае если лицензионным договором не предусмотрено описание функциональных возможностей программы для ЭВМ, право использования

которой предоставлено по лицензионному договору, такая программа для ЭВМ должна быть пригодна для достижения такого результата, который обычно достигается при использовании программ для ЭВМ подобного рода.

Условия, ограничивающие использование программы для достижения такого результата, который обычно достигается при использовании программами для ЭВМ подобного рода, ничтожны.

3. Лицензиат вправе использовать программу для ЭВМ на территории всего мира, если иное не предусмотрено законом.

Условия, ограничивающие территорию, на которой допускается использование программы для ЭВМ в целях реализации функциональных возможностей, ничтожны, за исключением случаев, когда такие ограничения обусловлены техническими свойствами программы для ЭВМ, которые не позволяют использовать ее на территории всего мира.

4. Лицензиат вправе использовать программу для ЭВМ в объеме (количество пользователей и (или) ЭВМ, на которых одновременно может быть запущена программа), предусмотренном лицензионным договором.

Лицензиат не ограничен в объемах использования программы для ЭВМ (количество пользователей и (или) ЭВМ, на которых одновременно может быть запущена программа), если договором не предусмотрено иное».

Статья 2

1. Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент
Российской Федерации